

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА
ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Ло Лань

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЙ И СПОРОВ В ЮЖНО-
КИТАЙСКОМ МОРЕ**

Специальность 5.1.5. Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Солнцев Александр Михайлович

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ	16
1. Ресурсы Южно-Китайского моря как фактор возникновения региональных территориальных споров	16
2. Генезис правового статуса Южно-Китайского моря	24
2.1. Осуществление морского судоходства	24
2.2. Осуществление добычи морских живых ресурсов	41
2.3. Осуществление добычи минеральных ресурсов	50
3. Экологические аспекты международно-правового статуса Южно-Китайского моря	55
ГЛАВА II. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ	78
1. Национальная политика Китая относительно притязаний на Южно-Китайское море	96
2. Национальная политика Вьетнама относительно притязаний на Южно-Китайское море	118
3. Обращение Филиппин в Постоянную палату третейского суда 2013 г.	143
ГЛАВА III. СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЙ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ	165
1. Роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в урегулировании территориальных претензий в Южно-Китайском море	165
2. Реализация проектов по совместной разработке ресурсов Южно-Китайского моря	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	219

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Южно-Китайское море является самым большим морем в регионе Юго-Восточной Азии, омывающим берега таких прибрежных государств, как Малайзия, Государство Бруней-Даруссалам (Бруней), Республика Индонезия (Индонезия), Республика Сингапур (Сингапур), Социалистическая Республика Вьетнам (Вьетнам) и Китайская Народная Республика (Китай, КНР), включая острова Тайваня (Китайский Тайвань). В его морском пространстве проложены важнейшие морские судоходные пути сообщения между Тихим и Индийским океанами; оно содержит существенные запасы морских живых и неживых ресурсов.

В геополитическом измерении Южно-Китайское море является объектом территориальных претензий и споров со стороны некоторых прибрежных государств, в которые, к сожалению, вовлечены (скрыто или открыто) третьи (неприбрежные) государства. Для подтверждения этого можно назвать Стратегическую концепцию НАТО от 23 июля 2022 г.¹, а также расширение военного присутствия третьих государств в регионе с начала 2023 г., когда было объявлено о заключении договора между США и Филиппинами о размещении вооруженных сил на военных объектах Филиппин и модернизации инфраструктуры².

Часть указанных проблем стала предметом международно-правового разбирательства в результате инициирования правительством Филиппин

¹ Стратегическая концепция НАТО 2022 года (Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г). Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 10.10.2022 г.).

² Филиппины объявили об открытии 4 дополнительных военных баз для США. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/cn/%E4%B8%AD%E5%9B%BD/20230403-%E8%8F%B2%E5%BE%8B%E5%AE%BE%E5%AE%A3%E5%B8%83%E5%90%91%E7%BE%8E%E5%9B%BD%E5%A2%9E%E5%BC%80%E4%B8%AA%E5%86%9B%E4%BA%8B%E5%9F%BA%E5%9C%B0> (дата обращения 15.03.2023).

22 января 2013 г. арбитражного разбирательства³ против Китая в соответствии с Приложением VII Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.⁴.

Предварительное решение о юрисдикции и приемлемости, вынесенное Постоянной палатой третейского суда (далее – ППТС) 29 октября 2015 г., и его окончательное решение от 12 июля 2016 г., вызвали неоднозначную международно-правовую оценку, не в последнюю очередь из-за неучастия КНР в разбирательстве, не признающего юрисдикцию ППТС по данному делу.

С международно-правовой точки зрения, в претензиях и спорах по части пространства Южно-Китайского моря имеются ключевые проблемные аспекты, связанные с уважением суверенитета прибрежных государств, с одной стороны, и решениями разногласий ряда прибрежных государств по делимитации морских пространств международно-правовыми мирными средствами, в отношении которых КНР имеет неизменную позицию, полностью соотносящуюся с международными стандартами и международной практикой, с – другой. Данная государственная позиция КНР, в частности, опирается на серьезный международно-правовой принцип: суверенные государства должны иметь возможность свободно выбирать средства разрешения межгосударственных споров и не должны без их согласия привлекаться к обязательному международному судебному разбирательству.

При этом КНР придерживается убеждений в эффективности применения, прежде всего, таких международно-правовых мирных средств разрешения межгосударственных споров, как прямые переговоры и примирение, которые являются наиболее подходящими нежели арбитражное разбирательство, в котором решающую роль играет «третий арбитр»⁵. Чтобы исключить такое положение дел, КНР при присоединении к соответствующим международным конвенциям делает всегда соответствующую оговорку.

³ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). Режим доступа: <https://pca-cpa.org/ru/cases/7/> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, N 48, 01.12.1997, Ст. 5493.

⁵ Harriet Moynihan, China's Evolving Approach to International Dispute Settlement // Chatham House (London, 29 March 2017). Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-03-29-chinas-evolving-approach-international-dispute-settlement-moynihan-final.pdf> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

Появившиеся в октябре 2022 г. результаты исследования государственной компании КНР по добыче нефти и газа относительно разведки глубоководного газового месторождения в Южно-Китайском море в районе Баодао-21-1, обнаружившие крупные запасы природного газа, в условиях современного международного энергетического кризиса, который безусловно усложняется существующими претензиями прибрежных государств, и следовательно, задача всестороннего и комплексного международно-правового исследования по данной проблематике является объектом настоящей диссертационной работы.

Степень научной разработанности темы. Как в российской, так и в китайской науке международного права отсутствует специальное, комплексное и всеобъемлющее международно-правовое исследование, посвященное урегулированию территориальных претензий и споров в Южно-Китайском море. Данная проблематика лишь упоминается в научных работах по общим международно-правовым вопросам, связанным с мирным разрешением споров относительно морских пространств, включая Азиатско-Тихоокеанский регион.

Среди современных научных исследований такого порядка следует назвать монографию В.А. Батыря, в которой специальная глава посвящена анализу международных территориальных споров в практике различных международных судебных и арбитражных органов⁶.

Что касается научных публикаций китайских авторов, лежащих в русле рассматриваемой проблематики, то целесообразно отметить две работы, посвященные решению арбитражного суда по делу о Южно-Китайском море, инициированном Филиппинами, и истории установления статуса линии девяти пунктов в Южно-Китайском море⁷, в которых китайское сообщество

⁶ Батырь В.А. Международное территориальное право. – М.: Международные отношения, 2021.

⁷ 菲律宾所提南海仲裁案仲裁庭的裁决没有法律效力. 北京: 法律出版社, 2016 (Решение арбитражного суда по арбитражному делу в Южно-Китайском море, предложенное Филиппинами, не имеет юридической силы. – Пекин: Юридическая пресса, 2016); 论南海九段线的历史、地位和作用. 北京: 海洋出版社, 2014 (Об истории, статусе и роли девятипунктирной линии в Южно-Китайском море. – Пекин: издательство «Океан», 2014).

международного права под руководством Ли Шиши и Гао Чжиго документально поддерживают историческую принадлежность морских территорий и пространств Южно-Китайского моря, оспариваемых другими прибрежными государствами, Китаю.

Специально следует выделить работы диссертационного плана (по специальности международного права), которые оказались полезными соискателю в процессе работы над настоящим диссертационным исследованием. В частности, речь идет о кандидатской диссертации Аббаслы Гурбана Аббаса оглы «Международно-правовые проблемы разграничения морских пространств» (2008), в которой рассматриваются отдельные аспекты международно-правового сотрудничества в сфере реализации совместной эксплуатации единых морских природных ресурсов (в договорах о делимитации)⁸.

Представляет определенный интерес кандидатская работа Т.Г. Саксиной «Арбитражное урегулирование межгосударственных морских споров» (2007), автор которой подверг анализу некоторые положения об арбитражном разрешении споров, предусмотренных международными договорами⁹. Весьма полезной оказалась диссертационное исследование М.С. Мелькина «Международно-правовой статус ассоциации государств Юго-Восточной Азии АСЕАН» (2012), посвященная всестороннему раскрытию международно-правовых основ сотрудничества АСЕАН с третьими сторонами¹⁰.

Кроме того, заслуживает особого внимания ряд научных исследований (на уровне кандидатских диссертаций) представителей прибрежных государств Южно-Китайского моря, среди которых, прежде всего, следует назвать работы таких авторов, как:

⁸ Аббаслы Гурбан Аббас оглы. Международно-правовые проблемы разграничения морских пространств: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Аббаслы Гурбан Аббас оглы. – М.: МГИМО, 2008.

⁹ Саксина Т.Г. Арбитражное урегулирование межгосударственных морских споров: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Саксина Т.Г. – М.: МГИМО, 2007.

¹⁰ Мелькин М.С. Международно-правовой статус ассоциации государств Юго-Восточной Азии АСЕАН: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Мелькин М.С. – М.: РУДН, 2012.

- Ли Сын Мин «Экологическая составляющая концепции устойчивого развития: международно-правовые аспекты» (2004)¹¹;
- Нгуен Куанг Тьен «Международно-правовая защита окружающей среды в рамках ассоциации государств Юго-Восточной Азии» (2013)¹²;
- Нгуен Нгок Ань «Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в регионе Юго-Восточной Азии» (2014)¹³.

Необходимо подчеркнуть, что в приведенных выше научных работах углубленно проанализирован широкий круг вопросов, непосредственно связанных с экологической проблематикой международно-правового сотрудничества государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Важно также отметить существенную значимость для целей настоящей диссертации работы (диссертационного формата) и по другим специальностям, в которых в качестве объекта выступают отдельные исторические и политические аспекты, включая проблему разрешения споров в Южно-Китайском море. Имеются в виду кандидатские диссертации следующих авторов:

- Чан Чьонг Тхюи «Территориальные проблемы в Южно-Китайском море» (2006)¹⁴;
- Марчуков В.Д. «Проблема архипелага Спратли в Южно-Китайском море и перспективы ее урегулирования» (2002 г.)¹⁵;
- Нархова Е.И. «Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-китайские отношения» (2020 г.)¹⁶ и др.

¹¹ Ли Сын Мин. Экологическая составляющая концепции устойчивого развития: Международно-правовые аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Ли Сын Мин. – М.: МГИМО, 2004.

¹² Нгуен Куанг Тьен. Международно-правовая защита окружающей среды в рамках ассоциации государств Юго-Восточной Азии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Нгуен Куанг Тьен. – М.: РУДН, 2013.

¹³ Нгуен Нгок Ань. Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в регионе Юго-Восточной Азии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Нгуен Нгок Ань. – М.: РУДН, 2014.

¹⁴ Чан Чьонг Тхюи. Территориальные проблемы в Южно-Китайском море: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Чан Чьонг Тхюи. – М.: РУДН, 2006.

¹⁵ Марчуков В.Д. Проблема архипелага Спратли в Южно-Китайском море и перспективы ее урегулирования: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Марчуков В.Д. – М.: ДА МИД России, 2002.

¹⁶ Нархова Е.И. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-китайские отношения: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Нархова Е.И. – М.: МГИМО, 2020.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель настоящего диссертационного исследования заключается в определении наиболее эффективных международно-правовых принципов, норм, способов и методов, которые могут быть применимы для урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море.

Для достижения указанной цели поставлены **следующие научные задачи:**

- определить генезис правового статуса Южно-Китайского моря в рамках осуществления морского судоходства, добычи морских живых и минеральных ресурсов;
- проанализировать экологические составляющие международно-правового статуса Южно-Китайского моря;
- исследовать степень совместимости национальных политик Китая и Вьетнама относительно притязаний на Южно-Китайское море;
- комплексно подвергнуть анализу Обращение Филиппин в Постоянную палату третейского суда 2013 г.;
- изучить потенциал Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по урегулированию территориальных споров в Южно-Китайском море;
- оценить реализацию совместных проектов по разработке ресурсов Южно-Китайского моря в качестве модели устранения претензий прибрежных государств.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в получении новых комплексных знаний о состоянии и проблемах в разрешении территориальных споров в Южно-Китайском море, а также в определении наиболее оптимальных и действенных международно-правовых механизмов снижения межгосударственной напряженности по данной проблематике в регионе.

Новизной также следует считать обобщенные положения, полученные в результате анализа генезиса правового статуса Южно-Китайского моря на основе практики государств по использованию морских живых и минеральных

ресурсов, и осуществления морского судоходства в соответствии с международными обычаями и действующими конвенционными нормами.

Элементом новизны для российской и китайской наук международного права является сравнительно-правовой анализ становления и развития национальных политик Китая и Вьетнама применительно к Южно-Китайскому морю через призму Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

К научной новизне исследования следует отнести и критический анализ решения Постоянной палаты третейского суда 2013 г., а также особых мнений судей, через которые прослеживается несовершенство арбитражного разбирательства по таким сложным межгосударственным спорам.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что проведенный специальный комплексный и всесторонний анализ межгосударственных территориальных споров в Южно-Китайском море позволяют систематизировать и дополнить научные знания в области международно-правового сотрудничества относительно делимитации морских пространств, использования Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Результаты диссертационного исследования могут быть в дальнейшем использованы для теоретических международно-правовых разработок, в частности, в деле совместных разработок трансграничных ресурсов и по вопросу роли региональных межправительственных организаций в разрешении существующих противоречий по делимитации морских пространств.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты, полученные диссертантом, могут быть использованы в нормотворческой деятельности государств Азиатско-Тихоокеанского региона для формирования режима по разрешению территориальных споров в Южно-Китайском морском пространстве.

Также рекомендации соискателя могут быть востребованы при совершенствовании практики международных судебных учреждений относительно юрисдикционных споров.

Заклучения, сформулированные в диссертационном исследовании, могут использоваться в педагогической практике, при проведении лекционных и практических занятий по учебным дисциплинам «Международное морское право», «Право международных организаций», «Право международных договоров» и в разработке УМК в данной сфере.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные методы: анализ, диалектический метод познания, дедукция, обобщение; специальные методы: формально-логический, историко-правовой; а также частные методы юридической науки: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Принимая во внимание необходимость взаимного учета интересов всех прибрежных государств относительно использования мирных средств разрешения споров использовался системный метод анализа.

Диалектический метод познания использовался в связи с характером предмета и объекта исследования и был необходим для изучения в историческом плане процесса определения применяемых подходов к урегулированию существующих и потенциальных международных морских территориальных споров.

Формально-логические методы, дедукция и обобщение позволили установить рамки настоящего диссертационного исследования, выделить ключевые проблемы и особенности территориальных претензий прибрежных государств в Южно-Китайском море, обеспечить достоверность, обоснованность и непротиворечивость выводов, сформулированных по результатам исследования.

Историко-правовой метод нашел свое применение в первой и второй главе диссертационного исследования, при помощи которого были выявлены исторические предпосылки формирования генезиса правового статуса Южно-Китайского моря, а также национальных политик прибрежных государств.

Сравнительно-правовой метод исследования применялся для проведения анализа позиций Китая и Вьетнама относительно их притязаний на соответствующие морские пространства Южно-Китайского моря.

Формально-юридический метод был использован в целях определения эффективности применимых методов урегулирования территориальных претензий в Южно-Китайском море.

Совокупность изложенного ранее позволила соискателю сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Исторические, географические, логистические и иные предпосылки, детерминирующие специфику Южно-Китайского моря, не могут измеряться в полной мере в нормативных и институциональных рамках, которые определяются Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., и следовательно, они не могут быть эффективными для разрешения существующих или возможных в будущем межгосударственных споров применительно к этой части пространства Южно-Китайского моря.

2. Любая попытка, предпринимаемая со стороны отдельного прибрежного государства Южно-Китайского моря (с помощью международного арбитража) удовлетворить свои притязания на морское пространство по отношению к другому прибрежному государству Южно-Китайского моря, при этом нарушая регламенты и правила в одностороннем порядке, негативным образом сказывается на безопасности региона в целом, и чревата усугублением недоверия между соответствующими прибрежными государствами.

3. Платформой для урегулирования разногласий прибрежных государств Южно-Китайского моря может быть использован механизм «Путь АСЕАН», который содержит гибкую стратегию АСЕАН в целях максимального удовлетворения национальных интересов государств-членов, включая прибрежных государств Южно-Китайского моря.

4. В качестве первоначального приоритетного направления по укреплению сотрудничества прибрежных государств Южно-Китайского моря

предлагается выработка политики и плана совместного действия по рациональному освоению и использованию ресурсов Южно-Китайского моря посредством двустороннего и/или регионального соглашения.

5. Реализация совместных проектов, нацеленных на разработку ресурсов Южно-Китайского моря прибрежными государствами представляется в качестве наиболее рационального подхода в разрешении споров прибрежных государств, предполагающего заключение двусторонних или региональных международных договоров.

6. Предлагается на декларативном уровне достичь согласия всех прибрежных государств Южно-Китайского моря о непредоставлении третьим государствам военных баз на их территориях в целях создания механизма по соблюдению всех достигнутых договоренностей, снижающих вероятность вмешательства со стороны неприбрежных государств в разрешение существующих претензий и споров.

Степень достоверности результатов исследования. Полученные в ходе проведения диссертационного исследования результаты подтверждаются многообразием применяемых методов исследования, глубоким изучением фундаментальных трудов советских / российских, китайских и иностранных ученых, специальных международно-правовых документов, решений Постоянной палаты третейского суда, а также существующей практики в сфере рассмотрения территориальных споров между государствами.

Апробация результатов диссертационного исследования. Настоящая диссертация подготовлена на кафедре международного права Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов».

Основные положения диссертационного исследования нашли свое надлежащее отражение в 6 научных публикациях, из которых: 1 публикация – в издании, индексируемом в международной базе данных Scopus / Web of Science: 3 публикации – в изданиях, рекомендованных Высшей

аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, рекомендованных Перечнем РУДН, а также в самостоятельном написании раздела, посвященного международно-правовым проблемам Южно-Китайского моря, в коллективной монографии «Азиатско-Тихоокеанский регион и международное право / под ред. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцева. – Москва: РУДН, 2021. – 168 с.).

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях диссертанта на международных и всероссийских конференциях, включая ежегодные международные конгрессы «Блищенковские чтения» кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов, посвященных памяти профессора И.П. Блищенко (2019 г.).

Объектом диссертационного исследования являются международно-правовые отношения, возникающие в связи с существующими территориальными спорами и претензиями между прибрежными государствами Южно-Китайского моря в отношении морских пространств, и в ходе задействования последними международных мирных средств по разрешению таких споров и претензий.

Предметом диссертационного исследования выступают положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., двусторонних договоров государств Азиатско-Тихоокеанского региона, международных договоров, принятых в рамках Международной морской организации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, касающиеся мирных средств урегулирования территориальных споров прибрежных государств Южно-Китайского моря, а также совместные стратегии и программы государств Юго-Восточной Азии, направленные на разрешение территориальных споров в Южно-Китайском море.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды следующих советских/российских юристов-международников: А.Х. Абашидзе, В.А. Батыря, И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанина, В.Н. Гуцуляка,

А.Л. Колодкина, М.Н. Копылова, М.Л. Лазарева, С.В. Молодцова, А.М. Солнцева, Б.Р. Тузмухамедова, Г.И. Тункина и др.

В качестве теоретической основы также выступили научные труды иностранных специалистов: Haydee B. Yoroc, John Van Dyke, Valencia Mark J., Noel Ludwig, Malcolm Shaw, Yoshifumi Tanaka и др.

Нормативно-правовую базу диссертационного исследования составили Устав Организации Объединенных Наций 1945 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Устав Ассоциации государств Юго-Восточной Азии 2005 г., Конвенции о мирном решении международных столкновений 1899 и 1907 гг., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Регламенты Постоянной палаты третейского суда, акты и документы международных межправительственных организаций (резолюции, руководства), Решения саммитов государств-членов АСЕАН, национальные законодательства прибрежных государств.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН, материалы судебной практики Международного суда ООН, Постоянной палаты третейского суда, Международного трибунала по морскому праву, а также соответствующие документы и материалы, отражающие национальную практику государств Азиатско-Тихоокеанского региона, нацеленную на дипломатическое урегулирование территориальных претензий относительно морских пространств.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.1.5. Международно-правовые науки. Результаты диссертационного исследования соответствуют области исследования специальности.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах проведения научного исследования – от постановки задач и их реализации до публикации результатов диссертационного исследования в научных трудах и обсуждения на

международных научно-практических конференциях. Положения, отраженные в диссертации, были использованы автором в учебном процессе при проведении семинарских занятий в рамках педагогической практики.

Структура диссертационного исследования обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения и списка использованных документов и литературы.

ГЛАВА I

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ

1. Ресурсы Южно-Китайского моря как фактор возникновения региональных территориальных споров

Южно-Китайское море является одним из наиболее богатых морскими ресурсами морских пространств, которые закладывают важную и объективную основу для КНР и некоторых других государств Юго-Восточной Азии в отношении их экономического развития и наращивания национального потенциала.

Исключительные темпы экономического роста, наблюдавшиеся в Азиатско-Тихоокеанском регионе в последние десятилетия, неразрывно связаны с ростом потребления ресурсов прибрежными государствами. По мере того, как ежегодное потребление ресурсов продолжает расти в целях подпитки растущих экономик, спрос на ресурсы в большинстве государств превратился в потребности.

Южно-Китайское море богато природными ресурсами, включая нефть, природный газ и рыбные запасы. По различным оценкам, в этом морском пространстве содержится около 11 миллиардов баррелей нефти и 190 триллионов кубических футов природного газа. Эти ресурсы важны для экономик государств региона, обеспечивая ценные источники энергии и доходов.

Аналогичным образом Южно-Китайское море является жизненно важным источником рыбных запасов, обеспечивая средства к существованию для миллионов людей. На Южно-Китайское море приходится до 12% мирового улова рыбы, при этом многие государства региона в значительной степени полагаются на эти ресурсы в плане продовольствия и экономического развития.

Потенциальная экономическая выгода от этих ресурсов сделала Южно-Китайское море важным фактором в региональных территориальных спорах. Государства региона, включая Малайзию, Государство Бруней-Даруссалам (Бруней), Республику Индонезия (Индонезия), Республику Сингапур (Сингапур), Социалистическую Республику Вьетнам (Вьетнам) и Китайскую Народную Республику (Китай, КНР), включая острова Тайваня (Китайский Тайвань), выдвинули конкурирующие территориальные претензии на различные участки моря, что отчасти обусловлено потенциальной экономической выгодой от контроля над этими ресурсами.

Выдвинутые претензии прибрежных государств зачастую основываются на положениях Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁷, обычно-правовых нормах, а также исторических правах на Южно-Китайское море. По нашему мнению, Конвенция 1982 г. не может выступать в качестве единственного источника для разрешения существующих претензий, поскольку они в том числе связаны с обеспечением международной безопасности и защитой энергетической, экономической, экологической и продовольственной составляющих безопасности прибрежных государств. Названная Конвенция (даже будучи ключевым источником международного морского права) будет бескорневой без использования фундамента обычно-правовых норм, с учетом также наличия противоречивости в некоторых аспектах, которые не могут ее полностью применять в так называемых спорных районах Южно-Китайского моря¹⁸.

Морские ресурсы имеют специальное обозначение и отличаются, по нашему мнению, от ресурсов, находящихся на территории государства. Ресурсы, расположенные на территории государства – это исключительные ресурсы, в то время как в соответствии с источниками международного морского права морские ресурсы имеют две стороны: национализация

¹⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, N 48, 01.12.1997, Ст. 5493.

¹⁸ Подробнее см.: Qu Bo, On the Application of UNCLOS in China // Public Administration & Law, Issue 1, 2009. Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/publications/products/projekt_papiere/BCAS2013_Su_Hao.pdf (дата обращения: 10.10.2022 г.).

(исключительно для определенного государства) и интернационализация (совместно с другими субъектами международного права).

Ресурсы Южно-Китайского моря можно условно разделить на следующие три категории.

Во-первых, морские ресурсы с абсолютной собственностью, которые можно назвать суверенными ресурсами, такие как острова, территориальные воды и морское дно территориального моря прибрежного государства. Этот вид ресурсов находится в исключительном владении определенного государства и не может быть разделен, являясь частью территориального суверенитета государства¹⁹. Сложность ситуации в Южно-Китайском море заключается в том, что между прибрежными государствами выдвигаются взаимные претензии по поводу территориального суверенитета над островами (острова Пратас (Дунша), Парасельские острова (Сиша), острова Маклсфилдские острова (Чжунша) и острова Спратли (Наньша)).

Среди перечисленных ранее островов только острова Дунша находятся исключительно под управлением Китайского Тайваня, поэтому споров о суверенитете в отношении этих островов нет. Остров Хуаньянь, также называемый отмелью Скарборо, является единственным островом, по поводу которого ведутся споры между КНР и Филиппинами на островах Чжунша. Острова Сиша находятся под юрисдикцией КНР, однако Вьетнам заявил о территориальном суверенитете над некоторыми островами в этой зоне. В общей сложности в территориальные споры вокруг островов Наньша вовлечены пять государств и шесть сторон.

В этих условиях, с учетом того, что сухопутная территория определяет морские пространства, осуществление контроля на островах стало самым существенным и ключевым аргументом в претензиях прибрежных государств Южно-Китайского моря.

Во-вторых, с аналогичной сложностью сталкиваются исключительные морские ресурсы Южно-Китайского моря. Бассейн Южно-Китайского моря

¹⁹ WANG Shi-Cheng, *Dragon will Rise from the Sea*. Ocean University of Qingdao Publishing House, 1997.

простирается на 22 долготы около 900 морских миль с востока на запад и 26 широт более 1600 морских миль с юга на север, его общая площадь составляет более 3,6 млн кв. км. Средняя глубина Южно-Китайского моря составляет 1 212 м, а максимальная глубина – 5 559 м.

Исключительные ресурсы Южно-Китайского моря включают в себя морские живые ресурсы и нефтегазовые ресурсы на морском дне. Опираясь на исследование ресурсного потенциала Южно-Китайского моря, это морское пространство можно назвать «вторым Персидским заливом», поскольку уже известно о более 10 нефтегазовых бассейнах общей площадью 852 400 кв. км, что составляет 48,8 % всей площади континентального шельфа Южно-Китайского моря²⁰, и все прибрежные государства пользуются различными объемами исключительных прав на эти ресурсы.

Поскольку Китай был первым государством, которое открыло, освоило и начало управлять Южно-Китайским морем, ему принадлежит «U-образная форма линия 9 пунктиров», определяющая, что КНР пользуется самым большим объемом исключительных ресурсов в Южно-Китайском море (около 2 млн кв. км).

Вместе с этим, другие государства-претенденты фактически проникли в морские акватории, традиционно управляемые Китаем, и их претензии в некоторых областях и районах Южно-Китайского моря даже пересекаются друг с другом. В результате сложилась ситуация пересекающегося и перекрывающегося раздела морских пространств в Южно-Китайском море. Однако необходимо также отметить, что Китай четко определил линию девяти пунктиров еще в 1947 г. и официально выдвинул свои правовые притязания, что на 47 лет раньше, чем вступление в силу Конвенции ООН по морскому праву в 1994 г.

Тем не менее, остается актуальной проблема определения зон исключительных ресурсов в Южно-Китайском море. Тот факт, что Конвенция

²⁰ Mark J., Oil and Gas Potential, Overlapping Claims, and Political Relations. In: Kent G., Mark J. Valencia (eds.), Marine Policy in Southeast Asia. University of California Press, Berkeley, 1985. P. 159.

1982 г. не может абсолютно точно определить исключительность территории, предоставил благоприятную возможность для делового сотрудничества и развития, в том числе и с привлечением третьих государств, которые не являются прибрежными.

Де-факто в настоящее время государства, расположенные вокруг Южно-Китайского моря, уже пригласили (в той или иной степени) нефтяные компании из США, Великобритании, Голландии и Индии к совместной разведке и эксплуатации морских ресурсов, что, с одной стороны, удовлетворяет экономические интересы прибрежных государств, но, с другой, – лишь усугубляет имеющиеся претензии относительно разграничения морских пространств Южно-Китайского моря. Первая проблема – это незаконность, поскольку частично такого рода совместные разработки с неприбрежными государствами проводятся в пересекающихся морских районах или на морском дне различных прибрежных государств. Проведение разведки в районе, находящемся под фактическим контролем какого-либо государства (без разрешения других сторон, вовлеченных в спорный район) является нелегитимным действием с позиций современного международного права. Вторая проблема – это дискриминация, поскольку текущие совместные проекты должны, во-первых, быть транспарентными и, во-вторых, равными в торгах для всех компетентных и заинтересованных экономик. В то же время, существует практика, в соответствии с которой Китай и некоторые другие государства, обладающие всеми научно-техническими компетенциями в освоении морских ресурсов, *не были приглашены к участию* к упомянутой выше совместной разведке и эксплуатации морских ресурсов.

Более того, является очевидным, что свободная и безопасная навигация в Южно-Китайском море – это не только важный морской путь внешней торговли для прибрежных стран, но и морской ресурс, общий для всех государств мира. Южно-Китайское море традиционно известно как «3-й золотой водный путь в мире». Оно соединяет Тихий и Индийский океаны и включает в себя два самых важных стратегических морских пути в мире: один

начинается на востоке от Малаккского пролива, затем идет на север вдоль открытого моря в Индокитае и достигает Гонконга; другой начинается на севере от пролива Ломбок, пересекает Макасарский пролив и идет вдоль восточного побережья Филиппин, чтобы прибыть в Японию. Иными словами, Южно-Китайское море с древнейших времен является важным морским путем, соединяющим Восточную Азию, Африку и Европу для торгового судоходства, транспортировки энергоносителей и военно-морских флотов.

В связи с ростом морской торговли в конце XX века в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Южно-Китайское море стало играть все более важную роль в качестве международного торгового пути, и теперь оно стало экономическим спасательным кругом как экспортно-ориентированных, так и развивающихся промышленных государств и особенно экономик Японии, Южной Кореи и Китая. До настоящего времени Южно-Китайское море стало одним из самых оживленных международных морских путей в мире. По грузовому тоннажу более половины мирового торгового флота ежегодно проходит через Южно-Китайское море, а морской трафик в три раза больше, чем в Суэцком канале, и в 15 раз больше, чем в Панамском канале. Статистические данные показывают, что в международном торговом судоходстве в Южно-Китайском море объем грузов сырья и продовольствия занимает более 90 % общего объема грузов, среди которых нефть и нефтепродукты составляют 55 %, а железная руда – 10 %. Ежегодно через акваторию Южно-Китайского моря проходит более 40 тыс. судов²¹.

Между тем, Южно-Китайское море имеет большое военное значение для граничащих с ним государств, а также США и Российской Федерации. Это естественный барьер на южной границе Китая, ключевой путь для США, соединяющий военные базы в Индийском и Тихом океанах, а также важнейший морской путь для России, поддерживающий стратегические связи между военно-морскими силами в Азии и Европе. Некоторые государства под видом защиты «свободы судоходства» в Южно-Китайском море ведут

²¹ Treasures in South China Sea // China Economic Weekly, Issue 12, 2012.

скрытую разведку против прибрежных стран, тем самым нарушая правило «мирного прохода» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и нанося ущерб национальной безопасности прибрежных стран, что становится особенно важным с учетом Стратегической концепции НАТО от 23 июля 2022 г.²². Очевидно, что Южно-Китайское море, богатое морскими ресурсами, обеспечивает не только благополучие и развитие прибрежных государств, но и морские пути в государства, находящиеся за пределами этого региона. Однако из-за отсутствия соответствующего разрешения существующих претензий на морские пространства Южно-Китайского моря, разведка и эксплуатация морских ресурсов значительно сократились.

Вьетнам претендует на суверенитет над островами Сиша и островами Наньша, на которые также претендует Китай, призывая к мирному разрешению существующих разногласий. Экономика Вьетнама в значительной степени зависит от сельского хозяйства и рыболовства, а Южно-Китайское море является серьезным источником рыбы и других морепродуктов. Помимо этого, Вьетнам осуществляет важные проекты в сфере самостоятельной и совместной разведки нефти и газа в Южно-Китайском море.

Что касается Филиппин, то следует заметить, что они претендуют на суверенитет над островами Наньша, на которые также претендуют Китай и Вьетнам. Филиппины также заинтересованы в ресурсах Южно-Китайского моря, поскольку экономика государства в значительной степени зависит от туризма и рыболовства. Аналогично Вьетнаму, Филиппины реализуют проекты в области самостоятельной разведки нефти и газа в Южно-Китайском море.

В свою очередь, Малайзия и Бруней заявляют о суверенитете над несколькими островами в рассматриваемом районе (включая острова Наньша)

²² Стратегическая концепция НАТО 2022 года (Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г). Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 10.10.2022 г.).

и высказывают претензии в адрес КНР по поводу нарушения своего территориального моря, а также протестуют против строительства китайских военных объектов в этом районе Мирового океана. Аналогично Вьетнаму, Малайзия и Бруней призвали к мирному разрешению возникающих разногласий и заинтересованы в ресурсах Южно-Китайского моря, поскольку экономики данных государств существенным образом зависят от нефти и газа.

Указанные ранее ресурсы Южно-Китайского моря, во-первых, представляют значительную ценность для Китая, а, во-вторых, являются важным фактором, который весьма тесным образом связан с обеспечением мира в этом регионе. Следует особо отметить, что КНР имеет прочную правовую основу для поддержки своих требований на данные ресурсы. Исторические права Китая на все морские ресурсы Южно-Китайского моря существовали давно, еще до того, как сформировалось современное международное право. Система международного права на современном этапе не может полностью объяснить или решить права и интересы Китая на Южно-Китайское море, в том же смысле, в каком территория таких древних цивилизаций, как Китай, не была определена нынешним международным правом.

Претензии Китая в Южно-Китайском море основаны на исторических свидетельствах, включая карты и документы, датируемые периодом правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), а также на признании со стороны международного сообщества и нормативное закрепление некоторых спорных территорий за КНР. Например, в Каирской декларации 1943 г. Так, например, в Потсдамской декларации 1945 г. об условиях капитуляции Японии во время Второй мировой войны закреплено, что Япония должна уйти со всей китайской территории, включая острова Сиша и Наньша.

Кроме того, восстановление суверенитета КНР над островами и рифами Южно-Китайского моря получило широкое признание со стороны международного сообщества. В частности, участники некоторых официальных международных встреч, например, конференции ИКАО по

Тихоокеанской региональной авиации, состоявшейся в Маниле в 1955 г., признали тот факт, что Китай установил контроль над островами и рифами в Южно-Китайском море²³. Это также было зафиксировано в публикациях карт и книгах во многих государствах, в том числе и тех, которые в настоящее время предъявляют свои территориальные претензии в Южно-Китайском море²⁴.

2. Генезис правового статуса Южно-Китайского моря

2.1. Осуществление морского судоходства

Осуществление свободы судоходства является правом каждого государства, независимо от того, является ли оно прибрежным или не имеет выхода к морю. Этот принцип международного морского права формировался столетиями в связи с развитием мировой морской торговли и деятельности, и закреплён во многих международно-правовых актах, в том числе в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Это особенно важно для Южно-Китайского моря, поскольку на свободу судоходства в данном морском пространстве непосредственно влияют

²³ Report of the First Pacific Regional Air Navigation Meeting, Manila, 27 October-25 November 1955. Vol. 7634. International Civil Aviation Organization. Pacific Region: Aeronautics, 1956.

²⁴ Карты, опубликованные некоторыми странами, на которых острова Южно-Китайского моря обозначены как китайская территория: World Atlas of the Earth (Shi Jie Da Di Tu Ji 世界大地图集), published by Germany, in 1954, 1961 and 1970; World Atlas (Shi Jie Di Tu Ji 世界地图集), published by the USSR, from 1954 to 1967; World Atlas (《世界地理图集》), published by Romania, in 1957; Oxford Atlas of Australia (Niu Jin Ao Da Li Ya Di Tu Ji 牛津澳大利亚地图集) and Philip Atlas (Fei Li Pu Di Tu Ji 菲利普地图集), published by the UK in 1957; The Atlas of Encyclopedia of Great Britain (Da Ying Bai Ke Quan Shu Di Tu Ji 大英百科全书地图集) in 1958; World Atlas (Shi Jie Di Tu 世界地图), made by Headquarters of the General Staff of Vietnamese People's Army in 1960; Hack World Atlas Earth (Ha Ke Shi Jie Da Di Tu Ji 哈克世界大地图集), published by East Germany in 1968; World Atlas of Daily Telegraph (Mei Ri Dian Xun Shi Jie Di Tu Ji 每日电讯世界地图集), published by the UK in 1968; Larose Atlas (La Luo Si Di Tu Ji 拉罗斯地图集), published by France in 1968 and 1969; World Map (Shi Jie Pu Tong Di Tu 世界普通地图), published by National Geography Institute of France in 1968; World Atlas (Shi Jie Di Tu Ji 世界地图集), surveyed and mapped by Vietnamese government and Bureau of Mapping in 1972; Atlas of China (Zhong Guo Di Tu Ji 中国地图集), published by Japanese Heibonsha in 1973.

существующие территориальные морские претензии и споры между прибрежными государствами.

В целях реализации принципа свободы судоходства в морских зонах (согласно положениям Конвенции 1982 г.) государства также должны соблюдать другие связанные статьи Конвенции. Речь идет ст. 86, 87, 90 об открытом море, ст. 58, 86 об исключительной экономической зоне (далее – ИЭЗ)²⁵. Таким образом, в Конвенции 1982 г. закреплено, что свобода судоходства применима в ИЭЗ и открытом море без каких-либо запретов или угроз. Однако государства, пользующиеся этим правом, должны обеспечить, чтобы их морские суда отвечали в полной мере соответствующим положениям международного права, включая положения Конвенции 1982 г. и соответствующие конвенции Международной морской организации (далее – ИМО)²⁶.

Следовательно, свобода судоходства является международно-правовым режимом права и интереса государства, и оно связано своими обязательствами по реализации такого права и интереса в ИЭЗ, а также в открытом море. Это особенно важно для свободы судоходства в ИЭЗ и открытом море в пределах Южно-Китайского моря, поскольку площадь данных морских районов составляет около двух третей рассматриваемого моря.

Целесообразно сделать акцент на том весьма значимом обстоятельстве, что прибрежные государства Южно-Китайского моря являются сторонами Устава ООН²⁷, Конвенции 1982 г.²⁸ и конвенций ИМО, касающихся обеспечения свободы судоходства. Эти государства приняли национальные законы о режимах морских пространств, морских операциях, связанные с реализацией и исполнением Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и

²⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, N 48, 01.12.1997, Ст. 5493.

²⁶ Документы Международной морской организации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ecosoc/imo/docs.shtml> (дата обращения 07.06.2022).

²⁷ Государства-члены ООН. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/ru/library/unms> (дата обращения 07.06.2022).

²⁸ United Nations Treaties Collection. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#1 (дата обращения 07.06.2022).

других соответствующих международных договоров, направленных на поддержание свободы и безопасности судоходства в Южно-Китайском море.

С другой стороны, Китай и десять государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включая Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам, приняли региональные соглашения для решения споров о суверенитете и обеспечения свободы судоходства в Южно-Китайском море, включая Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море от 4 декабря 2002 г. (Декларация 2002 г.)²⁹ и Руководящие принципы по реализации Декларации 2002 года³⁰ от 2011 г.

Декларация 2002 г. – это совместное заявление АСЕАН и КНР о принципах поведения в решении территориальных споров, а также об уважении и поддержании свободы судоходства в Южно-Китайском море. Однако (по прошествии более 20 лет с момента объявления Декларации 2002 г.) территориальные претензии и споры в Южно-Китайском море не уменьшились, а продолжают нарастать. Одновременно развиваются все более сложные события при участии неприбрежных государств, которые оказывают серьезное влияние на обеспечение свободы судоходства в Южно-Китайском море.

Следовательно, возникает вопрос: что происходит, когда свобода судоходства в спорных морских районах Южно-Китайского моря не обеспечена вследствие того, что ей препятствуют или угрожают территориальные споры и претензии между прибрежными государствами? Изобилие морских ресурсов и геостратегические преимущества придают острым спорам относительно разграничения морских пространств между

²⁹ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/125380#:~:text=This%20Declaration%2C%20concluded%20between%20ASEAN,and%20prosperity%20in%20the%20region> (дата обращения 07.06.2022).

³⁰ Guidelines For the Implementation of the Declaration of Conduct on the South China Sea 2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/10/2011-DOC-Guidelines.pdf> (дата обращения 07.06.2022)

прибрежными государствами в Южно-Китайском море более сложный и напряженный характер, чем в других регионах мира.

Свобода судоходства в Южно-Китайском море важна для региона и всего мира, особенно для торговли между государствами, как прибрежными, так и не имеющими выхода к морю. Ведь в Южно-Китайском море проходит множество ключевых морских путей, соединяющих Тихий океан с Индийским океаном, Азию с Европой, Африкой, Северной и Южной Америкой, Антарктикой и Австралией, а также между частями Азиатского континента.

Кроме того, в рассматриваемом регионе расположено более 500 морских портов, включая многие из ведущих мировых портов с колоссальным ежегодным грузооборотом, в особенной степени это относится к портам Сингапура и Гонконга. Названные морские порты синхронно служат «координационными центрами» и так называемыми «мостами», образующими сеть морских путей между прибрежными государствами в Южно-Китайском море, и между ними и другими государствами мира³¹.

Де-факто, экономика государств Юго-Восточной Азии непосредственно зависит от морских путей в Южно-Китайском море. Торговля и морская промышленность государств за пределами региона также в значительной мере находятся в зависимости от данных морских путей. Иными словами, Южно-Китайское море приносит огромную пользу морской деятельности и торговле всех государств, независимо от того, есть у них выход к морю или нет; особенно свобода судоходства, права и обязанности, по которой закреплены в международно-правовых актах, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

Таким образом, высокая плотность коммерческих и некоммерческих судов, работающих в Южно-Китайском море, еще больше подчеркивает важность свободы судоходства в этом морском пространстве. Можно считать, что торговая деятельность между государствами и другие морские операции в

³¹ Навигационно-гидрографические условия. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.trmotion.ru/mijs-546-2.html#:~:text=В%20Восточно-Китайском%20море%20-%20порты,также%20гавани%20Бэйхайган%20и%20Басоган> (дата обращения 07.06.2022).

Южно-Китайском море зависят от поддержания права свободы судоходства в нем, и это означает, что право свободы судоходства в Южно-Китайском море должно соблюдаться.

Очевидно, что в настоящее время право свободы судоходства в Южно-Китайском море соблюдается, то нет, а то вообще затруднено территориальными спорами, в связи с чем, это становится общей заботой как региона, так и всего международного сообщества. Согласно оценкам экспертов, если танкеры не смогут проходить через Южно-Китайское море, а должны будут проходить через пролив Ломбок и к востоку от Филиппин, стоимость транспортировки увеличится на 270 млн и 600 млн долл. США для Кореи и Японии в год соответственно. Кроме того, Китай является пунктом назначения для большинства австралийских грузов, перевозимых через Южно-Китайское море. Если в Южно-Китайском море между Австралией и другими ее торговыми партнерами будут перекрыты данные судоходные маршруты, то это может привести к перенаправлению грузов на сумму около 20 млрд долл. США в год³².

Морская индустрия и торговля и между государствами АСЕАН, между Северо-Восточной Азией и Юго-Восточной Азией, а также между этими двумя регионами и другими частями света выросли, плотность коммерческих судов, пересекающих Южно-Китайское море, существенным образом увеличилась. Кроме того, другие виды деятельности в Южно-Китайском море, такие как:

- эксплуатация природных ресурсов (нефть, природный газ, рыболовство);
- операции по обеспечению свободы судоходства;
- технические услуги;
- государственные услуги;
- безопасность;

³² Anthony Fensom. \$5 Trillion Meltdown: What If China Shuts Down the South China Sea? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/5-trillion-meltdown-what-if-china-shuts-down-the-south-china-16996> (дата обращения 07.06.2022)

- военная промышленность значительным образом усилились.

И в то же время плотность некоммерческих судов, пересекающих море, увеличилась.

С другой стороны, Юго-Восточная и Северо-Восточная Азия являются двумя наиболее быстро развивающимися и динамичными регионами, с крайне высокими темпами роста и занимающими первое место по сравнению с другими регионами мира. Изложенное представляет собой одним из факторов, способствующих увеличению плотности коммерческих судов через Южно-Китайское море.

В данной связи возникает вполне логичный и закономерный вопрос: что будет с регионом и миром, если конфликты в Южно-Китайском море продолжают нарастать и препятствовать свободе судоходства в этом море? Очевидно, что свобода судоходства в Южно-Китайском море рассматривается как чрезвычайно ценное благо, необходимое для планирования и реализации политики каждого государства в данном регионе. Перед лицом брошенного вызова прибрежные государства утверждают, что свобода судоходства в Южно-Китайском море жизненно важна для их экономического развития и международной интеграции, в связи с чем, безусловно, она должна всемерно обеспечиваться и поддерживаться на постоянной основе.

Кроме того, международные организации и объединения государств (ООН, ЕС, АСЕАН, G7, G20, АТЭС и т.д.), а также многие государства мира выразили серьезную обеспокоенность, призвав поддерживать и уважать право и интересы свободы судоходства в Южно-Китайском море в соответствии с международным правом, включая Конвенцию 1982 г.

Для США интересы свободы судоходства являются жизненно важным фактором в их политике в Южно-Китайском море. В заявлении Государственного департамента США от 10 мая 1995 г. отмечается, что «Поддержание свободы судоходства является фундаментальным интересом Соединенных Штатов. Беспрепятственная навигация всех судов и самолетов в

Южно-Китайском море необходима для мира и процветания всего Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Соединенные Штаты»³³.

Более того, на встрече на Региональном форуме АСЕАН, состоявшейся 23 июня 2010 г. в Ханое (Вьетнам), Государственный секретарь США Хиллари Клинтон привлекла внимание всего мира, заявив, что «Соединенные Штаты имеют национальный интерес в свободе навигации, открытом доступе к морскому пространству Азии и соблюдении международного права в Южно-Китайском море»³⁴.

Изложенная ситуация показывает, что обеспечение свободы судоходства, поддержание мира и содействие сотрудничеству в целях развития в Южно-Китайском море становится общей заботой региона и международного сообщества, включая (как ранее было отмечено) различные военно-политические союзы.

Следовательно, нормальное поддержание права на свободу судоходства в Южно-Китайском море – в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. – является необходимым положением, которое каждое государство-участник обязано соблюдать с тем, чтобы обеспечить мир, стабильность и процветание не только в данном регионе, но и во всем мире.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. регулирует права, интересы и обязанности всех государств в отношении морских пространств, находящихся под юрисдикцией каждого прибрежного государства, а также морских пространств, находящихся за пределами национальной юрисдикции. Это означает, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. регулирует правовые системы, действующие в отношении морей и океанов, особенно в отношении справедливого и эффективного использования природных ресурсов, которые океаны и моря приносят человечеству, в целях удовлетворения законных интересов каждого государства и обеспечения мира,

³³ United States. Congress. House. Committee on International Relations. Subcommittee on International Economic Policy and Trade. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=3mbGF-Tcyu4C&pg=PA157&lpg=PA157&dq=U.S.+Department+of+State,+stating+that+#v=onepage&q=U.S.%20Department%20of%20State%2C%20stating%20that%20> (дата обращения 07.06.2022)

³⁴ Там же.

безопасности и процветания всех государств в мире. Это особенно важно для Южно-Китайского моря, поскольку территориальные споры усиливаются, а право на свободу судоходства продолжает находиться под угрозой. Свобода судоходства считается одним из старейших и самых известных принципов, регулирующих режим Мирового океана.

Он был установлен в начале XIX в.³⁵, а затем кодифицирован в Конвенции об открытом море 1958 г. В результате каждое государство имеет равное право на применение свободы использования моря для судоходства в открытом море и ИЭЗ. Статья 87 Конвенции 1982 г. в отношении свободы открытого моря предусматривает правовой режим свободы судоходства. В дополнение к указанной статье, как было упомянуто ранее, право свободы судоходства также применяется в ИЭЗ (в соответствии со ст. 86 Конвенции). В дополнение к открытому морю и ИЭЗ, режим свободы судоходства также применяется в проливах, используемых для международного судоходства в соответствии со ст. 36 Конвенции 1982 г.

Таким образом, согласно указанным ранее положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., принцип свободы судоходства применим в открытом море, в ИЭЗ и проливах, используемых для международного судоходства. Иными словами, суда всех государств имеют право на свободу судоходства в открытом море, в ИЭЗ и проливах, которые используются для международного судоходства, без какого-либо вмешательства, прерывания или угрозы. Данное обстоятельство является особенно важным для Южно-Китайского моря, поскольку примерно две трети площади водной поверхности этого моря составляют открытое море и ИЭЗ, включая пролив, используемый для международного судоходства (Китайский Тайваньский пролив)³⁶.

³⁵ Yoshifumi Tanaka. The South China Sea arbitration: Environmental obligations under the Law of the Sea Convention. 2018.

³⁶ 台灣海峽的法律地位暨美中間潛存的海事爭議 (Правовой статус Тайваньского пролива и потенциальный морской спор между США и Китаем). 2015.

В то же время, в целях осуществления права на свободу судоходства в Южно-Китайском море, государства флага должны обеспечить, чтобы их суда отвечали всем требованиям морской безопасности и охраны, и предотвращения загрязнения окружающей среды согласно соответствующим положениям Конвенции 1982 г., таким, как:

- национальность судов (ст. 91);
- статус судов (ст. 92);
- обязанности государства флага (ст. 94);
- иммунитет военных кораблей в открытом море (ст. 95);
- иммунитет судов, используемых исключительно на государственной некоммерческой службе (ст. 96);
- уголовная юрисдикция в вопросах касающихся столкновений или любых других случаев навигации (ст. 97);
- обязанность оказывать помощь (ст. 98);
- запрет на перевозку рабов (ст. 99);
- обязанность сотрудничать в борьбе с пиратством (ст. 100);
- право на осмотр (ст. 110);
- право преследования по горячим следам (ст. 111) и другие соответствующие статьи.

Правовой режим свободы судоходства связан с правом судоходства в открытом море, которое определено в ст. 90: «Каждое государство, будь то прибрежное или не имеющее выхода к морю, имеет право плавать на судах под своим флагом в открытом море», и другими правами судоходства согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., включая:

- право мирного прохода во внутренних водах (ст. 8 (2), в территориальных морях (ст. 17), в архипелажных водах (ст. 52) и в проливах, используемых для международного судоходства (ст. 45);
- право транзитного прохода в проливах, используемых для международного судоходства (ст. 37 и ст. 38), и это право особенно значимо для Сингапурского пролива, поскольку все суда пользуются правом

непрерывного транзита в проливе. Однако право транзитного прохода через проливы должно соответствовать Части III Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. относительно свободы судоходства исключительно для постоянного и быстрого пересечения пролива между частью моря или ИЭЗ, и другой частью моря или ИЭЗ. Такой транзит должен быть непрерывным и быстрым, и не должен запрещать пересечение пролива на территорию прибрежного государства, чтобы покинуть эту территорию или вновь войти на нее в соответствии с положениями данного государства;

- право доступа к морю и из моря и свобода транзита (ст. 125) означает, что государства, не имеющие выхода к морю, имеют такие права в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., включая право доступа в открытое море.

Следовательно, хотя и существуют различия в юридической природе вышеуказанных прав – они связаны друг с другом. Государства должны выполнять и последовательно соблюдать положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и других соответствующих международных договоров, включая конвенции ИМО, что особенно важно для прибрежных государств Южно-Китайского моря.

Действие положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. зависит, главным образом, от эффективности реализации и обеспечения соблюдения участниками. Это означает, что правовой режим свободы судоходства гарантируется и соблюдается только тогда, когда международное право, в частности Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., имплементируется, применяется и полностью и строго соблюдается Сторонами. Иными словами, речь идет не только о правах и интересах, но и об обязанностях Сторон по поддержанию правового режима свободы судоходства в соответствии с Конвенцией 1982 г.

По данным ООН, прибрежные государства Южно-Китайского моря являются участниками Конвенции 1982 г., и это отражено в Приложении А³⁷. Очевидно, что эти государства подтвердили свое уважение к международному морскому праву, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Однако действие Конвенции 1982 г. не только зависит от уважения участников, но и требует от каждого государства-члена выполнения своих обязательств по реализации и обеспечению выполнения Конвенции.

Вследствие отсутствия надлежащего соблюдения или применения положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. по собственному желанию, это часто приводит к напряженности, особенно напряженности в территориальных спорах между государствами, включая прибрежные государства Южно-Китайского моря. Очевидно, что, если положения Конвенции 1982 г. будут выполняться и соблюдаться этими государствами, то такие споры будут контролироваться, а право на свободу судоходства в Южно-Китайском море не будет подвергаться препятствиям или угрозам.

Прибрежные государства Южно-Китайского моря являются участниками конвенций ИМО, прежде всего, договоров по безопасности мореплавания, безопасности на море и предотвращению загрязнения окружающей среды.

Указанные конвенции ИМО относятся к условиям, необходимым для соблюдения при осуществлении права на свободу судоходства (согласно соответствующим положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Иными словами, коммерческие и некоммерческие суда всех государств, включая прибрежные государства Южно-Китайского моря, имеют право на свободу судоходства, но при этом удовлетворяют условиям безопасности мореплавания и предотвращения загрязнения окружающей среды, согласно положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и других подобных международных договоров, в частности, соответствующих конвенций ИМО.

³⁷ United Nations Convention on the Law of the Sea Status. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/MTDSG/Volume%20II/Chapter%20XXI/XXI-6.en.pdf> (дата обращения 20.06.2022)

Фактически, запрет, препятствование или угроза безопасности судоходства судна одного государства другим судам при осуществлении права на свободу судоходства в Южно-Китайском море нарушает Конвенцию 1982 г. и соответствующие конвенции ИМО, включая Конвенцию о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г.³⁸ и Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.³⁹. Такая ситуация не только наносит ущерб судам и экипажам, но и также прерывает право на свободу судоходства в Южно-Китайском море и угрожает безопасности мореплавания. Поэтому соответствующим сторонам в спорах по Южно-Китайскому морю необходимо сдерживать и применять действенные решения для эффективного предотвращения подобных действий.

Национальные законы прибрежных государств Южно-Китайского моря, касающиеся правового режима свободы судоходства, включая законы, правила и положения о морском режиме каждого государства и условиях, необходимых для его судов при осуществлении права свободы судоходства в этом морском пространстве и одним из наиболее приемлемых примеров является ст. 16 (2) Морского права Вьетнама 2012 г., которая предусматривает: «Государство уважает свободу авиации и мореплавания; право прокладывать подземные кабели, трубы и проводить морские операции, законно используя море других стран в исключительных экономических зонах Вьетнама в соответствии с настоящим законом и международными договорами, членом которых является Социалистическая Республика Вьетнам, не нанося ущерба праву суверенитета, национальной юрисдикции и национальным выгодам на море Вьетнама».

Вместе с этим «Морское право Вьетнама» также предусматривает распространение своего территориального суверенитета на архипелаги

³⁸ Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 24.11.2016, N 0001201611240015.

³⁹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. // Собрание законодательства Российской Федерации N 48, 26.11.2001.

Сишационьдао и Наньшационьдао и прилегающие к ним акватории. Данное обстоятельство было 31 декабря 2012 г. оспорено МИД КНР: «Китай обладает неоспоримым суверенитетом над архипелагами Сишационьдао и Наньшационьдао и прилегающими к ним акваториями. Претензии любой страны на территориальный суверенитет над этими островами, а также любые действия, предпринимаемые на основе этих претензий, являются незаконными и недействительными. Китайская сторона серьезно обеспокоена негативным влиянием, которое может оказать на ситуацию в Южно-Китайском море вступающее завтра в силу «Морское право Вьетнама», и требует от Вьетнама отказаться от шагов, усложняющих и раздувающих существующие вопросы»⁴⁰.

Во-первых, национальные законы, касающиеся морского режима прибрежных государств Южно-Китайского моря, определяют суверенитет, суверенные права и юрисдикцию в отношении внутренних вод, территориальных морей, прилежащих зон, ИЭЗ и континентального шельфа согласно соответствующим положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Это является важной правовой основой для определения границ морских зон (открытого моря, ИЭЗ) в Южно-Китайском море применения правового режима свободы судоходства согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Во-вторых, национальные законы, касающиеся морской, судоходной, рыболовной и иной деятельности на море прибрежных государств Южно-Китайского моря, определяют морскую безопасность и безопасности и предотвращения загрязнения окружающей среды в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и конвенциями ИМО. В частности, существуют правила, касающиеся регистрации, освидетельствования и сертификации судов, обучения, сертификации и

⁴⁰ Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин ответила на вопрос журналистов по поводу вступающего в силу «Морского права Вьетнама». URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/fyrbthdhdw/201301/t20130101_877221.html (дата обращения: 05.06.2022 г.).

несения вахты моряками и другие обязательные требования к судам, морякам, а также судоходным компаниям.

Наконец, морские пространства, находящиеся под суверенитетом, суверенными правами и юрисдикцией прибрежных государств Южно-Китайского моря, были объявлены этими государствами (включая КНР) в соответствии с положениями Конвенции 1982 г. В то же время, Китай решил не отказываться от своих исторических и частично признанных прав с «линией девяти пунктиров».

Прибрежные государства Южно-Китайского моря подписали многосторонние соглашения, касающиеся режима свободы судоходства в регионе, которые подтверждают заинтересованность прибрежных государств в поддержании свободы судоходства и обеспечении безопасности на море, и предотвращении загрязнения окружающей среды от судоходства, а также сдержанность во избежание усиления конфликтов в территориальных спорах в Южно-Китайском море, что отражено в ст. 3 и 4 Декларации 2002 г.⁴¹.

Однако реализация принципов поведения сторон в Южно-Китайском море в рамках Декларации 2002 г. пока не принесла желаемых результатов для данного региона. Реальность такова, что напряженность в территориальных претензиях не снизилась, а продолжает расти, и свобода судоходства в спорных морских районах Южно-Китайского моря продолжает серьезно страдать.

В дополнение к упомянутым ранее многосторонним соглашениям прибрежные государства заключили двусторонние соглашения, касающиеся режима свободы судоходства в регионе Южно-Китайского моря. Соглашения являются правовой основой не только для утверждения суверенитета, суверенных прав и юрисдикции над прилегающими морями, но и для определения протяженности морских пространств в Южно-Китайском море,

⁴¹ Ло Лань. От Декларации действий сторон в Южно-Китайском море 2002 г. к Кодексу о поведении сторон в Южно-Китайском море: эволюция переговоров о статусе // Евразийский юридический журнал, 2019, № 7. С. 53-60.

на которые распространяется право свободы судоходства, согласно соответствующим положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Таким образом, право свободы судоходства подтверждает преимущества, но имеет обязательную силу для каждого государства, и это особенно важно для Южно-Китайского моря.

Целесообразно особо подчеркнуть, что обеспечение свободы судоходства в спорных морских районах Южно-Китайского моря на настоящий момент сталкивается с целым рядом следующими проблемами.

Во-первых, территориальные споры в Южно-Китайском море нанесли серьезный ущерб свободе судоходства в данном море, и это будет продолжаться, если споры между сторонами будут нарастать; особенно когда Китай не отказался от претензий на «исторические права» с «линией девяти пунктиров», которые хотя и были опровергнуты решением ППТС. Однако отказ Китая от этой претензии маловероятен, поскольку решение не признано и не имеет механизмов исполнения, а КНР настаивает на том, что Южно-Китайское море находится под его суверенитетом. Следовательно, право на свободу судоходства в спорных морских районах Южно-Китайского моря продолжает сталкиваться с проблемами из-за неразрешенных споров. Решение этого вопроса полностью зависит от уважения и соблюдения соответствующих международных договоров, в частности Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., что является обязательством, которому должны следовать прибрежные государства Южно-Китайского моря.

Во-вторых, поведение прибрежных государств в деле разрешения территориальных споров относительно морских зон и морских объектов в «линии девяти пунктиров», а также соблюдения и обеспечения права свободы судоходства в спорных морских районах в пределах Южно-Китайского моря, хотя и было заявлено АСЕАН и Китаем в Декларации 2002 г., но, к сожалению, указанный международный документ не принес желаемых результатов, поскольку относится к так называемому «мягкому праву».

С момента принятия Декларации в 2002 г. напряженность и конфликты между сторонами в Южно-Китайском море продолжают нарастать, а реализации права свободы судоходства в спорных морских районах продолжают препятствовать. Причина такой ситуации заключается в том, что в Декларации отсутствуют правовые механизмы, налагающие на каждое прибрежное государство ответственность перед регионом и международным сообществом. Помимо обязательства этих государств уважать и соблюдать соответствующие международные договоры, в частности Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., на протяжении более 20 лет с момента провозглашения Декларации 2002 г. до настоящего времени данный вопрос продвигается АСЕАН и Китаем. С другой стороны, переговоры по Кодексу поведения пока не принесли результатов из-за разногласий по поводу правовых механизмов и политической воли сторон. Очевидно, что пока государства-члены АСЕАН и Китай еще не приняли Кодекс поведения в Южно-Китайском море с тем, чтобы возложить ответственность на прибрежные государства, споры в Южно-Китайском море будут продолжаться, и право на свободу судоходства в спорных морских районах будет по-прежнему затруднено.

В-третьих, влияние споров на право свободы судоходства в Южно-Китайском море является предметом региональной и международной обеспокоенности, по сути, мотивируя государства к сотрудничеству для поддержания свободы судоходства в этом море, особенно в условиях растущей напряженности. Поскольку право и интересы свободы судоходства в Южно-Китайском море принадлежат не только прибрежным государствам, но и всем государствам за пределами региона. Международные организации и многие другие государства за пределами региона призывают заинтересованные стороны совместно обеспечить свободу судоходства в этом море. Например, Соединенные Штаты осуществляют патрулирование, чтобы гарантировать свободу судоходства в Южно-Китайском море. Данное обстоятельство дестабилизирует достигнутые договоренности между

прибрежными государствами и воспринимается зачастую как вмешательство во внутренние дела государств региона. Поэтому создание механизмов сотрудничества между АСЕАН и Китаем в области свободы судоходства в Южно-Китайском море необходимо не только в настоящем, но и в будущем. Это будет способствовать миру, стабильности и развитию региона и всего мира, а также поддержанию свободы судоходства в Южно-Китайском море.

В-четвертых, помимо дела Филиппин против Китая в 2013 г., другие территориальные споры в Южно-Китайском море между прибрежными государствами не были разрешены правовыми мерами. Такая ситуация означает, что потенциально споры должны быть переданы в Международный трибунал по морскому праву в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., если спорящие стороны не могут разрешить их самостоятельно. Это ограничивает ситуацию длительных, напряженных споров, которые часто приводят к конфликтам между спорящими сторонами и влияют на обеспечение свободы судоходства в спорных морских районах Южно-Китайского моря.

Разбирательство по Южно-Китайскому морю и дело Арктик Санрайз (Королевство Нидерландов против Российской Федерации)⁴² являются уроком, который Вьетнам или другие государства могут усвоить в практике разрешения споров.

В обоих случаях решения были вынесены, хотя одна из сторон каждого дела не присутствовала на слушаниях, обозначая отсутствие юрисдикции международного судебного учреждения и ссылаясь на особые условия принятия Конвенции 1982 г., что делает очевидным необходимость многогранного рассмотрения существующих территориальных претензий в Южно-Китайском море с учетом всех государств региона и интересов эффективности осуществления судоходства в Южно-Китайском море всеми государствами мира.

⁴² The «Arctic Sunrise» Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. URL: <https://www.itlos.org/index.php?id=264> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

2.2. Осуществление добычи морских живых ресурсов

Ежегодно в Южно-Китайском море добыча рыбных ресурсов составляет более 10% общемирового объема, что делает их основным источником пищи для сотен миллионов людей⁴³. Территориальные споры в Южно-Китайском море традиционно рассматриваются с точки зрения военного напряжения в регионе, где угрозы более заметны. Экологические последствия деятельности государств, которые будут иметь долгосрочный характер, остаются недостаточно изученными. Строительство островов, буровые работы и чрезмерный вылов рыбных ресурсов поставили морскую экосистему региона на грань краха, а разрушение коралловых рифов и поддерживаемой ими морской жизни угрожает продовольственной и энергетической безопасности литорали.

В последние годы Южно-Китайское море стало предметом интенсивных дискуссий из-за его геополитических узлов и узлов безопасности. Это один из самых спорных морских районов в мире, с конкурирующими территориальными претензиями и плохо демаркированными правами, которые порождают дальнейшие конфликты между странами, граничащими с морем. Из всех стран Китай является единственной, которая не только претендует на огромную часть этих вод – сверх того, что находится под ее суверенитетом в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. – но и ведет активную деятельность на различных скалах, отмелях и рифах, усеивающих эти воды. Эта деятельность вызвала серьезную обеспокоенность со стороны прибрежных стран и международного сообщества в связи с ее

⁴³ Li J., Amer R., Closing the net Against IUU fishing in the South China Sea: China's practice and way forward // J. Int. Wildl. Law Policy, 18 (2). 2015. P. 139-164.

последствиями для безопасности. Тем не менее, другое серьезное последствие этой деятельности получило меньше внимания: экологический ущерб, наносимый местным экосистемам.

Действительно, морская экосистема этого региона уже испытывала нагрузки, связанные с тем, что он является одним из самых оживленных международных морских путей в мире. Такие нагрузки усугубляются чрезмерным выловом рыбы, добычей моллюсков, дноуглубительными работами для строительства искусственных рифов и гидроразрывом пласта, которые ведет Китай. Повышение температуры и уровня моря в результате изменения климата грозит сделать этот ущерб необратимым.

В последние годы международное сообщество неоднократно признавало изменение климата и его многообразные последствия не иначе как угрозой безопасности. Доклад Брундтланд 1987 г.⁴⁴, Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г.⁴⁵, заседания Совета Безопасности ООН в 2007⁴⁶, 2011⁴⁷, 2018⁴⁸ и 2019 гг.⁴⁹, а также Парижское соглашение 2015 г. – все они подчеркнули надвигающийся глобальный экологический кризис.

Последовательный экологический ущерб от упомянутой ранее деятельности может не проявляться заметно и немедленно, но первые признаки показывают, что его последствия для всего региона будут не иначе как катастрофические.

⁴⁴ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения 21.06.2022).

⁴⁵ United Nations Conference on Environment and Development (UNCED), Earth Summit [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/milestones/unced> (дата обращения 21.06.2022).

⁴⁶ Security Council Holds First-Ever Debate on Impact of Climate Change on Peace, Security, Hearing over 50 Speakers, UN, 17 April 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2007/sc9000.doc.htm> (дата обращения 21.06.2022).

⁴⁷ UNSC 6587th Meeting, 20 July 2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_6587.pdf (дата обращения 21.06.2022).

⁴⁸ UNSC 8307th Meeting, 11 July 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_8307.pdf (дата обращения 21.06.2022).

⁴⁹ Letter dated 4 February 2019 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of the Dominican Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General, UNSC, 7 February 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2019_113.pdf (дата обращения 21.06.2022).

Все государства региона участвовали в этой деятельности, утверждая свои собственные претензии на спорные островные территории. Однако мало кто сомневается, что деятельность отдельных государств намного больше по масштабам и более продвинуты по темпам и, согласно различным исследованиям, вызвали наиболее заметные последствия⁵⁰.

Управление рыболовством в Южно-Китайском море должно балансировать между интересами множества юрисдикций, зависимостью прибрежных общин от рыболовства в плане продовольственной безопасности, перед лицом проблем, возникающих в результате чрезмерного вылова рыбы, пагубной практики рыболовства, случайного вылова исчезающих видов, а также сложной по своей природе ситуации и сложной природой тропического многовидового рыболовства. Большинство видов морского рыболовства в Юго-Восточной Азии характеризуется чрезмерной конкуренцией между рыбаками и, как таковая, страдает от проблем чрезмерной капитализации и чрезмерной эксплуатации. Несмотря на такую тенденцию, управление большинством видов рыболовства в регионе по-прежнему в значительной степени опирается на подходы, основанные на производственном контроле.

Изложенная ситуация послужила импульсом для разработки инновационных подходов к сдерживанию тенденции к чрезмерной эксплуатации рыбных ресурсов Юго-Восточной Азии. Во всем регионе предпринимаются серьезные усилия, направленные на децентрализацию ответственности за управление рыболовством в целях выработки подходов к управлению рыболовством на основе совместного управления. Все большее распространение получает концепция правозащитного подхода к управлению мелким прибрежным рыболовством в регионе. Также хорошо известно, что коралловые рифы, морские травы, мангровые заросли и водно-болотные угодья вносят значительный вклад в продуктивность прибрежных государств и служат убежищем для большинства промысловых видов во время

⁵⁰ Dolven, et. Al, Chinese Land Reclamation in the South China Sea: Implications and Policy Options. US Congressional Research Service Report, 18 June 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R44072.pdf> (дата обращения 21.06.2022)

критических фаз их жизненного цикла. Управление рыболовством, включающее децентрализацию и системы, основанные на правах, должно интегрировать в себя стратегии, нацеленные на укрепление критических связей между жизненными циклами важных видов рыб и прибрежными и морскими местообитаниями⁵¹.

Исходя из признания того, что коралловые рифы, морские травы, мангровые заросли и водно-болотные угодья помогают поддерживать прибрежное рыболовство и служат убежищем для важных видов на многих этапах их жизненного цикла, новые подходы к управлению рыболовством должны поддерживаться инициативами, направленными на улучшение управления важнейшими связями жизненного цикла рыб и мест обитания. Такие подходы должны обеспечить адекватные межсекторальные консультации между ведомствами рыболовства и охраны окружающей среды в государствах, граничащих с Южно-Китайским морем. Это особенно важно в отношении выделения морских охраняемых районов и рыбохозяйственных зон, чтобы обеспечить, что районы, выделенные для охраны министерствами охраны окружающей среды, по возможности совпадали с критически важными районами для рыбных запасов⁵².

В целях разработки механизма, способствующего этому, Региональная рабочая группа по рыболовству сотрудничала и сотрудничает с Центром развития рыболовства Юго-Восточной Азии для создания системы рыболовных заповедников в Южно-Китайском море и Сиамском заливе, которая сфокусирована на критических связях между рыбными запасами и средой их обитания.

Рыболовные заповедники в контексте проекта Программы ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП) и Глобального экологического фонда (далее – ГЭФ) по Южно-Китайскому морю определяются как:

⁵¹ The South China Sea Fisheries Refugia Initiative. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fisheries-refugia.org/refugia-about/refugia-introduction> (дата обращения 03.03.2023).

⁵² Tønnesson, Stein (2005). Locating the South China Sea. In Kratoska, Paul H.; Raben, Remco; Nordholt, Henk Schulte (eds.). Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space. Singapore University Press. P. 204.

«Пространственно и географически определенные, морские или прибрежные районы, в которых применяются конкретные меры управления для поддержания рыбных ресурсов важных видов на критических стадиях их жизненного цикла, для их устойчивого использования»⁵³.

Рыболовные заповедники должны не быть «зонами, где запрещено ловить рыбу», имеют цель устойчивого использования на благо современного и будущих поколений, предусматривать возможность постоянного закрытия некоторых зон в пределах заповедников в связи с их критической важностью, существенным вкладом в жизненный цикл вида или группы видов, сосредоточить внимание на участках, имеющих критическое значение в жизненном цикле промысловых видов, включая нерестилища и места гнездования, или участки среды обитания, необходимые для содержания маточного поголовья, имеют различные характеристики в зависимости от их целей и видов или групп видов, для которых они созданы, и в отношении которых будут применяться различные меры управления, имеют планы управления.

Меры управления, которые могут применяться в рыболовных заповедниках, могут быть взяты из следующего неисчерпывающего перечня: исключение метода лова (например, легкая приманка, ловля рыбы с помощью сетчатого невода); ограниченные способы ловли (например, размер сетки); запрещенные орудия лова (например, толкаемые сети, демерсальные тралы); размер судна/мощность двигателя; сезонные закрытия в критические периоды; сезонные ограничения (например, использование определенных орудий лова, которые могут задерживать развитие организмов в форме личинок);

⁵³ Southeast Asian Fisheries Development Center/Training Department (SEAFDEC/TD). What's Fisheries Refugia Concept? [Электронный ресурс]

// Режим доступа: http://www.seafdec.or.th/home/phocadownload/FisheryKnowledge/Fishery_Management/Whats%20Fisheries%20Refugia%20Concept_4_12_2020.pdf (дата обращения 03.03.2023); Pernetta J.C., Paterson C.J., Siriraksophon S. Fisheries Refugia and Marine Protected Areas: Can they help sustain the contribution of fisheries towards food security in Southeast Asia? // Fish for the People. Vol. 8, № 2. 2010. P. 18.

ограниченный доступ и использование правозащитных подходов в мелкомасштабном рыболовстве⁵⁴.

Региональная инициатива по созданию рыболовных заповедников решает существующие проблемы, опираясь на концепции управления рыболовством, которые легко понять на уровне рыбацких сообществ, и делая акцент на устойчивом использовании, а не на запрете. Она фокусируется на создании поддержки рыбацких сообществ для пространственного планирования подходов к управлению прибрежными и морскими ресурсами. Такая деятельность была признана региональными и международными рыболовными организациями в качестве уникальной региональной рыболовной инициативы, поскольку она представляет собой одну из первых попыток развития интегрированного управления рыболовством и окружающей средой для региональной выгоды.

Эффективное управление рыболовством и средой обитания в Южно-Китайском море требует институциональной среды, в которой поощряется и стимулируется сотрудничество и партнерство. Для сектора рыболовства это требует создания работоспособных механизмов для интеграции вопросов рыболовства в более широкие инициативы по управлению морскими ресурсами и окружающей средой. Такие механизмы должны быть направлены на улучшение понимания заинтересованными сторонами, включая, в частности, рыбаков, ученых, политиков и руководителей рыболовства, взаимосвязей между экосистемами и рыболовством в качестве основы для комплексного управления рыболовством и средой обитания; и укрепление потенциала министерств и ведомств рыбного хозяйства для участия в содержательном диалоге с сектором охраны окружающей среды относительно того, как планирование многоцелевого использования моря (в любой форме) может наилучшим образом способствовать улучшению состояния рыболовства в районах Южно-Китайского моря.

⁵⁴ Mark J. Valencia, Jon M. van Dyke, and Noel A. Ludwig. *Sharing the Resources of the South China Sea*. Brill, 1997.

Для обеспечения региональной политической поддержки этой деятельности Региональная рабочая группа по рыболовству подготовила региональное руководство по использованию рыбопромысловых заповедников для управления промысловым рыболовством в Юго-Восточной Азии, которое впоследствии было опубликовано как часть Регионального руководства по ответственному рыболовству в Юго-Восточной Азии Центра развития рыболовства АСЕАН и Юго-Восточной Азии⁵⁵. Региональной рабочей группой по рыболовству были разработаны конкретные ресурсные и институциональные цели для региональной системы рыбохозяйственных заповедников.

Данная инициатива считается важной в региональном масштабе вследствие потенциальных преимуществ для рыболовства, связанных с эффективным управлением рыболовством и средой обитания на местном уровне. Вполне вероятно, что роль таких подходов к управлению рыболовством будет становиться все более важной в регионе, особенно в свете сохраняющегося значения рыболовства для продовольственной безопасности, безопасности питания и поддержания средств к существованию. Такие подходы могут также помочь в сдерживании последствий тенденций в региональном рыболовстве, связанных с избыточными мощностями и чрезмерной эксплуатацией, использованием разрушительных орудий лова и практики, разрушением и загрязнением среды обитания, а также незаконным рыболовством.

Общие долгосрочные цели данного компонента Программы стратегических действий заключаются в следующем: повысить устойчивость рыболовства Юго-Восточной Азии к воздействию высоких и возрастающих уровней промыслового усилия; улучшить понимание заинтересованными сторонами, включая рыбаков, ученых, политиков и руководителей

⁵⁵ SEAFDEC, 2006. Supplementary Guidelines on Co-management using Group User Rights, Fisheries Statistics, Indicators and Fisheries Refugia. Southeast Asian Fisheries Development Center, Bangkok, Thailand. URL: http://repository.seafdec.or.th/bitstream/handle/20.500.12067/1017/RGL_supplymentary.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 06.11.2022 г.).

рыболовства, взаимосвязей между экосистемами и рыболовством в качестве основы для комплексного управления рыболовством и экосистемами/ средой обитания; наращивать потенциал рыболовных департаментов/министерств для участия в содержательном диалоге с сектором окружающей среды по вопросам улучшения рыболовства и управления взаимодействием между рыболовством и важнейшими морскими местообитаниями.

В частности, ожидается, что запланированные мероприятия позволят достичь следующих результатов в дополнение к целям, указанным ранее:

- улучшение интеграции соображений сохранения среды обитания и биоразнообразия в управление рыболовством в Южно-Китайском море;
- улучшение национального управления воздействием рыболовства на критические местообитания в рыболовных заповедниках;
- расширение использования передового опыта интеграции управления рыболовством и сохранения биоразнообразия при разработке и внедрении региональных и национальных систем управления рыболовством и охраняемых районов моря⁵⁶.

Природные ресурсы региона Южно-Китайского моря тесно взаимосвязаны. Различные виды рыбных ресурсов в морском районе между Индонезией, Малайзией и Филиппинами зависят от кораллов и личинок рыб, приплывающих из Южно-Китайского моря и Соломоновых островов. Когда рифы разрушены и погребены, рыболовство погибает, а средства к существованию прибрежных рыбацких общин и всех остальных, кто от них зависит, оказываются под угрозой. Поддерживать образ жизни рыбаков становится все труднее в условиях мелиоративных работ в Южно-Китайском море и продолжающегося уничтожения коралловых рифов и видов, которые от них зависят.

⁵⁶ Bill Hayton, *The South China Sea: The Struggle for Power in Asia*, New Haven, London, Yale University Press, 2014.

Таким образом, мы становимся свидетелями двух диаметрально противоположных концепций относительно сохранения и использования морских живых ресурсов региона Южно-Китайского моря.

Если одна предполагает создание специальных зон заповедников с разрешительным порядком вылова, то другая, напротив, направлена на обеспечение текущих потребностей региона в расширении территориальных интересов, связанных с демографическим ростом в прибрежных государствах. Однако, исходя из программ прибрежных государств, о которых речь пойдет в следующих частях настоящего исследования – прибрежные государства осознают важность обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия в регионе. Ведь именно данная область стала ключевым в диалоге на высоком уровне. В то время как Южно-Китайское море является тропическим морем с богатым биоразнообразием, поддерживающим обильный рыбный промысел, его уникальная окружающая среда и бесценные морские живые ресурсы находятся во все большей опасности. Продолжающиеся споры не улучшают ситуацию: отсутствие согласованных границ и функционирующего регионального режима управления рыболовством в сочетании с сокращением рыбных запасов и усилением конкуренции только усугубляют проблему.

Объем годового улова в Мировом океане составляет 80-90 млн т рыбы, моллюсков и ракообразных, 95% из этого количества приходится на морские пространства, находящиеся под национальной юрисдикцией. За последние четыре десятилетия объемы лова выросли почти в пять раз. Положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающиеся живых морских ресурсов исключительных экономических зон и других районов, находящихся под национальной юрисдикцией, определяют права и обязанности государств в отношении сохранения и использования этих ресурсов. Рыболовецкие хозяйства во многих районах, находящихся под национальной юрисдикцией, сталкиваются со все более серьезными проблемами, к которым, в частности, относятся перелов рыбы при локальном промысле, несанкционированные

заходы в зону промысла иностранных судов, деградация экосистем, чрезмерная капитализация и чересчур большие размеры промыслового флота, предоставление заниженных данных об улове, использование недостаточно избирательных орудий лова, ненадежность баз данных и рост конкуренции между непромышленным и промышленным рыболовством, и между рыболовством и другими видами деятельности.

Проблемы не ограничиваются сферой рыболовства. Коралловые рифы и другие морские и прибрежные места обитания, такие, как мангровые заросли и эстуарии, относятся к числу наиболее разнообразных, комплексных и продуктивных экосистем Земли. Нередко они выполняют весьма важные экологические функции, обеспечивают защиту побережья и имеют важнейшее значение как база продовольственных и энергетических ресурсов, туризма и экономического развития. Во многих частях мира, в том числе и в Южно-Китайском море, такие морские и прибрежные системы испытывают стрессовые перегрузки или находятся под угрозой как антропогенного, так и природного воздействия.

2.3. Осуществление добычи минеральных ресурсов

Минеральные ресурсы имеют важнейшее значение для процветания и безопасности современных государств. Важный вопрос о том, каким образом минеральные ресурсы могут гарантировать устойчивое развитие экономики государств, особенно развивающихся, уже давно находится в центре внимания всего международного сообщества.

Наглядным примером в данном отношении может служить Китай, который демонстрирует следующие четыре ключевые тенденции в сфере спроса на минеральные ресурсы в будущем:

1. общий спрос на минеральные ресурсы в целях устойчивого развития экономики и общества будет оставаться на высоком уровне, и еще предстоит пройти длительный путь для того, чтобы надлежащим образом обеспечить

достаточное, стабильное и безопасное снабжение базовыми минеральными ресурсами;

2. глобальная новая технологическая революция, инновационное передовое производство и обеспечение национальной безопасности (прежде всего, речь идет о постоянном поддержании на должном уровне сферы национальной обороны) диктуют императив глубоких трансформаций спроса на тип и качество минеральных ресурсов. В связи с чем, необходимо в экстренном порядке существенным образом активизировать теоретические исследования, а также усилить разработку новейших технологий разведки стратегических и критических металлов;

3. серьезные проблемы в экологической среде, имеющиеся на фоне высококачественного преобразования и развития национальной экономики, настоятельно требуют оптимизации использования минеральных ресурсов: имеется в виду эволюционный переход от экстенсивного стиля к так называемому «зеленому» (низкоуглеродному и экологичному стилю);

4. конкуренция за контроль над ресурсами между государствами становится все более ожесточенной, и подход «основывать производство в стране и использовать переработанную продукцию за рубежом» по-прежнему будет основной стратегией для обеспечения ресурсной безопасности Китая. Текущее предложение и спрос на минеральные ресурсы в Китае являются исключительно сложной задачей⁵⁷.

Критические металлы или критические минералы находятся в фокусе внимания новых ресурсных концепций, появившихся в последние годы. Речь идет о некоторых минеральных ресурсах, которые чрезвычайно востребованы в современных обществах, и в то же время обладают высоким риском безопасного снабжения⁵⁸. К ним относятся редкоземельные элементы, редкие металлы, редкие дисперсные металлы и редкие драгоценные металлы, а также

⁵⁷ Y. Zhang Sub-molten salt Technology-Cleaner production and efficient resource utilization Chemical Industry Press, Beijing (2016). P. 1-523.

⁵⁸ M. Zhai, F. Wu, R. Hu, S. Jiang, W. Li, R. Wang, D. Wang, T. Qi, K. Qin, H. Wen Critical metal mineral resources: current research status and scientific issues Bull. Natl. Nat. Sci. Foundat. China, 33 (2) (2019). P. 106-111.

радиоактивные металлы. Названные металлы имеют уникальные физические, химические и термодинамические свойствами, что, в сущности, и делает их незаменимыми в высокотехнологичной промышленности. Согласно прогнозам, в ближайшие десятилетия глобальный спрос на критические металлы будет стремительно расти, а конкуренция между спросом и предложением будет становиться все более заметной⁵⁹.

Почти половина площади морского дна Мирового океана является Международным районом морского дна (далее – Район). Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., недра и их ресурсы на морском дне являются общими для всего человечества. В качестве стратегической зоны замещения минеральных ресурсов на суше были исследованы глубоководные участки моря и обнаружены четыре типа минеральных ресурсов, а именно:

- полиметаллические марганцевые конкреции;
- кобальтоносные корки;
- гидротермальные сульфиды;
- отложения редкоземельных элементов.

Ожидается, что запасы руды в глубоководных районах моря будут колоссальными, намного превышающими общий объем доказанных запасов металлов (марганца, меди, никеля, кобальта, свинца, цинка, редкоземельных и элементов платиновой группы) на суше, что обеспечивает потенциал для будущих минеральных ресурсов. Многие государства, особенно западные, усилили исследования и поиски минеральных ресурсов на морском дне. Следует особо отметить, что и Китай в последние десятилетия начал проводить более активные исследования и разведку ресурсов Района.

Создание Китаем двух новых исследовательских станций на искусственных островах, которые он занимает в спорных районах Южно-Китайского моря, связано с активизацией разведки и эксплуатации глубоководной среды в поисках топлива, редких металлов и биотехнологий.

⁵⁹ Там же.

Две исследовательские станции на построенных КНР искусственных островах «Fiery Cross Reef» (риф «Огненный крест») и «Subi Reef» (риф «Суби») находятся в ведении Комплексного исследовательского центра рифов и островов Китайской академии наук, который был создан на другой китайской базе в регионе, Мисчи-Риф, в конце 2018 г. В официальных заявлениях КНР их цель трактуется в качестве изучения широкого круга морских наук, включая такие, как: экологию; геологию; окружающую среду; а также исследование минеральных и энергетических ресурсов Южно-Китайского моря⁶⁰

Идея осуществления научных исследований звучит достаточно благожелательно, но деятельность Китая вызывает подозрение у других претендентов на богатые ресурсами воды региона, особенно у Вьетнама. В урегулировании давних территориальных споров между прибрежными государствами Южно-Китайского моря достигнут незначительный прогресс, а вялотекущие переговоры по Кодексу поведения еще не завершены с тех пор, как переговоры начались в 2016 г.

Начавшееся обсуждение между Вьетнамом и КНР относительно деятельности новых научно-исследовательских станций, было приостановлено действиями США, которые обвинили Китай в использовании отвлекающих факторов или уязвимости других государств для расширения своих незаконных притязаний в Южно-Китайском море во время пандемии COVID-19.

Китай вызвал международное возмущение, когда построил семь искусственных островов в Южно-Китайском море в период с 2013 по 2015 гг. – не только потому, что он создавал взлетно-посадочные полосы и военные объекты на оспариваемой территории, но и из-за последовавшего за этим

⁶⁰ 南沙群岛美济礁中科院岛礁综合研究中心正式启用 (Центр комплексных исследований островов и рифов Китайской академии наук официально открылся на рифе Мэйдзи, острова Наньша) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-01/01/c_1123933690.htm (дата обращения 03.03.2023).

повсеместного разрушения окружающей среды. Организация, которая наблюдает за тремя китайскими исследовательскими станциями в этом районе Мирового океана, с названием «Инновационный институт экологической и экологической инженерии Южно-Китайского моря» была создана для того, чтобы удерживать точки опоры на этих островах и рифах; глубоко вспахивая острова и рифы Южно-Китайского моря. Институт океанологии Южно-Китайского моря⁶¹ намерен разработать технологию, которая поможет использовать стратегические ресурсы и стимулировать экономическое развитие в морских районах⁶².

В октябре 2019 г. генеральный секретарь Международного органа по морскому дну, ответственного за регулирование использования морского дна за пределами действия национальной юрисдикции, выразил уверенность в том, что Китай, уже опередивший другие страны в разведке морского дна, станет первой страной, которая начнет его коммерческую эксплуатацию⁶³.

Головная организация Южно-Китайского морского инновационного института экологического и природоохранного проектирования опубликовала методы разведки этих конкреций, и Китай предпринял несколько подводных экспедиций исключительно в целях поиска конкреций в Южно-Китайском море⁶⁴. Международный орган по морскому дну разрабатывает комплексный кодекс добычи минеральных ресурсов для государств, заинтересованных в ресурсах Района, что также может стать основой для регулирования такого рода добычи в Южно-Китайском море⁶⁵.

⁶¹ South China sea institute of oceanology. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://english.scsio.cas.cn/> (дата обращения 02.07.2022)

⁶² Journal of Tropical Oceanography. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journal15.magtechjournal.com/Jwk3_rdhxyb/EN/1009-5470/home.shtml (дата обращения 02.07.2022).

⁶³ Китай снова получит эксклюзивное право на геологоразведку участка международного района морского дна. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-07/17/content_74999779.htm (дата обращения: 10.10.2022 г.).

⁶⁴ Сайт Правительства Китая. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2017/05/06/content_281475647322841.htm (дата обращения 02.07.2022).

⁶⁵ International seabed authority [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.isa.org.jm/mining-code> (дата обращения 02.07.2022).

Однако перспективы глубоководной добычи были встречены с тревогой из-за потенциального разрушения глубоководной среды⁶⁶. Глубоководные экосистемы известны своей хрупкостью. В данной связи целесообразно подчеркнуть, что исследования морского дна, осуществленные на участке Юго-Восточной части Тихого океана между Гавайями и Мексикой в 1989 г., нанесли необратимый ущерб, весьма ощутимый даже много десятилетий спустя.

Следует учитывать то важное обстоятельство, что Международный орган по морскому дну разработал рекомендации относительно изучения воздействия разведки полезных ископаемых на окружающую среду, *но не рекомендации по добыче*⁶⁷. Одной из проблем, непосредственно связанных с добычей энергии и полезных ископаемых, в частности, является крайняя хрупкость подводной среды на таких ресурсах и вокруг них. Каждое государство устанавливает собственные стандарты оценки воздействия любых исследований на окружающую среду, что чрезвычайно важно для Южно-Китайского моря и рифов «Fiery Cross Reef» и «Subi Reef», на которых уже наблюдаются различные негативные последствия для местных коралловых экосистем⁶⁸.

3. Экологические аспекты международно-правового статуса Южно-Китайского моря

В эпоху повсеместной индустриализации и глобализации государства по всему миру нуждаются в ресурсах для реализации собственного потенциала и амбиций. Южно-Китайское море – акватория, расположенная в западной части Тихого океана по форме напоминающая ромбовидный бассейн

⁶⁶ Nature. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02242-y> (дата обращения 02.07.2022).

⁶⁷ International seabed authority [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ran-s3.s3.amazonaws.com/isa.org.jm/s3fs-public/files/documents/isba-19lrc-8_0.pdf (дата обращения 02.07.2022).

⁶⁸ The Guardian. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2015/sep/17/south-china-sea-images-reveal-impact-on-coral-of-beijings-military-bases> (дата обращения 02.07.2022).

занимающий 1,423,000 морских миль⁶⁹, ограниченный материковым Китаем и Китайским Тайванем на севере, Филиппинами на востоке, Брунеем, Малайзией и Сингапуром на юге и Вьетнамом на западе, обладает большими запасами различных видов живых и неживых ресурсов и эксплуатируется прибрежными государствами.

Китай, Китайский Тайвань, Филиппины, Вьетнам, Малайзия и Бруней заявили свои претензии на острова в Южно-Китайском море, которые возникли во второй половине XX в. и тесно связаны с экономическим подъемом современного Китая и вмешательством западных государств во внутренние дела данного государства⁷⁰. Противостояние государственных интересов, борьба за легитимизацию своих интересов, сопряженная с использованием ресурсов Южно-Китайского моря неизбежно порождает экологические последствия, ведь деятельность по освоению ресурсов акватории стала одной из ключевых в спорах между соседними прибрежными государствами⁷¹.

Для всестороннего изучения экологических аспектов международно-правового статуса Южно-Китайского моря необходимо понять значимость как экономической, так и экологической единицы для государств Юго-Восточной Азии. Южно-Китайское море является так называемым «домом» для около 250 островных объектов⁷², наиболее спорными из которых являются группы островов Наньша и Сиша, и служит важной географической средой в истории, жизни и культуре народов Юго-Восточной Азии. Даже в эпоху деколонизации филиппинцы, вьетнамцы, малазийцы и китайцы занимались рыболовством в

⁶⁹ Eugene C. Lafond, South China Sea [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/South-China-Sea> (дата обращения 20.10.2021)

⁷⁰ Nong Hong University of Alberta Law and Politics in the South China Sea Assessing the Role of UNCLOS in Ocean Dispute Settlement 2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://era.library.ualberta.ca/items/55e8d930-7fef-47e9-9863-b791b3930f85/view/a9d8d461-f52f-448f-9bd8-adfae3595864/Hong_Nong_Spring-202010.pdf (дата обращения 20.10.2021)

⁷¹ Канаев Е.А. Международный арбитраж по проблеме Южно-Китайского моря и морские территориальные споры в Северо-Восточной Азии / Е.А. Канаев, Бэ Бумки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – Москва: ИВ РАН, 2016. – С. 11–23.

⁷² International Hydrographic Organization «Limits of Oceans and Seas» (Special Publication № 28). 3d Edition 1953. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://epic.awi.de/id/eprint/29772/1/IHO1953a.pdf> (дата обращения 20.10.2021).

Южно-Китайском море. Это был ключевой торговый путь и важный канал для культурных и религиозных обменов, осуществляемых между Китаем, Индией, Персидским заливом и Ближним Востоком. Тем не менее, в отличие от современного политического затруднительного положения, непосредственно сопряженного с территориальными спорами между прибрежными странами (а также США), ранее ни одно государство не предпринимало попытки распространить собственный суверенитет на Южно-Китайское море, поскольку это была свободная и общая территория⁷³.

Помимо проблем, напрямую связанных с безопасностью, которые были порождены спорящими государствами в данном морском регионе, Южно-Китайское море имеет первостепенное значение в экономическом и, соответственно, в экологическом контексте для АСЕАН. Рассматриваемая акватория является одной из наиболее оживленных и представляет собой сеть, соединяющую между собой азиатские порты. Ежегодный оборот торговли соседствующих государств (при помощи использования морских судоходных путей Южно-Китайского моря) превышает 5 трлн долл. США⁷⁴.

В связи со сложившимися обстоятельствами, обеспокоенность и всеобщая напряженность возникают не только у государств Юго-Восточной Азии, в частности, но и у всего мирового сообщества, в целом. Для АСЕАН как таковая внутрирегиональная торговля увеличилась до 41% в 2009 г. с 29% в 1980 г.⁷⁵. Несмотря на азиатский финансовый кризис 1997 г.⁷⁶, который преследовал регион, морская экономика нескольких стран АСЕАН процветала. Вьетнам и Таиланд входят в число ведущих экспортеров морепродуктов в мире; Филиппины входят в десятку ведущих судостроительных экономик; и шесть из двадцати пяти самых загруженных

⁷³ Leszek Buszynski, *The South China Sea: Oil, Maritime Claims, and U.S.-China Strategic Rivalry* (2012). 35 *The Washington Quarterly*. P. 152.

⁷⁴ Локшин Г.М. АСЕАН и Территориальные споры в Южно-Китайском море / Г. М. Локшин. -М.: ИДВ РАН, 2016. С. 20.

⁷⁵ George Galdorisi, *The South China Sea: The World's Most Important Body of Water?* 2014.

⁷⁶ Kaufman, GG., Krueger, TH., Hunter, WC. (1999) *The Asian Financial Crisis: Origins, Implications and Solutions*. Springer. ISBN 0-7923-8472-5.

контейнерных портов в мире расположены в одном регионе⁷⁷. Даже для единственной страны АСЕАН, не имеющей выхода к морю, Лаосской Народно-Демократической Республики, вопросы, связанные с Южно-Китайским морем, играют решающую роль вследствие ее торговых отношений с КНР⁷⁸.

Южно-Китайское море также имеет уникальную морскую экосистему. Это «самая разнообразная в мире мелководная морская зона», где процветают семь из девяти известных видов гигантских моллюсков и три из четырех идентифицированных видов мечехвостов. Ученые также проследили большое разнообразие кораллов в «Коралловом треугольнике» (морская зона, которая охватывает воды Филиппин, Индонезии и Соломоновых островов с внушительным количеством видов кораллов, черепах и рыб), которое обусловлено таким весьма существенным фактором, как перенос личинок рыб в Южно-Китайском море в Коралловый треугольник⁷⁹.

Наконец, Южно-Китайское море связано со значительными парками природного наследия АСЕАН. Природный парк рифов «Туббатаха» (Филиппины) и Национальный парк «Бай Ту Лонг» (Вьетнам) находятся в восточном и северном рукавах Южно-Китайского моря соответственно. Названные рифы внесены в список парков морского наследия АСЕАН. Официально определено, что парки наследия АСЕАН являются «охраняемыми территориями, представляющими высокую природоохранную важность, сохраняющими в общей сложности полный спектр репрезентативных экосистем региона АСЕАН»⁸⁰.

Программа парков наследия АСЕАН, учрежденная в 1984 г. и впоследствии измененная в 2003 г., соответствует масштабной задаче,

⁷⁷ Rajni Nayanthara Gamage, *Blue Economy in Southeast Asia: Oceans as the New Frontier of Economic Development*. 2016.

⁷⁸ Фомичева Е.А. Трудности консенсуса по ЮОКМ (пример Лаоса, Камбоджи, Таиланда) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2016. - № 32. - С. 85.

⁷⁹ WWF Cite. Coral Triangle. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.worldwildlife.org/places/coral-triangle> (дата обращения 20.10.2021).

⁸⁰ Malgosia Fitzmaurice, David M. Ong, and Panos Merkouris, eds., *Research Handbook on International Environmental Law*. Northampton: Edward Elgar, 2010. P. 418.

поставленной на Всемирном саммите по устойчивому развитию 2002 г., суть которой состоит в сокращении утраты биоразнообразия⁸¹.

Именно из-за изложенной ранее политической, экономической и культурной динамики, оказывающей чрезвычайно осязаемое воздействие на Южно-Китайское море, «свобода судоходства и полетов» и «мир, безопасность и стабильность» были повторяющимися повестками дня на заседаниях АСЕАН. Несмотря на то, что эти государства (с коллективной точки зрения) весьма настороженно относятся к вопросам, непосредственно связанным с Южно-Китайским морем, каждое отдельное государство-член, особенно те, которые имеют крупные претензии на соответствующие части рассматриваемого морского пространства, продолжают изучать и эксплуатировать собственную долю, на которую, по мнению указанного государства, оно имеет право в качестве своего суверенного права.

Таким образом, эскалация территориальных претензий в регионе Южно-Китайского моря приводит к усугублению детерминации статуса региона, в том числе международно-правовое определение экологического режима становится затруднительным с позиции современного международного права. Аналогичное положение дел, прежде всего, вызвано тем, что государства активизировали свою антропогенную деятельность, направленную на создание новых искусственных островов для распространения собственного суверенитета⁸².

Агрессивная политика государств, направленная на освоение биоразнообразия, рассматривается каждой стороной в контексте поощрения или осуждения. Так, быстрая добыча морских биоресурсов способствуют росту экономического потенциала добывающих государств, но в то же время – наносит непоправимый вред окружающей среде, становясь предметом

⁸¹ ASEAN Declaration on Heritage Parks 2003. ASEAN Declaration on Heritage Parks and Reserves 1984. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://chm.aseanbiodiversity.org/index.php?option=com_wrapper&view=wrapper&Itemid=110¤t=110 (дата обращения 20.10.2021).

⁸² Land Reclamation by Country, Asia Maritime Transparency Initiative. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://amti.csis.org/island-tracker/> (дата обращения 20.10.2021).

порицания со стороны не только соседствующих государств, но и всего мирового сообщества⁸³. Сотрудничество в сфере определения и установления рыболовных зон ведется не с учетом равноправия, а исключительно в собственных интересах. Однако наиболее опасным фактором становится милитаризация Южно-Китайского моря, в результате которой происходит превышение допустимого уровня загрязнения воды и воздуха, вследствие чего природные ресурсы не имеют реальной возможности естественным образом восстанавливаться⁸⁴.

Так, например, существующие территориальные претензии содействуют стремительному разрушению всей экосистемы Южно-Китайского моря, что, в свою очередь, со всей очевидностью подтверждает актуальность исследования в области определения надлежащего эколого-правового регулирования на международном уровне.

Основополагающим документом, применяемым в отношении определения статуса Южно-Китайского моря, в том числе экологических аспектов, является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.⁸⁵, положения которой устанавливают режим, обеспечивающий международно-правовой режим экологической составляющей, в том числе и в регионе Южно-Китайского моря.

Кроме того, Постоянная палата Третейского суда (далее – ППТС) в деле Филиппины против Китайской Народной Республики⁸⁶ (КНР) установила, что рыболовный промысел, осуществляемый КНР и строительство искусственных островов наносили серьезный ущерб в соответствии со ст. 192 и 194 Конвенции ООН 1982 г. В то же время, важно отметить, что данное Решение

⁸³ International Institute for Strategic Studies, *Regional Disorder: The South China Sea Disputes*. P. 36-39.

⁸⁴ Jane Perlez, *Philippines and China Ease Tensions in Rift at Sea*, N.Y. Times. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2012/06/19/world/asia/beijing-and-manila-ease-tensions-in-south-china-sea.html> (дата обращения 20.10.2021).

⁸⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 20.10.2021).

⁸⁶ *The Republic of the Philippines v. The People's Republic of China* 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pca-spa.org/en/news/the-republic-of-the-philippines-v-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения 20.10.2021).

было принято без участия КНР в судебном разбирательстве. С практической точки зрения, это Решение не поспособствовало дальнейшему улучшению отношений в данном регионе, но ППТС в указанном ранее Деле установила и проанализировала ряд весьма серьезных аспектов, относящихся к экологическому статусу Южно-Китайского моря при помощи применения соответствующих положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Следовательно, в целях установления и раскрытия экологических аспектов международно-правового статуса Южно-Китайского моря, их принято рассматривать через призму Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в силу ряда вполне объяснимых причин ввиду отсутствия единого, универсального документа, регламентирующего правовой режим рассматриваемого региона⁸⁷.

Как было отмечено, Южно-Китайское море является целостной экосистемой, и как таковая она должна рассматриваться всеобъемлющим образом всеми окружающими ее государствами. С годами становится все более очевидным, что Южно-Китайское море страдает от серьезных экологических проблем, которые должны быть решены указанными выше государствами в сотрудничестве. Сложность и взаимосвязанность этих различных вопросов вынуждают прибрежные государства принимать коллективные меры по обращению вспять тенденций деградации окружающей среды и тем самым предотвращению неблагоприятных последствий для экономических вопросов и проблем безопасности.

Известно, что все прибрежные государства Южно-Китайского моря ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., ст. 123 которой предусматривает, что государства, граничащие с замкнутым или полузамкнутым морем, должны сотрудничать друг с другом в осуществлении своих прав и в выполнении собственных обязанностей по Конвенции. С этой

⁸⁷ Joshua (Josh) Paine Environmental Aspects of the South China Sea Award. 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/environmental-aspects-of-the-south-china-sea-award/> (дата обращения 20.10.2021)

целью они прилагают непосредственно или через соответствующую региональную организацию:

«а) координировать управление живыми ресурсами моря, их сохранение, разведку и эксплуатацию;

б) координировать осуществление своих прав и обязанностей в отношении защиты и сохранения морской среды;

с) координировать политику проведения научных исследований и осуществлять там, где это целесообразно, совместные программы научных исследований в данном районе;

д) приглашать, когда это целесообразно, другие заинтересованные государства или международные организации для сотрудничества в претворении в жизнь положений настоящей статьи»⁸⁸.

Хотя физическая и экологическая деградация прибрежных экосистем и прибрежных районов, а также истощение их ресурсов, вероятно, являются локальными по своему характеру, последствия таких проблем широко распространены и на данный момент настолько очевидны на участках, весьма удаленных от их происхождения, что только глобально применяемые стратегии имеют реальный шанс на достижение долгосрочных и эффективных решений. Однако (вследствие их гигантского масштаба и широчайшего охвата *глобальных действий*) *глобальные* инициативы не могут реально решить конкретные экологические проблемы.

В данной связи целесообразно заметить, что так называемый «глобальный подход» выполняет ценную (можно даже сказать, *незаменимую*) функцию в деле создания рамок или схем общих действий, а также в определении общих принципов для деятельности указанных ранее государств. Более того, осязаемое влияние глобального подхода порой формируется за счет глубины проработки, а также масштабности поставленных целей и задач для достижения последних. Действительно, характер обязательств по

⁸⁸ Ст. 123 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 20.10.2021)

универсальным соглашениям имеет тенденцию к наименьшему общему знаменателю с тем, чтобы обеспечить возможность интеграции как можно более широкого числа сторон. Действия отдельных стран также не могут быть направлены на решение трансграничных экологических проблем, которые, в частности, усугубляются активным характером воздействия океанских течений и ветров на состояние морских экосистем.

Рассматриваемый регион обеспечивает важный средний уровень между общими чертами глобальных режимов и спецификой национального регулирования, поскольку действия на национальном уровне без региональной координации, как правило, приводят к «трагедии общего достояния», а действия на глобальном уровне были общими и недостаточно конкретными для решения проблем региональных морей, таких как проблемы Южно-Китайского моря.

В поисках более чистой окружающей среды и регионального сотрудничества в области экологической безопасности в крайне сложной ситуации в Южно-Китайском море, ЮНЕП и несколько других экологических программ взяли на себя ведущую роль в этом деле.

Крупные морские экосистемы (далее – КМЭ) Южно-Китайского моря характеризуются тропическим климатом. Были выявлены различные подсистемы в рамках экосистемы⁸⁹. Интенсивный рыболовный промысел является основной движущей силой КМЭ Южно-Китайского моря, а климат представляет собой вторичную такую силу. ГЭФ поддерживает данный проект КМЭ в рамках Южно-Китайского моря в целях устранения критических угроз в прибрежной и морской средах, а также содействия экосистемному управлению прибрежными и морскими ресурсами.

Камбоджа, Китай (с Китайским Тайванем), Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Вьетнам участвуют в управлении КМЭ Южно-Китайского моря, разделяя озабоченность по поводу морской среды и

⁸⁹ Pauly, D. and V. Christensen, Stratified models of large marine ecosystems: a general approach, and an application to the South China Sea, in In Kenneth Sherman, Lewis M. Alexander, Barry D. Gold (eds.) Large marine ecosystems: stress, mitigation, and sustainability (Washington: AAAs Publication, 1993).

осознавая важность моря в качестве мощного источника белка для растущего населения⁹⁰.

Необходимо иметь в виду то весьма существенное обстоятельство, что этот регион переживает фазу быстрого экономического развития и роста населения. Несмотря на политическую напряженность и конкурирующие территориальные претензии в Южно-Китайском море, семь стран согласились сотрудничать в области защиты морской среды. В 2001 г. они подписали Соглашение о региональном плане, спонсируемом ЮНЕП, который нацелен на решение проблемы деградации Южно-Китайского моря при помощи начала осуществления девяти проектов по устойчивому развитию в приоритетных трансграничных участках в регионе.

Глобальный экологический фонд выделил на указанный ранее План 16 млн долл. США. Государства разрабатывают экосистемный подход к управлению ресурсами при помощи создания трансграничного диагностического анализа, научного обоснованного анализа трансграничных проблем и их коренных причин, что приведет к установлению приоритетов для действий в стратегической программе действий⁹¹.

После деятельности Неофициальной рабочей группы⁹², ЮНЕП приступила в 1996 г. к разработке проекта ЮНЕП/ГЭФ по Южно-Китайскому морю, первого межправительственного проекта при участии всех основных прибрежных государств Южно-Китайского моря. Проект ЮНЕП/ГЭФ под названием «Обращение вспять тенденций деградации окружающей среды в Южно-Китайском море и Сиамском заливе» финансируется Глобальным экологическим фондом и осуществляется ЮНЕП в партнерстве с семью прибрежными государствами, граничащими с Южно-Китайским морем

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² С 1990 г. в Индонезии под эгидой Агентства по исследованиям и разработкам министерства иностранных дел был проведен ряд практикумов на тему «Урегулирование потенциальных конфликтов в Южно-Китайском море». Эти неправительственные встречи, в которых приняли участие правительственные и военные должностные лица, а также ученые из азиатско-тихоокеанского региона и Канады, были созданы для изучения путей укрепления сотрудничества между государствами, граничащими с Южно-Китайским морем. Альтернативой является юрисдикционная пустота и угроза вооруженного конфликта, поскольку делимитация морских границ является маловероятным сценарием, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

(Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Китай, Малайзия, Таиланд и Филиппины)⁹³. Опираясь на доверие, завоеванные неофициальной рабочей группой по Южно-Китайскому морю, Проект ЮНЕП/ГЭФ по Южно-Китайскому морю добился новаторского прогресса в формализации регионального морского экологического сотрудничества в рамках региона и осуществлении основных совместных мероприятий по решению проблем морской окружающей среды.

В проектном документе изложены следующие общие цели проекта: создание среды на региональном уровне, в которой поощряется сотрудничество и партнерство в решении экологических проблем Южно-Китайского моря между всеми заинтересованными сторонами и на всех уровнях; и укрепление потенциала участвующих правительств по учету экологических соображений при планировании национального развития⁹⁴. В перспективе проект направлен на разработку и согласование на межправительственном уровне Стратегической программы действий, охватывающей конкретные целевые и дорогостоящие действия на долгосрочную перспективу, для решения приоритетных вопросов и проблем. В частности, предлагаемые мероприятия направлены на оказание странам помощи в достижении экологических целей, указанных в рамочной стратегической программе действий, которая была разработана в период 1996-1998 гг.⁹⁵.

ЮНЕП является основным источником финансовой поддержки Плана действий по морям Юго-Восточной Азии. Эти функции играют важную роль, позволяя ЮНЕП выступать в качестве посредника в коллективных действиях и катализатора других региональных действий. Интеллектуальный вклад и координирующая роль ЮНЕП имеет особое и решающее значение на подготовительном этапе плана действий. ЮНЕП взяла на себя общую ответственность за материально-техническое обеспечение и

⁹³ THE UNEP/GEF South China Sea Project. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.unepscs.org/Project_Background.html (дата обращения 20.10.2021).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ The mid-term evaluation of the SCS Project was conducted in 2004. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.unepscs.org/scsdocuments/Mid-Term-Evaluation.pdf> (дата обращения 20.10.2021).

административные мероприятия по подготовке, консультациям, составлению и пересмотру текста Плана действий.

В ходе этого процесса ЮНЕП наняла региональных экспертов или консультантов для разработки Плана действий и соответствующих программных документов и организовала различные совещания экспертов для их рассмотрения. ЮНЕП имеет право влиять на результаты совещаний не только путем непосредственного участия в этих совещаниях и излагая свои технические мнения по тексту (в большинстве случаев их мнения будут хорошо восприняты другими участниками), но и путем выбора экспертов для участия в совещании и составления повестки дня совещания.

Символическая сила ЮНЕП помогает привлечь государства к многостороннему сотрудничеству. Участие в мероприятиях, спонсируемых ЮНЕП, дает прибрежным государствам Южно-Китайского моря возможность представить себя в качестве ответственных государств, занимающихся решением региональных экологических проблем.

Влияние ЮНЕП оказало двустороннее воздействие на разработку и осуществление Плана действий. Положительным моментом является то, что ЮНЕП смогла относительно легко заручиться государственной поддержкой и участием, поскольку ЮНЕП может утверждать, что эта программа одобрена Советом управляющих ЮНЕП. С другой стороны, в Планах действий основное внимание уделяется экологическим вопросам, на которые влияют или определяют факторы, внешние по отношению к региону. План действий следовал глобальной тенденции в борьбе с загрязнением морской среды, примером которых в 1970-х гг. была серия крупных аварий на разливах нефти в северном полушарии умеренного пояса, которые привлекли широкое внимание мирового сообщества из-за их серьезного воздействия на морскую среду. Проблема разливов нефти не является приоритетной проблемой в регионе юго-восточноазиатских морей, за исключением Малаккского пролива, по сравнению с быстрой утратой и деградацией прибрежных местообитаний в регионе. Неспособность определить региональные

приоритеты и общие морские экологические проблемы в регионе, вероятно, была основным фактором, обусловившем неспособность мобилизовать сильную государственную финансовую поддержку Плана действий.

Сотрудничество АСЕАН в области окружающей среды началось в 1977 г., когда при содействии ЮНЕП была разработана Субрегиональная программа АСЕАН по окружающей среде. Вопрос о трансграничном загрязнении был освещен в июне 1990 г., и сотрудничество укрепилось, когда министры окружающей среды государств АСЕАН приняли Куала-Лумпурское соглашение по окружающей среде и развитию⁹⁶. Они договорились инициировать совершенствование политики в области рационального природопользования и сформулировали стратегию и план действий АСЕАН по устойчивому развитию.

АСЕАН является форумом для государств-участников для обмена информацией и укрепления доверия; поэтому она содействует региональному сотрудничеству по различным вопросам. На раннем этапе предполагалось, что План действий будет расширяться и охватывать другие соседние государства при условии благоприятного политического развития событий в регионе. Юридически обязательное соглашение, обеспечивающее правовую основу для Плана действий, рассматривалось в качестве возможного препятствия на основе такого будущего расширения его членского состава. Сильная приверженность принципу «невмешательства» и осторожность при достижении любых юридически обязательных соглашений, основанная на страхе потерять какой-то аспект «суверенитета», привели к неспособности государств-участников достичь региональной конвенции, основанной на Плане действий по морям Юго-Восточной Азии.

«Путь АСЕАН» внес позитивный вклад в успешное расширение членского состава в Координационном органе по морям Юго-Восточной Азии, но, напротив, это главная причина, по которой орган не смог достичь

⁹⁶ Vivian Louis Forbes, *Conflict and cooperation in managing maritime space in semi-enclosed seas* (Singapore: Singapore University Press, 2001). P. 244.

юридически обязательной региональной конвенции. АСЕАН служит полезным форумом для содействия экономическому росту, политической стабильности, социальному и культурному обмену в регионе; однако иногда он подвержен синдрому «наименьшего общего знаменателя», в результате чего политика размывается для удовлетворения пожеланий государств-членов с конфликтующими интересами⁹⁷.

«Путь АСЕАН» также способствовал упущенной возможности своевременного решения некоторых проблем. Участники сочли неуместным или «нарушением» суверенитета других государств, столкнувшись с другими государствами с их проблемами в реализации или указав на задержку деятельности в других странах. Это было неблагоприятно для взаимного контроля и надзора. Участие государств АСЕАН в Плане действий первоначально было обусловлено необходимостью укрепления самобытности АСЕАН через ЮНЕП и укрепления экологического сотрудничества с государствами-членами организации. По мере того, как План действий разрабатывался и расширялся, государства АСЕАН рассматривали его как хорошую возможность для привлечения Китая и других государств, одновременно содействуя сотрудничеству АСЕАН через ЮНЕП.

В феврале 1992 г. министры окружающей среды государств-участников АСЕАН, договорились содействовать повышению осведомленности общественности об экологических проблемах, чтобы обеспечить более широкое участие в усилиях по охране окружающей среды, и делать это путем более широкого обмена информацией и опытом по подходам и стратегиям в области экологического образования, что вылилось в принятие Сингапурской резолюции по окружающей среде и развитию⁹⁸.

⁹⁷ David Rosenberg. 1999. Environmental Pollution around the SCS: Developing a Regional Response. *Contemporary Southeast Asia* 21 (1): 118-145.

⁹⁸ 1992 Singapore Resolution on Environment and Development. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/1992-Singapore-Resolution-on-Environment-and-Development.pdf> (дата обращения 03.03.2023).

В названном международном документе изложены различные виды политики и стратегии, которые каждое государство АСЕАН должно проводить в целях развития регионального сотрудничества в интересах устойчивого развития. Каждое государство в рамках группы должно принять политические меры и содействовать институциональному развитию, которое будет способствовать учету экологических факторов во всех процессах развития. Они предложили тесно сотрудничать по взаимосвязанным вопросам окружающей среды и развития на основе многосторонних договоров, таких, как Конвенция 1982 г., МАРПОЛ 73/78 и деклараций принципов, например Монреальского протокола 1987 г., Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. и Берлинской конференции по климату 1995 г.

Общая численность населения всего Азиатско-Тихоокеанского региона приближается к 2 млрд чел. и охватывает семь из 14 крупнейших городов мира. Только в регионе Юго-Восточной Азии более 70% населения проживает в прибрежных районах, и их зависимость от моря в отношении ресурсов и средств передвижения довольно высока. Южно-Китайское море – самый оживленный судоходный путь и окруженный некоторыми из наиболее быстро индустриализирующихся стран в мире – становится поглотителем для регионального загрязнения окружающей среды, быстрого экономического роста, часто в сочетании с истощением природных ресурсов, усиливает конфликты и претензии, подобные тем, которые существуют в Южно-Китайском море. Государства, граничащие с Южно-Китайским морем, как правило, больше озабочены максимизацией национального экономического роста и обеспечением адекватных поставок энергии, чем сохранением своей региональной морской среды. Поэтому аспект экологической безопасности в этой области является актуальным.

Южно-Китайское море является естественным источником биоразнообразия для одного из самых густонаселенных регионов мира. Только в регионе Юго-Восточной Азии более 70% населения проживает в

прибрежных районах, и их зависимость от моря в отношении ресурсов и средств передвижения высока. В 1992 г. на рыболовство в регионе Юго-Восточной Азии составляло 23% общего объема вылова в Азии и около 10% от общего мирового улова⁹⁹. В то же время высокий экономический рост затмевает экологические проблемы, такие как чрезмерный вылов рыбы, разрушительные методы рыболовства, разрушение среды обитания и загрязнение морской среды. Поэтому аспект экологической безопасности имеет отношение к Южно-Китайскому морю.

Региональному научному сообществу морских экспертов удалось инициировать, предложить и сформулировать варианты политики в деле ЮНЕП, а также в случае Практикума Южно-Китайского моря¹⁰⁰. К сожалению, правительства государств рассматриваемого региона не позволили этим попыткам привести к реальным политическим действиям¹⁰¹. Экологические знания достигли большинства государств региона, созданы министерства охраны окружающей среды, разработаны природоохранные нормативные акты, природоохранные документы на национальном уровне, которые осуществляют многочисленные проекты, а экспертам по окружающей среде разрешается встречаться на основе свободы перемещения через границы, особенно в рамках АСЕАН. Однако несмотря на это экологические проблемы Южно-Китайского моря по-прежнему не решаются эффективно. Рыбаки ловят меньше рыбы вдоль побережья, коралловые рифы и мангровые заросли уничтожаются по всему региону, загрязнение от судоходства на море, от наземных отраслей промышленности и от растущих городов региона продолжает течь в прибрежные воды¹⁰².

⁹⁹ Чан Чыонг Тхюи, Территориальные проблемы в Южно-Китайском море. 2006.

¹⁰⁰ Expert report of Dr. rer. nat. Sebastian C.A. Ferse, Professor Peter Mumby, PhD and Dr. Selina Ward. Assessment of the potential environmental consequences of construction activities on seven reefs in the Spratly Islands in the South China Sea. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.pcacases.com/web/sendAttach/1809> (дата обращения 20.10.2021).

¹⁰¹ Tom Næss, Environment and security in the SCS regionl. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.duo.uio.no/sok/work.html?WORKID=5092> (дата обращения 20.10.2021)

¹⁰² Там же.

Эксперты по окружающей среде пытаются информировать свои правительства о рисках и проблемах, но до сих пор правительства государств региона не готовы уделять должное внимание управлению и защите морской среды. Так почему же правительства государств региона не следуют советам экспертов?

Во-первых, в течение последнего десятилетия возникла ситуация, когда Китай и другие прибрежные государства Южно-Китайского моря предъявляют друг другу взаимные территориальные претензии в борьбе за природные ресурсы и суверенитет над спорными островами. Скрытые конфликты были выведены на поверхность и угрожают дестабилизировать регион. Таким образом, на карту поставлена политика, жизненно важные государственные интересы, что не означает, что эксперты-экологи вообще не имеют никакого влияния, скорее их влияние ограничивается постановкой повестки дня и постановкой вопросов, поднятых для обсуждения. Специалисты по морскому праву уже оказали влияние на привлечение интереса и внимания правительств и лиц, принимающих решения, на продвижение знаний об экологической ситуации, но до сих пор эти знания не отражаются в государственной политике прибрежных государств Южно-Китайского моря по различным причинам.

Во-вторых, внутренние условия также не позволяют государствам принимать участие в региональных экологических инициативах. Эти внутренние факторы тесно связаны с уровнем экономического развития. Как следует из полученного опыта в отношении индонезийской дымки¹⁰³, экономические и административные недостатки мешают государственной политике быть эффективной. Соседние государства с Индонезией также по-прежнему неохотно изменяют свой подход к политике чересчур быстрого развития и потребления природных ресурсов государств. «Азиатский путь»

¹⁰³ Дымка, вызванная лесными пожарами, горящими на индонезийских островах Калимантан, и Суматра, вызвала проблемы со здоровьем во всем регионе, повредила туризму, нанесла ущерб драгоценной дикой природе и повредила источники пищи в пострадавших районах. Индонезия рассматривается как главный виновник этого экологического кризиса, но трансграничная проблема также содержит уроки для соседних государств, озабоченных быстрым ростом.

взаимодействия в рамках сообщества АСЕАН подразумевает, что все члены должны воздерживаться от комментариев о внутренних делах в соседствующих государствах. «Азиатский путь» позволяет государствам АСЕАН, а также другим азиатским государствам, цепляющимся за «Азиатский путь», отдавать приоритет недалеким национальным интересам, даже если это может нанести ущерб интересам соседних государств.

Копенгагенская школа утверждает, что любой конкретный вопрос может быть не политизирован, политизирован и безопасен. Вопрос не имеет политизированный характер в том случае, когда государство не решает его и когда он не включен в публичные дебаты¹⁰⁴. Проблема становится политизированной, когда она является частью государственной политики, требуя решения правительства и распределения ресурсов (или реже какой-либо другой формы управления). Наконец, политическая проблема может быть безопасной в такой ситуации, при которой соответствующие стороны, предварительно согласовав, заключили между собой специальное соглашение о безопасном освоении природных ресурсов. Последнее относится к процессу, в котором проблема формулируется как проблема безопасности.

Большинство исследователей, изучающих экологическую ситуацию в регионе Южно-Китайского моря, указывают на необходимость регионального сотрудничества для решения растущей проблемы. Однако до сих пор региональная политика не зашла слишком далеко в решении международных экологических проблем. Наиболее очевидным институтом для этого является АСЕАН, которая уже много лет обеспечивает сотрудничество по экологическим вопросам. Однако складывается впечатление, что Ассоциация не ставит экологические вопросы как приоритетные в своей повестке дня. Кроме того, природоохранные законы, принятые большинством стран Юго-

¹⁰⁴ Stepka, M. The Copenhagen School and Beyond. A Closer Look at Securitisation Theory. In: Identifying Security Logics in the EU Policy Discourse. IMISCOE Research Series. Springer, 2022. P. 17-31.

Восточной Азии в этот период экономического роста и индустриализации, за некоторыми исключениями, оказались неэффективными¹⁰⁵.

Следует отметить, что проблема морской среды не стоит на повестке дня большинства прибрежных государств Южно-Китайского моря. Основываясь на теории безопасности Копенгагенской школы, экологическая проблема должна быть решена, если мы хотим поставить ее на первое место в повестке дня среди государств Южно-Китайского моря и эффективно решать ее. На открытии Конференции по Мировому океану в мае 2009 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК) и другие эксперты обратили внимание на изменения океана, связанные с климатом, с которым сталкиваются малые островные и прибрежные сообщества, такие как глобальное потепление, повышение уровня моря и изменения в циркуляции океана¹⁰⁶. Таким образом, постепенное осознание критической связи между морской средой и изменением климата подчеркивает важность экологической безопасности в Южно-Китайском море.

Как соображения безопасности могут функционировать в качестве движущих сил регионального сотрудничества? Один очень важный аспект, связанный с этим, заключается в том, что движущие силы не могут функционировать как таковые, не воспринимаясь политическими субъектами как приоритетная задача в политических кругах. Следовательно, концепция должна быть связана с общими представлениями государств, которые должны признать и осознать связь между их высокой политической озабоченностью и экологической безопасностью в Южно-Китайском море.

В значительной степени можно отметить, что вопросы безопасности были движущей силой для продолжения региональной интеграции в Юго-

¹⁰⁵ L.S. Chia (ed.) *Environmental Management in Southeast Asia: Directions and Current Status*, (Faculty of Science, National University of Singapore, 1987). P. 151; Surin Setamanit, Thailand in Chia (ed.). P. 187; V.R. Villavicencio, Philippines. P. 107; Ong and others, Malaysia in Chia (ed.); Partoatmodjo, Indonesia in Chia, Gomez and others, *Coastal Zone Management*, SEAPOL Conference (Chiang Mai, 1990).

¹⁰⁶ Sam Bateman and Mary Ann Palma, *Coming to the rescue of the Oceans: The Climate Change Imperative*, RSIS Commentaries, August 2009.

Восточной Азии¹⁰⁷. В будущем вопросы экологической безопасности могут играть ту же роль. Государства региона Южно-Китайского моря в значительной степени взаимозависимы, когда дело доходит до вопросов экологии. Они взаимозависимы до такой степени, что, если им не удастся найти общего решения экологических проблем, они могут оказаться в насильственном конфликте друг против друга.

Именно вопросы военно-политической безопасности, вероятно, вызовут призывы к более тесному международному сотрудничеству в регионе Южно-Китайского моря. Все чаще проблемы экологической безопасности будут делать то же самое. Региональные экологические проблемы можно рассматривать с точки зрения общей угрозы и общих ресурсов: обе категории в настоящее время готовы приобрести значительный интеграционный потенциал. Проблемы растут, как и потенциальные выгоды от сотрудничества, и именно поэтому необходимо задаться вопросом о том, есть ли признаки эпистемологических сообществ, играющих такую роль в отношении морского экологического сотрудничества в регионе Южно-Китайского моря. Исследования, посвященные роли экспертов в области окружающей среды, безопасности и международного сотрудничества в регионе Южно-Китайского моря, пока ограничены. Вокруг Средиземноморья и Балтии возникли авторитетные региональные сообщества ученых и эти сообщества оказали влияние на создание систем управления океаном для этих морей¹⁰⁸. Как правило, авторитетные экспертные знания и данные являются жизненно важной основой для любого сообщества или группы директивных органов, занимающихся вопросами окружающей среды. Ученые, обладающие способностью мыслить экологически и в широком смысле, могут играть

¹⁰⁷ Karin Dokken, —Environment, security and regionalism in the Asia-Pacific: is environmental security a useful concept? *The Pacific Review*, Vol. 14 No. 4 2001: 509–530, p.509

¹⁰⁸ Peter Haas, *Saving the Mediterranean: the politics of international environmental cooperation* (New York: Columbia University Press, 1990); Ronnie Hjorth, *Baltic Sea environmental cooperation: the role of epistemic communities and the politics of regime change*, (1994) *Cooperation and Conflict* 29(1), P. 11-31; Næss, Tom (1999) *Environment and security in the South China Sea region: the role of experts, non-governmental actors and governments in regime building processes*, Final thesis in political science, University of Oslo. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sum.uio.no/southchinasea/> (дата обращения 20.10.2021)

важную роль в развитии систем управления океаном¹⁰⁹. Воздействие научных рекомендаций более вероятно в ситуациях, когда лица, принимающие решения, не уверены в экологических проблемах¹¹⁰. Это относится и к региону Южно-Китайского моря. Существует общая нехватка квалифицированной информации о море и его ресурсах. Однако существует ряд факторов, препятствующих возможному научному воздействию на экологическую политику в Южно-Китайском море. С самого начала государства установили сильный акцент на жизненно важных государственных интересах и национальном суверенитете, не оставляя места для независимых научных рекомендаций о том, как формулировать экологическую политику в регионе. Это, вероятно, препятствует влиянию экспертных советов, как они работают в настоящее время.

Зависимость от моря в отношении его ресурсов, как средств транспорта и валютных поступлений, от рыболовства и туризма. Факт того, что государства региона Южно-Китайского моря серьезным образом взаимозависимы в отношении использования ресурсов, должны подразумевать, что международное сотрудничество является единственной разумной политической альтернативой в будущем. Однако, зная, что в данный момент имеет место быть осязаемое противоречие между экологическими соображениями и международным сотрудничеством, с одной стороны, и акцентом на жизненно важных государственных интересах и национальном суверенитете, с другой, что нужно для того, чтобы политические субъекты чувствовали себя вынужденными сотрудничать? Концепция «экологической безопасности» может быть частью ответа.

Согласно названной концепции, нет противоречия между международными экологическими режимами и жизненно важными национальными интересами. Скорее, международное сотрудничество в

¹⁰⁹ Karin Dokken, Environment, security and regionalism in the Asia-Pacific: is environmental security a useful concept? P. 523.

¹¹⁰ Peter Haas, (1992) Introduction: epistemic community and international policy coordination, International Organization 46(1), P. 1-37.

области экологических ресурсов является единственным способом обеспечения жизненно важных национальных ресурсов на будущее. Решение экологических проблем, как правило, требует некоторого делегирования части государственного суверенитета во имя общей экологической безопасности. Трансграничная экосистема, выпадающая из-под контроля, детерминирует необходимость создания соответствующего наднационального органа между государствами с тем, чтобы нивелировать дальнейшую уязвимость и восстановить надлежащий контроль.

Что же касается вопросов экологической безопасности, то государства никогда не были и никогда не станут полностью суверенными. Это особенно очевидно, когда речь идет о международной политике в отношении загрязнения. Трансграничное загрязнение водных путей поднимает вопрос о том, должна ли загрязняющая деятельность в границах одного государства оставаться исключительной юрисдикцией его правительства? В качестве альтернативы, ставится ли под угрозу суверенитет государства, когда его окружающая среда деградирует из-за загрязняющих веществ, исходящих из соседних стран¹¹¹?

Это один из важных моментов, который должен быть отмечен экспертами, когда их просят советы политики государств в регионе Южно-Китайского моря. Все это указывает на необходимость дальнейшего международного сотрудничества.

Могут ли общие экологические проблемы стать движущей силой для дальнейшего сотрудничества в регионе Южно-Китайского моря в рамках АСЕАН и между АСЕАН, Китаем с Китайским Тайванем? Признание сильной экологической взаимозависимости является в настоящее время одной из самых сильных движущих сил регионального сотрудничества и интеграции за пределами Европы. Мы знаем, что в таких организациях, как АСЕАН, а также

¹¹¹ Боклан Д.С. Международно-правовые основы предотвращения трансграничного ущерба, причиненного окружающей среде экономической деятельностью // Legal Concept. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-predotvrascheniya-transgranichnogo-uscherba-prichinnogo-okruzhayuschey-srede-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения 21.10.2021)

между АСЕАН и Китаем прагматических интересов недостаточно для продвижения процесса сотрудничества, и требуется движущая сила.

Вполне является вероятным, что серьезные региональные морские экологические проблемы, если их будут определять как вопросы безопасности, могут стать такой необходимой движущей силой сотрудничества в рамках Южно-Китайского моря и разрешения существующих территориальных претензий, что, в свою очередь, требует также осуществления определенной просветительской работы ключевых международных экологических программ для политических лидеров прибрежных государств Южно-Китайского моря.

ГЛАВА II

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Южно-Китайское море по своим характеристикам является самым большим в Юго-Восточной Азии и граничит с шестью государствами этого региона (Малайзия, Бруней, Филиппины, Индонезия, Сингапур и Вьетнам), а также с Китаем с Китайским Тайванем. Очень важным элементом всех взаимоотношений «приграничных» государств является то, что Южно-Китайское море содержит в себе важнейшие морские пути между Тихим океаном и Индийским океаном, а также содержит существенное для экономики государств рассматриваемого региона количество природных ресурсов. Южно-Китайское море – ключевая торговая артерия, соединяющая Азию с Европой и Африкой, которая, кроме этого, обладает значительными запасами природного газа и нефти. Треть мирового судоходства, или около 3,37 трлн долл. США в международной торговле, проходит через Южно-Китайское море каждый год, включая около 80% нефти, импортируемой Китаем, вторым по величине потребителем этого ресурса в мире. В этом районе содержится по различным оценкам от 11 до 22 млрд баррелей нефти и от 190 до 290 трлн кубических футов природного газа. Как было отмечено, в спорных морских пространствах ежегодная добыча рыбных ресурсов составляет более 10% общемирового объема, что делает их главным источником пищи для сотен миллионов людей¹¹².

Исходя из совокупности изложенного, Южно-Китайское море стало символической «ареной» для одного из самых сложных споров современности при участии Китая и четырех государств из Юго-Восточной Азии – Филиппин, Вьетнама, Малайзии и Брунея. Все разногласия между государствами

¹¹² China Sea Oil and Gas Resources. China Institute of International Studies [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202007/t20200715_2762.html (дата обращения 03.03.2023).

существуют уже многие десятилетия и периодически обостряются, тем самым усиливая напряженность и бросая вызов региональному миру и безопасности.

22 января 2013 г. произошло событие, которое стало знаковым для всех заинтересованных государств региона. Филиппины инициировали арбитражное разбирательство в ППТС против Китая в соответствии со ст. 286 и 287, и Приложением VII к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в отношении споров в Южно-Китайском море.

Перед Постоянной палатой третейского суда были поставлены следующие вопросы:

- права государств в Южно-Китайском море;
- правовой статус морских объектов и права на них в Южно-Китайском море;
- легальность действий КНР в Южно-Китайском море, в том числе предполагаемые нарушения экологических обязательств должной осмотрительности, в части положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., по проведению обязательной оценки воздействия на окружающую среду, а также обязательства сотрудничать¹¹³.

Следует подчеркнуть, что Китай не участвовал в данном разбирательстве и не признал Решение, которое было вынесено 12 июля 2016 г. пятью судьями, один из которых был назначен Филиппинами, а остальные четыре – Председателем Международного трибунала по морскому праву.

Позиция Китая по данному спору в части неучастия выражена в следующих положениях, которые вызвали серьезные дискуссии в профессиональном сообществе юристов-международников:

- арбитраж необоснованно отрицает наличие исторических прав Китая в регионе Южно-Китайского моря;
- решение арбитража само по себе содержит ошибку правоприменения;

¹¹³ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (дата обращения 20.06.2022).

- арбитраж в целом не имел юрисдикции рассматривать вопрос делимитации морских пространств.

В данном случае необходимо отметить, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. предусматривает в ст. 298 «Факультативные исключения, касающиеся применения Раздела 2»¹¹⁴, что при подписании, ратификации Конвенции или присоединении к ней, или в любое время после этого государство без ущерба для обязательств, вытекающих из Раздела 1 Конвенции «Общие положения», может в письменной форме заявить, что оно не принимает одну или несколько процедур, предусмотренных в Разделе 2 Конвенции «Обязательные процедуры, влекущие за собой обязательные решения», в отношении споров, связанных с толкованием или применением ст. 15, 74 и 83, касающихся делимитации морских границ, или споров, связанных с историческими заливами, что Китай и сделал в 2006 г.

Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС) 12 июля 2016 г. вынесла Решение, в котором указала на нарушения Китаем суверенных прав Филиппин, которые выразились в том, что КНР вмешивался в процессы рыболовства и разведки нефти, а также создавал искусственные острова на морских объектах, таких как рифы. Таким образом, итоговое решение ППТС способствовало уточнению толкования соответствующих положений по защите морской среды, закрепленных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В то же время, данное Решение имеет целый ряд изъянов и недочетов в части именно толкования эколого-правовых обязательств Китая.

Согласно позиции, выраженной КНР, деятельность данного государства вблизи и на островах архипелага Наньша, включая риф Мэйдзи, проводилась на суверенной территории Китая и были полностью учтены все экологические риски, а также приняты необходимые соответствующие природоохранные меры, соответствующие внутреннему законодательству КНР и международно-правовым обязательствам данного государства, что позволяет сделать вывод о

¹¹⁴ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, N 48, 01.12.1997, Ст. 5493.

том, что хозяйственная деятельность Китая не могла повлечь нарушение суверенных прав Филиппин в ИЭЗ и на континентальном шельфе. С научной точки зрения, правовая аргументация ППТС вызвала многочисленные дискуссии, в том числе, относительно вклада в развитие международного морского права и применения Конвенции 1982 г.

Дискуссионными являются также и те обстоятельства, что при рассмотрении указанного ранее спора был допущен ряд процессуальных нарушений, снижающих легитимность судебного производства. В частности, после инициирования дела 22 января 2013 г., Филиппины в 2014 и 2015 гг. несколько раз уточняли свои требования, выдвинув в итоге 15 пунктов предполагаемых нарушений КНР в связи с осуществлением хозяйственной деятельности международного права, 7 из которых касались вопросов сохранения и защиты морской среды Южно-Китайского моря. Уточнение требований со стороны Филиппин является ключевым по вопросам легитимности судопроизводства, поскольку определенность и законность требований представляют собой важные элементы для обеспечения справедливого правосудия и арбитражного процесса в целом, не говоря уже о соблюдении прав другой стороны процесса.

Государства Юго-Восточной Азии традиционно отказывались от поисков двусторонних решений совместно с Китаем, главной экономической и военной державой рассматриваемого региона, именно на основе исторических фактов. Несмотря на это, через год после решения ППТС против территориальных претензий Китая в 2017 г. президент Филиппин Родриго Дутерте согласился урегулировать спор с Китаем путем двусторонних переговоров.

С международно-правовой точки зрения, существует три (взаимосвязанных, но синхронно различных) видов споров в Южно-Китайском море:

1. споры о суверенитете;
2. споры о морских правах;

3. споры о делимитации морских границ.

Одним из основных споров между Китаем, Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией и Брунеем являются конкурирующие претензии на суверенитет над морскими объектами по всему Южно-Китайскому морю. В настоящее время существует пять групп объектов споров: острова Дунша (на которые претендует Китай), острова Сиша (на которые претендуют Китай и Вьетнам), острова Чжунша, отмель Скарборо (Китай и Филиппины) и острова Наньша (на которые претендуют Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней), которые вместе составляют так называемый «лабиринт отдельных отмелей» Южно-Китайского моря.

Наиболее сложные и тяжелые споры идут вокруг островов Наньша, поскольку они связаны с наибольшим количеством притязаний и некоторыми морскими особенностями. Отмечается, что на островах Наньша насчитывается более 600 рифов, островков, отмелей и скалистых выступов. Претензии на суверенитет основаны на сложном сочетании исторических открытий и использования, уступки колониальными державами и эффективной оккупации. Окончательный победитель в спорах о территориальном суверенитете, скорее всего, будет определяться принципами обычного международного права в отношении территориальных приобретений, разработанными международными судебными учреждениями. Однако данные споры о суверенитете могут быть переданы на судебное рассмотрение исключительно в том случае, если обе стороны согласятся. Последнее обстоятельство всегда было крайне маловероятным, учитывая серьезность геополитических интересов в отношении Южно-Китайского моря не только со стороны государств этого региона, но и других международных акторов (в том числе, весьма могущественных во многих отношениях).

Вторым ключевым аспектом споров в Южно-Китайском море являются морские права, которые регулируются Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.). Названная Конвенция была принята по итогам девяти лет сложных и спорных переговоров в целях установления

универсального режима Мирового океана взамен существовавшему хаотичному и неопределенному правовому режиму. В настоящее время Конвенция 1982 г. принята почти повсеместно (все прибрежные государства Восточной и Юго-Восточной Азии являются ее сторонами, за исключением Камбоджи и КНДР)¹¹⁵.

Конвенция 1982 г. дает прибрежным государствам право установления от исходных линий, проведенных вдоль их континентальной сухопутной территории, территориального моря, шириной 12 морских миль, и исключительной экономической зоны, шириной 200 морских миль. Данный международно-правовой акт универсального уровня также признает, что каждое прибрежное государство имеет неотъемлемые права на свой континентальный шельф на расстоянии до 200 морских миль или за пределами этого лимита в зависимости от того, отвечает ли континентальный шельф определенным геологическим и геоморфологическим требованиям.

В соответствии со ст. 121 «Режим островов» Конвенции 1982 г. предусматривается, что «остров» определяется как естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе, и имеет право на установление всех морских зон, предоставляемых сухопутной территории, если только остров не считается скалой, которая не пригодна для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности.

В данной связи, целесообразно отметить, что такая дефиниция контрастирует с положениями ст. 13 Конвенции 1982 г. «Осыхающие при отливе возвышения», в которой возвышенности во время отлива определяются как естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при отливе, но покрывается водой при приливе. Если осыхающее при отливе возвышение полностью или частично находится от материка или от острова на расстоянии, не превышающем ширины

¹¹⁵ United Nations Convention on the Law of the Sea Status. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/MTDSG/Volume%20II/Chapter%20XXI/XXI-6.en.pdf> (дата обращения 20.06.2022)

территориального моря, то линией наибольшего отлива такого возвышения можно пользоваться как исходной линией для измерения ширины территориального моря¹¹⁶.

Все заявители из Юго-Восточной Азии предъявили свои претензии на 200-мильную исключительную экономическую зону и континентальный шельф со своего материка или архипелага. Филиппины провозгласили архипелажные исходные линии вокруг своего архипелага в 2009 г., окончательно отказавшись от своих чрезмерных морских притязаний и приведя их в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Ранее Филиппины не раз утверждали, что территориальные границы вокруг этого государства были предусмотрены в соответствии с двумя международными договорами между США и Испанией – Парижским договором 1898 г. и Договором о цессии 1900 г. – и одним международным договором между США и Великобританией – Вашингтонским договором 1930 г. – которые образуют так называемый «прямоугольник» вокруг основного архипелага Филиппин.

В 1961 г. Филиппины приняли прямое базовое законодательство, которое предусматривало, что все воды в пределах исходных линий считаются внутренними водами Филиппин, а также что все воды от исходных линий до границ в соответствии с международными договорами являются частью территориального моря Филиппин¹¹⁷.

Претензии Филиппин соответствовали правам, которые были им предоставлены в соответствии с Конвенцией 1982 г., с архипелажным базовым законодательством государства 2009 г. в сочетании с ранее принятым законодательством о континентальном шельфе и законодательством об ИЭЗ, которое требовало установления 200-мильной ИЭЗ от ее исходных линий. Аналогичным образом Бруней, Малайзия и Вьетнам в соответствии с

¹¹⁶ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, N 48, 01.12.1997, Ст. 5493.

¹¹⁷ Republic Act No. 3046 of 17 June 1961. An Act to Define the Baselines of the Territorial Sea of the Philippines. URL: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/PHL_1961_Act.pdf (дата обращения 20.06.2022).

Конвенцией 1982 г. претендуют на 200-мильную ИЭЗ и континентальный шельф от своих исходных линий, проведенных вокруг их материковых побережий.

В дополнение к этому, Малайзия и Вьетнам подали совместное представление в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, претендуя на расширенный континентальный шельф в южной части Южно-Китайского моря. Вьетнам также подал заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа относительно района к юго-востоку от островов Сиша¹¹⁸.

Бруней, в свою очередь, не делал представления в указанную ранее Комиссию, но представил предварительную информацию о внешних границах собственного континентального шельфа в Южно-Китайском море¹¹⁹. Что же касается Филиппин, тот они также не подавали представления в Комиссию в отношении Южно-Китайского моря. В то же время, они сделали это в отношении района Бенхамского подъема в Тихом океане, где также зарезервировали за собой право подавать другие представления в отношении других районов континентального шельфа за пределами 200 морских миль¹²⁰.

Существует достаточно большая неопределенность в отношении статуса островов Наньша, а именно являются ли они островами, которые находятся над водой во время прилива и, соответственно, регулируются в соответствии со ст. 121 Конвенции 1982 г., или возвышенностями во время отлива, которые погружаются под воду во время прилива, но находятся над водой во время отлива и, соответственно, регулируются ст. 13 Конвенции 1982 г., и имеют ли

¹¹⁸ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Submission by the Socialist Republic of Viet Nam. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_vnm_37_2009.htm (дата обращения 20.06.2022).

¹¹⁹ Brunei Darussalam's Preliminary Submission concerning the Outer Limits of its Continental Shelf. Preliminary Submission to the Secretary-General (12 May 2009). URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/preliminary/brn2009preliminaryinformation.pdf (дата обращения 20.06.2022).

¹²⁰ A Partial Submission of Data and Information on the Outer Limits of the Continental Shelf of the Republic of the Philippines Pursuant to Article 76 (8) of the United Nations Convention on the Law of the Sea (8 April 2009). URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/phl22_09/phl_esummary.pdf (дата обращения 20.06.2022)

острова право на полный набор морских пространств в соответствии с Конвенцией 1982 г. или же скалы имеют право только на 12-мильное территориальное море по ст. 121 Конвенции 1982 г.

Кроме этого, до 2009 г. было неясно, претендуют ли заявители территориальных претензий из Юго-Восточной Азии также на 200-мильную исключительную экономическую зону или континентальный шельф, исходя из статуса островов Наньша. Однако ко времени возбуждения арбитражного разбирательства в 2013 г. было ясно, что Филиппины, Малайзия и Вьетнам заняли позицию, согласно которой спорные объекты на островах Наньша, которые квалифицируются как приливные объекты, имеют право на самое большее – 12-мильное территориальное море и, что их претензии на исключительную экономическую зону или континентальный шельф в Южно-Китайском море будут ограничены морскими пространствами, заявленными с их материковой части.

Некоторые аспекты притязаний КНР в Южно-Китайском море были окутаны, возможно, *преднамеренной* двусмысленностью. Китай претендует на территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф от своих исходных линий. Китай объявил свои прямые исходные линии вокруг своего материкового побережья. Что касается морских особенностей в Южно-Китайском море, то Китай объявил только прямые исходные линии в отношении островов Сиша, но также оставил за собой это право в отношении островов Наньша.

Китайское законодательство 1992 г. о территориальном море и прилегающей зоне прямо претендует на 12-мильное территориальное море вокруг островов Спратли, но его в законодательстве, принятом в 1998 г. об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе прямо не утверждается ИЭЗ или континентальный шельф, отсчитываемых от этих островов. Тем не менее, в своей вербальной ноте в 2009 г. в адрес ООН в ответ на совместное представление Вьетнама и Малайзии в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, Китай заявил, что он обладает

неоспоримым суверенитетом над островами в Южно-Китайском море и прилегающих водах, а также пользуется суверенными правами и юрисдикцией над соответствующими водами, а также морским дном и его недрами¹²¹.

Формулировка о суверенных правах и юрисдикции взята непосредственно из режима исключительной экономической зоны или континентального шельфа, что может означать только одно: КНР претендует на ИЭЗ и континентальный шельф в отношении островов Наньша. Китай недвусмысленно заявил об этом также через два года¹²², когда в другой вербальной ноте ООН было заявлено, что в соответствии с соответствующими положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также Законом КНР 1992 г. о территориальном море и прилежащей зоне и Законом КНР 1998 г. об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе Китайской Народной Республики, китайские острова Наньша имеют полное право на территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Совершенно очевидным является то, что Китай претендует также на полный набор морских пространств, исчисляемых от островов Спратли в целом.

В данном случае необходимо обратиться также к девятипунктирной линии, используемой КНР. Известно, что карта с девятью пунктирными линиями была опубликована Китаем в 1948 г. в рамках «Карты островов Южно-Китайского моря». Линия из девяти пунктиров первоначально выглядела как 11 прерывистых линий, нарисованных в U-образной форме вокруг большинства объектов в Южно-Китайском море, и впоследствии претерпела изменение до девяти прерывистых линий, так как две прерывистые линии в районе Тонкинского залива были удалены.

¹²¹ Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations, 'Note Verbale to the Secretary-General of the United Nations' (Translation, 7 May 2009) CML/17/2009. URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2009re_mys_vnm_e.pdf (дата обращения 20.06.2022)

¹²² Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations, 'Note Verbale to the Secretary-General of the United Nations' (Translation, 14 April 2011) CML/8/2011. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2011_re_phl_e.pdf (дата обращения 20.06.2022)

В период с 1948 по 2009 гг. Китай на официальном уровне не уточнял значение девятипунктирной линии и не опирался на нее в каком-либо публичном документе. Согласно мнению некоторых экспертов, карта с девятью прерывистыми линиями представляет собой границы территориальных притязаний Китая на весь район, включая не только морские пространства, но и воздушное пространство, морское дно и все ресурсы, содержащиеся в нем, что эквивалентно историческому притязанию на водные ресурсы. Другие эксперты утверждали, что карта с девятью пунктирами указывает на протяженность территории, на которую КНР имеет ту или иную форму исторических прав. Нужно особо подчеркнуть, что данный вывод в целом получает поддержку, принимая во внимание законодательство об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе Китая 1998 г., в котором закрепляется, что осуществление исторических прав КНР никоим образом не должно затрагиваться положениями, предусмотренными действующим законодательством. Кроме того, имеет место быть точка зрения, согласно которой Китай претендует на суверенитет над всеми островами внутри девятипунктирной линии¹²³.

В упоминаемой ранее вербальной ноте 2009 г. Китай заявил о собственном суверенитете над островами Наньша и прилегающими водами, а также о своих суверенных правах и юрисдикции в соответствующих водах, приложив соответствующую карту с девятью пунктирными линиями. Прикрепление указанной карты вызвало некоторое смятение среди государств Юго-Восточной Азии. Индонезия, например, подчеркнула, что нет четкого объяснения относительно правовой основы, метода проведения и статуса этих разделенных пунктирных линий¹²⁴.

¹²³ Подробнее см.: Zou Keyuan The Chinese Traditional Maritime Boundary Line in the South China Sea and its Legal Consequences for the Resolution of the Dispute over the Spratly Islands // International Journal of Marine and Coastal Law 27, 1999. 14(1). P. 5.

¹²⁴ Indonesia's Note was submitted in response to China's Note (n 36) on the Joint CLCS Submission of Malaysia and Vietnam. Permanent Mission of the Republic of Indonesia to the United Nations, 'Note Verbale to the Secretary General of the United Nations' (Unofficial translation, 8 July 2010). 480/POL-703/ VII/10. URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/2020_05_26_IDN_NV_UN_001_English.pdf (дата обращения 20.06.2022).

В результате возникает множество конкурирующих притязаний на права и юрисдикцию в Южно-Китайском море как со стороны материковых территорий прибрежных государств. Китай, в частности, отстаивает свои права и юрисдикцию, ведет промысел или выдает нефтяные концессии или прекращает разведку и разработку нефтяных ресурсов государствами Юго-Восточной Азии в их ИЭЗ и континентальном шельфе, включая Вьетнам, Филиппины, Малайзию, Бруней и даже Индонезию, традиционно считающуюся государством, не претендующим на какие-либо права. В действительности, именно действия КНР по эффективному блокированию филиппинских рыбаков от промысла в мелководье Скарборо, расположенном в исключительной экономической зоне Филиппин, побудили это государство инициировать арбитражное разбирательство по Приложению VII Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в 2013 г.

Однако Китай считает, что обладает соответствующими правами на осуществление данных действий из-за предполагаемой ИЭЗ и континентального шельфа на основе девятипунктирной линии.

Третий аспект споров в Южно-Китайском море – это делимитация морских пространств. При нормальном развитии событий перекрывающиеся претензии будут подлежать делимитации морских пространств, которая также регулируется Конвенцией 1982 г., устанавливающей общие принципы делимитации морских пространств в территориальном море, исключительной экономической зоне и континентальном шельфе, которым международные судебные учреждения на протяжении многих лет придавали юридическую силу, применяя определенную методологию определения границ.

Делимитация морских границ в Южно-Китайском море может быть осуществлена только после того, как будет определен суверенитет над этими объектами и соответствующие морские права, но даже в таком случае делимитация морских границ не является *прямой*. Если острова Наньша или объекты на островах Наньша действительно имеют право на ИЭЗ и континентальный шельф, то вопрос будет заключаться в том, какой эффект

следует придать островам Наньша в отношении морской делимитации с побережьями материковой части других государств?

В последнее время напряжение в регионе Южно-Китайского моря нарастает, особенно с учетом действий США, которые обвинили в 2020 г. Китай в ухудшении отношений из-за увеличения своей инфраструктуры и наращивания военной мощи в этом районе, а также заявили о полностью незаконных претензиях Китая на ресурсы большей части Южно-Китайского моря, и тем самым обосновали увеличение собственного военного присутствия в регионе. Хотя США не являются официально присоединившимися к каким-либо претендентам на морские пространства в Южно-Китайском море, они имеют широкие обязательства по обеспечению безопасности в Восточной Азии и являются союзниками нескольких государств, граничащих с Южно-Китайским морем, включая Филиппины, Сингапур и Вьетнам.

Все это также объясняется и тем, что Южно-Китайское море представляет собой жизненно важный торговый маршрут в глобальной цепочке поставок, используемый американскими компаниями, производящими товары в этом регионе. США проводят так называемые «операции по свободе судоходства», направленные на то, чтобы оспорить то, что они считают чрезмерными претензиями, и предоставить свободный проход коммерческим судам. Так, например, в 2019 г. ВМС США совершили самое большое количество патрулей в пределах 12 морских миль от объектов, заявленных КНР, с момента того, как Китай начал строительство искусственных островов вокруг спорных рифов в 2014 г.

Следует заметить, что с 2017 г. Китай активно предлагал ряд совместных схем освоения Южно-Китайского моря, а именно с Филиппинами и Вьетнамом. За разработкой указанных схем Китаем стоят как экономические, так и стратегические стимулы. Экономические стимулы Китая включают его внутренний спрос на энергетические ресурсы, строительство «Морского шелкового пути XXI века», строительство пилотной зоны свободной торговли

на Хайнане, создание общего рынка и будущую экономическую интеграцию прибрежных государств Южно-Китайского моря.

Стратегическими стимулами Китая являются достижение своей цели стать одной из ведущих морских держав, играть собственную конструктивную роль в поддержании мира и стабильности в Южно-Китайском море, развивать хорошие отношения с другими прибрежными государствами и снижать интенсивность китайско-американского соперничества в Южно-Китайском море.

Выбор КНР в отношении совместной разработки в рассматриваемом море состоит в том, чтобы ограничить одностороннюю деятельность на спорных территориях, сосредоточить внимание на менее чувствительных областях этого района. Более того, Китай стремится достичь договоренностей о совместном развитии путем создания соответствующего рабочего механизма, начать процесс в сферах, в которых есть только два заявителя, определить морские территории для совместной разработки путем поиска консенсуса, обсудить возможность создания Администрации по управлению ресурсами Наньша (с элементами или полностью наднационального характера).

Совместная разработка – в качестве одной из наиболее приемлемых и продуктивной модели международного сотрудничества – в Южно-Китайском море была предложена в качестве решения споров вокруг островов Наньша еще в 80-х гг. XX века. Китай был одним из первых сторонников совместного развития, откладывая потенциальные споры, что было продемонстрировано в 1986 и 1988 гг., когда КНР было внесено свое предложение об урегулировании споров по поводу островов Наньша на проведенных встречах с представителями Филиппин¹²⁵.

Китайское правительство активно обсуждает с другими прибрежными государствами совместную разработку Южно-Китайского моря, начиная с

¹²⁵ Подробнее см.: China Adheres to the Position of Settling Through Negotiation the Relevant Disputes Between China and the Philippines in the South China Sea 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/snhwtlcwj_1/t1380615.htm (дата обращения 20.06.2022).

2017 г. В частности, Китай и Вьетнам договорились о проведении последующих работ по совместной инспекции в водах за пределами залива Бейбу (Тонкин), как было указано в совместном заявлении, сделанном в ноябре 2017 г.¹²⁶

Китай и Филиппины, в свою очередь, подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничеству в области нефтегазового развития в ноябре 2018 г.¹²⁷

Однако перед серьезным обсуждением договоренностей о совместной разработке необходимо выполнение двух условий. Во-первых, соглашения о совместном развитии обычно заключаются в периоды, когда между соответствующими сторонами существуют добрососедские отношения. Китай и другие прибрежные государства Южно-Китайского моря предприняли шаги для укрепления доверия между всеми заявителями. Новые достижения в рамках решения проблем Южно-Китайского моря, такие как разработка Кодекса поведения в Южно-Китайском море между Китаем и АСЕАН, надежды на эффективную реализацию которого были возложены в рамках 37-го саммита АСЕАН в ноябре 2020 г., способствуют созданию благоприятных двусторонних отношений, которые служат предпосылкой для совместного устойчивого развития.

Во-вторых, весьма важным аспектом является то, что всем заинтересованным сторонам необходимо проявить политическую волю для принятия соответствующих решений, поскольку велика вероятность столкновения с противодействием им внутри непосредственно государств. В данном случае Китай и другие прибрежные государства Южно-Китайского моря предпринимают последовательные шаги, направленные на укрепление совместного развития, и формулируют преимущества реализации такого

¹²⁶ China, Vietnam reach consensus on trade, maritime cooperation: joint statement 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-11/13/c_136749356.htm (дата обращения 20.06.2022).

¹²⁷ Memorandum of Understanding on Cooperation on Oil and Gas Development between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of the Philippines 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1616644.shtml (дата обращения 20.06.2022).

варианта для общественности, указывая на то, что первое вышеуказанное условие уже согласовано.

Совместная разработка ресурсов Южно-Китайского моря может быть определена как межправительственное соглашение временного характера между двумя или более государствами, предназначенное для функциональных целей совместной разведки или эксплуатации углеводородных ресурсов региона¹²⁸, что является особенно важным в районах с перекрывающимися или спорными претензиями или в районах, где государства не достигли какого-либо соглашения о делимитации.

Такие инициативы Китая полностью оправдывают указанные ранее экономические и стратегические стимулы Китая с учетом продвижения добросовестности использования Южно-Китайского моря, что выражается в открытом обсуждении всех заинтересованных государств в совместной деятельности. Действия, которые можно обозначить недобросовестными, включают, например, бурение на морском дне и добыча нефти и газа и арест морских судов другого государства, которые ведут промысел в соответствующем районе. Менее агрессивные действия, такие как сейсмические испытания и другие формы морских научных исследований, могут быть допустимы, но также могут потребовать от государства, проводящего или санкционирующего испытания, или исследования, поделиться полученной таким образом информацией на каком-либо этапе с другим государством¹²⁹.

В последние годы Китай был привержен продвижению добросовестности в Южно-Китайском море. Были предложены идеи о создании механизма сотрудничества прибрежных государств Южно-Китайского моря, о создании в провинции Хайнань Центра экономического

¹²⁸ Miyoshi M. Basic Legal Issues of Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation // Maritime Briefings. Vol. 2. № 5. 1999. P. 55.

¹²⁹ Report on the Obligations of States under Articles 74(3) and 83(3) of UNCLOS in respect of Undelimited Maritime Areas (2016). URL: https://www.biiclr.org/documents/29_1192_report_on_the_obligations_of_states_under_articles_743_and_833_of_unclos_in_respect_of_undelimited_maritime_areas.pdf (дата обращения 20.06.2022).

сотрудничества в области туризма в регионе Южно-Китайского моря, который должен отвечать за запуск новых международных услуг и открытие новых круизных туристических линий. Китай достиг договоренностей с Филиппинами, относительно разрешения территориальных и юрисдикционных споров исключительно мирными средствами, повышая взаимное доверие и уверенность и проявляя сдержанность¹³⁰.

Большая работа также проводится КНР по управлению внутренней политикой для смягчения так называемой «националистической риторики» в обществе, связанной с Южно-Китайским морем и необходимостью совместного развития с другими государствами региона.

Немаловажным аспектом разрешения споров в Южно-Китайском море является ограничение односторонней деятельности на спорных территориях, что не отвечает идеям, заложенным в Конвенцию 1982 г. относительно необходимости сотрудничества между государствами. Разведка и разработка спорных морских пространств является как политически чувствительной и неопределенной с точки зрения легальности, так и технически сложной, и финансово рискованной. Если одна сторона ведет одностороннюю эксплуатацию в водах, которые имеют перекрывающиеся притязания между двумя сторонами, другая сторона обязательно предпримет соответствующие действия, которые усложнят и так напряженную обстановку, что приведет к прекращению эксплуатации ресурсов обеих сторон и составит определенные препятствия для переговоров по делимитации морских пространств в будущем.

Единственным государством, владеющим технологиями и необходимыми финансовыми средствами для глубоководного бурения среди прибрежных государств Южно-Китайского моря, является Китай. Так, например, в мае 2012 г. Китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация запустила крупную глубоководную буровую установку Haiyang

¹³⁰ Joint Statement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of the Philippines (2017). URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1511299.shtml (дата обращения 20.06.2022).

Shiyou 981 общей стоимостью 6 млрд юаней. Дело в том, что данная буровая установка в 2014 г. вызвала противостояние между Китаем и Вьетнамом по поводу использования добывающих платформ в регионе островов Сиша. Позиции двух государств заключались в том, что, по мнению КНР, место бурения Haiyang Shiyou 981 находилось в прилегающей зоне китайских островов Сиша¹³¹, а, по мнению Вьетнама, место бурения находилось в исключительной экономической зоне Вьетнама и на его континентальном шельфе. В итоге, конфликт, аналогично многим другим спорным ситуациям, завершился перемещением буровой установки в морской район недалеко от острова Хайнань, поскольку ее задачи – с точки зрения Китая – были полностью выполнены в районе островов Сиша.

В этой связи, уместно особо подчеркнуть, что со стороны КНР также были призывы в адрес Вьетнама о прекращении односторонних действий последнего. Так, в 2017-2018 гг. правительство Вьетнама дважды приостанавливало бурение в спорном районе «Блок 136» возле островов Наньша, на который одновременно претендуют Китай и Вьетнам.

В целях избежания серьезных разногласий и контролирования морских инцидентов, Китай и Вьетнам договорились воздерживаться от действий, которые могут де-факто усложнить ситуацию или усилить существующие споры. Аналогичным образом Китай и Филиппины договорились о том, что эти два государства будут сдерживать свое одностороннее развитие на пересекающейся территории¹³².

Учитывая значительные правовые и политические риски, создаваемые односторонним использованием спорных территорий, шесть прибрежных государств должны ограничивать односторонние действия в спорных районах и не допускать односторонних действий, которые навсегда могут изменить ситуацию в спорных морских районах, включая одностороннее бурение и

¹³¹ The Operation of the HYSY 981 Drilling Rig: Vietnam's Provocation and China's Position (2014). URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1163264.shtml (дата обращения 20.06.2022).

¹³² Chinese Foreign Minister and Philippine Foreign Secretary Talk About the Joint Exploitation of South China Sea (2017). URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1480543.shtml (дата обращения 20.06.2022).

эксплуатацию ресурсов. Следовательно, соглашения о совместной разработке ресурсов представляют собой единственный эффективный способ, при помощи которого заявители могут получить легитимный доступ к ресурсам в определенных областях Южно-Китайского моря.

Для решения спорных вопросов относительно использования ресурсов Южно-Китайского моря совместная разработка является своего рода предварительной договоренностью. С 2017 г. (благодаря совместным усилиям Китая и государств региона Южно-Китайского моря) отношения между ними вернулись к стабильности. Выполнение двух условий относительно добрососедских отношений между прибрежными государствами и политической воли к принятию решений – два условия, предшествующих серьезным обсуждениям договоренностей о совместном развитии в регионе Южно-Китайского моря.

Таким образом, спорящие государства имеют все шансы воспользоваться редкой исторической возможностью в целях совместного развития в Южно-Китайском море, что, в свою очередь, может придать импульс для реализации глобального сотрудничества, нацеленного на освоение нефтегазовых ресурсов. Представляется, что совокупность изложенного ранее, в конечном счете, приведет к взаимозависимости прибрежных государств Юго-Восточной Азии и установлению постоянного мира в регионе – особенно с учетом принципиальной позиции и приверженности АСЕАН - превращения Южно-Китайского моря, важнейшего региона, в море стабильности, безопасности и защищенности для свободного движения товаров, в котором будут сохранены общие ценности.

1. Национальная политика Китая относительно притязаний на Южно-Китайское море

Для всестороннего рассмотрения политики Китайской Народной Республики относительно Южно-Китайского моря необходимо изучить не

только политический подход государства и правовое обоснование подобной позиции, но и рассмотреть естественное географическое определение специалистов, заявленных китайской стороной.

Южно-Китайское море обычно определяется как охватывающая часть Тихого океана, простирающуюся примерно от Сингапура и Малаккского пролива на юго-западе до Китайский Тайваньского пролива на северо-востоке. Рассматриваемый район включает в себя более 200 небольших островов, скал и рифов, используемых для аргументации претензий на окружающее море и его ресурсы со стороны заинтересованных государств¹³³.

Названное море имеет жизненно важное значение для окружающих стран вследствие его богатых природных ресурсов: речь идет о нефти, газе и рыбе. По сути, оно представляет собой интегрированную экосистему, одно из самых богатых морей в мире, с точки зрения морской флоры и фауны, коралловых рифов, мангровых зарослей, рыбы и растений¹³⁴. В дополнение к морским живым ресурсам колоссальный потенциал имеют минеральные запасы, включая нефть и газ. Южно-Китайское море часто позиционируют в качестве второго Персидского залива.

Помимо экономического потенциала, значение Южно-Китайского моря как стратегического прохода также не вызывает сомнений. Оно соединяет морские пути, по которым государства данного региона имеют морское сообщение от Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии до берегов Японии, Кореи и Китая для экспорта и импорта экономически важных ресурсов. Более 80% поставок сырой нефти в Японию, Южную Корею и Китайский Тайвань

¹³³ The SCS Region (2001). [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.eia.doe.gov (дата обращения 28.10.2021).

¹³⁴ Share America Южно-Китайское море: почему оно важно. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://share.america.gov/ru/%D1%8E%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D0%BE%D0%BD%D0%BE-%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%BE/> (дата обращения 28.10.2021).

осуществляется через Южно-Китайское море из стран Ближнего Востока, Африки и т.д.¹³⁵

Кроме того, более половины тоннажа мирового торгового флота ежегодно проходит через Малаккский, Зондский и Ломбокский проливы. Сжиженный природный газ (СПГ) также транспортируется по этому маршруту. Около двух третей южнокорейских поставок энергоносителей и почти 60% поставок энергоносителей в Японию и Китайский Тайвань поступают в государства морскими путями Южно-Китайского моря¹³⁶. Почти все судоходство, которое осуществляется через Малаккский и Зондский проливы, должно проходить вблизи оспариваемых островов Наньша. Поэтому стабилизированные перевозки через эти воды выступают в качестве важной предпосылки для продолжения мировой торговли современных масштабов.

Безопасность судоходства и полета, а также свобода морских путей сообщения являются важнейшими стратегическими интересами США, которые используют Южно-Китайское море как транзитный пункт и операционный район для военно-морских и военно-воздушных сил США (между военными базами в Азии и районами Индийского океана и Персидского залива)¹³⁷.

Для более детального рассмотрения политики КНР в регионе Южно-Китайского моря необходимо раскрыть исторический аспект, направленный на установление суверенитета в акватории.

До 90-х гг. XX века китайское правительство дважды выражало свою позицию по историческому режиму, оба касались «исторических бухт». Первый случай произошел, когда СССР объявил залив Петра Великого «исторической бухтой». Против этого утверждения яростно выступали

¹³⁵ Asia maritime transparency initiative. South China Sea Energy Exploration and Development. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://amti.csis.org/south-china-sea-energy-exploration-and-development/> (дата обращения 28.10.2021)

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Scott Snyder, the SCS Dispute: Prospects for Preventive Diplomacy, Special Report No. 18, United States Institute of Peace.

западные государства, в том числе США, но Китай публично поддержал Советский Союз.

В редакционной статье «People's Daily» от 23 сентября 1957 г. утверждалось: «Залив Петра Великого всегда был историческим заливом России... Официальное заявление правительства Советского Союза о внутренней водной границе залива Петра Великого было всего лишь переформировкой факта, который выдерживает испытание для истории»¹³⁸. Второй случай был связан с Бохайским заливом в Желтом море. Центральное правительство в Пекине обозначило его термином «внутренние воды». Декларация 1958 г. гласит: «Акватории внутри базовой линии, включая Бохайский залив и пролив Цюнчжоу, являются китайскими внутренними водами». Поскольку в редакционной статье, упомянутой выше, «внутренние воды» и «исторический залив» используются взаимозаменяемо, Бохайский залив можно рассматривать как второй случай, когда Китай ссылаясь на исторические претензии¹³⁹.

Более того, нет никаких записей, свидетельствующих о том, что правительство КНР когда-либо ссылалось на исторический режим для своих претензий на суверенитет в Южно-Китайском море до 90-х гг. прошлого столетия.

В 70-х и 80-х гг. XX века, когда Вьетнам предложил КНР разделить Тонкинский залив между двумя сторонами как исторические воды, Китай отверг данную точку зрения в качестве основы для делимитации¹⁴⁰. Вероятно, это связано с тем, что в указанный период Китай сконцентрировал почти все внимание владению земельными участками и уделял мало внимания

¹³⁸ The 1957 Moscow Conference and the Sino-Soviet Dispute. The China Quarterly No. 7 (Jul. - Sep. 1961), pp. 17-34. Cambridge University Press on behalf of the School of Oriental and African Studies [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/763317> (дата обращения 28.10.2021).

¹³⁹ United Nations A/68/907 General Assembly Sixty-eighth session Agenda item 76 (a) Oceans and the law of the sea [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/a/68/907#:~:text=On%204%20September%201958%2C%20the,China%2C%20including%20...%20the> (дата обращения 28.10.2021).

¹⁴⁰ Farrell, Vietnam and the Law of the Sea, 70, Wanxiu Yang, "The Sovereignty Dispute on Xisha and Nansha in China-Vietnam Relations," in Prospects for the China-Southeast Asian Relations Around 2000, ed. Southeast Asian Institute (Guangzhou, China: Zhongshan University Press, 1991).

возможности исторических претензий в Южно-Китайском море. В период между двумя военно-морскими столкновениями между китайским флотом и вьетнамским флотом (в 1974 и 1988 гг.) обе стороны работали над тем, чтобы обнародовать имеющиеся исторические свидетельства в целях доказывания превосходства своей претензии над претензией оппонента.

В мае 1979 г. Вьетнам распространил секретную подборку исторических свидетельств с тем, чтобы продемонстрировать первое открытие и оккупацию Вьетнамом этих земельных участков, разбросанных по Южно-Китайскому морю. В ответ Министерство иностранных дел КНР распространило ряд юридических документов, дискредитирующих легитимность доказательств Вьетнама, осуждающих данное государство за нарушение принципа «эстоппеля». Документы включали в себя предыдущие официальные письма и заявления Вьетнама, указывающие на признание суверенитета КНР над спорными островами.

В январе 1980 г. Министерство иностранных дел Китая разработало исчерпывающую и всеобъемлющую подборку исторических архивов и документов. Этот документ был озаглавлен «Неоспоримый суверенитет Китая над островами Сиша и Наньша»¹⁴¹, что указывает на то, что исторические свидетельства и архивы прошлых династий, упомянутых в данном документе, использовались исключительно для поддержки претензий Китая на суверенитет над островами.

Однако, начиная с 90-х гг. прошлого века, исторические претензии начали занимать важное место в официальном отношении Китая к своему суверенитету над водами в Южно-Китайском море. В 1996 г. Ли Чжаосин, представляя предложение о ратификации, провозгласил, что положения Конвенции 1982 г., касающиеся исторических вод, могут использоваться в целях укрепления национальных прав и интересов в водах, прилегающих к островам Наньша в Южно-Китайском Море. По сути, это был первый случай,

¹⁴¹ China's Indisputable Sovereignty Over the Xisha and Nansha Islands, Beijing Review, No. 7 (18 Feb. 1980). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.documentcloud.org/documents/3009524-China-S-Indisputable-Sovereignty-Over-the-Xisha.html> (дата обращения 28.10.2021)

когда вопрос исторических претензий был официально связан со спорами Южно-Китайского моря. Два года спустя, в 1998 г., как упоминалось ранее, требование исторических прав было включено в Закон об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе¹⁴², в котором говорилось, что «положения настоящего Закона не затрагивают исторических прав, которыми пользуется Китайская Народная Республика». При этом, Китай указал на растущий интерес к потенциальному применению исторического режима в отношении его политических позиций в Южно-Китайском море, хотя конкретный смысл его исторических претензий остался необъясненным.

Исторические претензии, изложенные ранее, предполагают отход от предыдущего понимания Пекином правовой основы споров Южно-Китайского моря. Ранее претензии на суверенитет в регионе опирались на традиционное международное право о приобретении территории. Китай был уверен в юридическом превосходстве своих претензий на суверенитет над территорией Южно-Китайского моря, когда ему бросил вызов Вьетнам. Тем не менее, в 90-х гг. XX века Китай столкнулся с юридической дилеммой, представленной Конвенцией 1982 г.

С одной стороны, КНР почувствовала международное нормативное давление с тем, чтобы ратифицировать и имплементировать Конвенцию 1982 г., а с другой, – Китай четко осознавал тот факт, что правовая база Конвенции 1982 г. реструктурирует правовую основу для спора в Южно-Китайском море, потенциально ослабляет позиции Китая и негативно влияет на его интересы в регионе, одновременно расширяя возможности других государств Юго-Восточной Азии. Например, в соответствии с режимом островов по Конвенции 1982 г., разбросанные объекты суши в Южно-Китайском море не могут иметь права на воды, отличные от территориальных морей. Вполне возможно, что в итоге указанные острова будут окружены морскими

¹⁴² Exclusive economic zone and continental shelf act (Adopted at the third session of the Standing Committee of the Ninth National People's Congress, 26 June 1998). [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/chn_1998_eez_act.pdf (дата обращения 28.10.2021).

юрисдикционными зонами заявителей, помимо Китая, даже если титул этих островов принадлежит КНР.

Перед лицом такой правовой дилеммы Китай предпринял двухэтапный ответ. Во-первых, ратифицировав Конвенцию 1982 г. и имплементировав его через ряд внутренних законов, он продемонстрировал свою готовность соблюдать Конвенцию 1982 г. в качестве правовой основы для претензий на суверенитет в Южно-Китайском море. Во-вторых, в целях смягчения негативного влияния на свое правовое положение, КНР применила вполне корректное правовое решение – добавив новое требование исторических прав – для укрепления собственных позиций, и в данном случае необходимо отметить, что Китай не претендовал на внутренние воды, используя исторические права.

Официальное объяснение КНР относительно китайского строительства на рифе Мисчиф, на наш взгляд, вполне может оказать содействие в прояснении (даже можно сказать, уточнении!) того вида прав, которые Китай предвидел в тот период.

В 1995 г. в китайско-филиппинских отношениях появился спор по поводу рифа Мисчиф (Мэйдзи Цзяо). Риф Мисчиф – это едва затопленный коралловый риф в Наньша, на который претендуют как Китай, так и Филиппины. В феврале 1995 г. филиппинские рыбаки сообщили, что Китай возвел сооружения на рифе, где стояли на якоре китайские лодки. Филиппины обвинили КНР в неправомерном распространении суверенитета и нарушении Декларации АСЕАН 1992 г. по Южно-Китайскому морю¹⁴³.

Китай объяснил строительные работы на рифе Мисчиф как «производственную установку, защищающую жизненную безопасность рыбаков, работающих в районах Южно-Китайского моря»¹⁴⁴. Это

¹⁴³ Leszek Buszynski ASEAN, the Declaration on Conduct, and the South China Sea Contemporary Southeast Asia Vol. 25, No. 3 (December 2003). P. 343-362. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/25798652> (дата обращения 28.10.2021).

¹⁴⁴ Nayan Chanda, "Territorial Imperative," Far Eastern Economic Review, 23 February 1995, 15.

свидетельствует о том, что Китай предусматривает права на рыболовство в Южно-Китайском море.

Корректировки правовой позиции Китая, изложенные выше, служат свидетельством нормативного влияния установленного морского режима на мышление руководства КНР в отношении территориальных претензий в Южно-Китайском море. Такие корректировки имеют два важных последствия, с точки зрения долгосрочного развития территориальных претензий в рассматриваемом регионе. Первое последствие, по нашему мнению, связано с изменением отношения Китая к концепции исторических прав. Принятие исторических прав по-прежнему имеет существенное влияние на политику Китая Южно-Китайском море. Второе же последствие, с нашей точки зрения, состоит в четком осознании КНР, что Конвенция 1982 г. – как правовая основа для претензий на суверенитет – применяется не только к Китаю, но и к другим государствам, граничащим с Южно-Китайским морем, включая его противников. Присоединившись к Конвенции 1982 г. и имплементировав ее во внутреннее законодательство, китайское правительство отнесло спор в Южно-Китайском море к правовым рамкам этого международно-правового акта универсального характера, сигнализируя о своей готовности быть связанным новыми обязательствами и соблюдать верховенство закона.

Указанные правовые корректировки были внесены оперативно, поскольку они появились примерно в то же время, когда Конвенция 1982 г. вступила в силу и (в противном случае) были бы неизбежно связаны с негативными последствиями. Признание Конвенции 1982 г. явно повысило легитимность претензий оппонентов Китая. И данное важное обстоятельство не было в полной мере положительным для КНР в плане того, что решение Китая (в форме исторических претензий) может, как говорится, «сработать», то есть, иметь осязаемый позитивный эффект.

На тот момент США были сильнее КНР и имели значительные интересы в Южно-Китайском море, но это не заставило Китай предпринять вышеуказанные шаги для изменения своей правовой позиции. Другие стороны

в территориальных претензиях относительно Южно-Китайского моря были относительно слабее по сравнению с КНР, они не делали и не могли заставить Китай сделать это. Если бы не нормативное давление международного морского права, Китай мог бы отложить такие усилия на будущее время после того, как он обретет возможность обеспечивать соблюдение собственных требований вместо того, чтобы ратифицировать в 1996 г. Конвенцию 1982 г. (почти сразу же после вступления ее в силу и оперативно изменить свою правовую позицию).

Подход Китая к политическому участию в регионе Южно-Китайского моря претерпел кардинальный поворот в 90-х гг. прошлого столетия. Вступая в новое тысячелетие, китайское правительство продолжало формализовать свое правовое положение в соответствии с новым морским порядком. В 2009 г. Китай сделал важное юридическое разъяснение в ответ на представления Малайзии и Вьетнама в Комиссию по границам континентального шельфа¹⁴⁵. Этот шаг был результатом прямого давления, созданного крайним сроком, установленным для определения естественных границ названной Комиссией по границам континентального шельфа, и неотъемлемой частью постепенных изменений, которые КНР внесла в собственное правовое положение в контексте постоянного влияния соответствующих норм и принципов международного морского права.

6 мая 2009 г. Малайзия и Вьетнам сделали совместное Представление в Комиссию по границам континентального шельфа относительно части континентального шельфа между двумя государствами в южной части Южно-Китайского моря¹⁴⁶.

Следует особо отметить, что площадь расширенного континентального шельфа находится между границами указанных ранее двух государств,

¹⁴⁵ Органы, учрежденные в рамках Конвенции ООН по морскому праву. Комиссия по границам континентального шельфа [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/ru/law/lawsea/bodies.shtml> (дата обращения 28.10.2021)

¹⁴⁶ Joint Submission of Malaysia and the Socialist Republic of Vietnam, Commission on the Limits of the Continental Shelf, 6 May 2009. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/mys_vnm2009executivesummary.pdf (дата обращения 28.10.2021).

измеренными от исходных линий вдоль материкового побережья Вьетнама и восточно-малайзийских городов Саравак и Сабах. В Представлении названная Комиссия информировалась о существовании неурегулированных пограничных споров в определенном районе, а также заверялась в том, что, насколько это возможно, Представление не нанесет ущерба вопросам, касающимся делимитации границ между государствами с противоположным или смежным побережьем в этом районе. Северная граница в Представлении представляет собой равноудаленно-равноудаленные линии, измеренные от исходных линий Вьетнама и Китая.

7 мая 2009 г., на следующий день после совместного Представления Вьетнама и Малайзии и в тот же день после отдельного представления Вьетнама, Китай представил две аналогичные вербальные ноты Генеральному секретарю ООН, основная часть которых гласит: «Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами в Южно-Китайском море и прилегающих водах и обладает суверенными правами и юрисдикцией над соответствующими водами, а также над морским дном и его недрами. Вышеупомянутая позиция правительства КНР широко известна международному сообществу и не может рассматриваться Комиссией в пользу Вьетнама и Малайзии в силу нарушения ими основополагающих норм международного права»¹⁴⁷.

Континентальный шельф за пределами 200 морских миль, содержащийся в Совместном представлении Малайзии и Вьетнама, серьезно ущемляет суверенитет, суверенные права и юрисдикцию КНР в Южно-Китайском море. В соответствии со ст. 5 а) Приложения I к Правилам процедуры Комиссии по границам континентального шельфа¹⁴⁸, правительство КНР просит Комиссию не рассматривать совместное

¹⁴⁷ Note of China No. CML/17/2009, Commission on the Limits of the Continental Shelf, 7 May 2009. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2009re_mys_vnm_e.pdf (дата обращения 28.10.2021).

¹⁴⁸ Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа 2008 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/CLCS/40/Rev.1> (дата обращения 28.10.2021).

представление Малайзии и Вьетнама. Правительство Китая информировало Малайзию и Вьетнам о вышеуказанной позиции¹⁴⁹.

Сроки принятия Пекином решения о дальнейшем уточнении своих суверенных претензий во многом связаны с крайним сроком представления Комиссии по границам континентального шельфа. Именно этот крайний срок оказал прямое давление на Китай, чтобы он принял меры и привел в движение серию дипломатических обменов в регионе Южно-Китайского моря.

В соответствии со ст. 4 Приложения II к Конвенции 1982 г. прибрежное государство желает заявить, что оно имеет континентальный шельф, простирающийся за пределы 200 морских миль, и устанавливает внешние границы своего континентального шельфа за пределами 200 морских миль, обязано представить информацию о таких пределах в Комиссию по границам континентального шельфа наряду с подтверждающими научно-техническими данными в течение 10 лет после вступления Конвенции в силу для этого государства. В ходе 11-го Совещания государств-участников Конвенции 1982 г. развивающиеся государства выразили озабоченность по поводу трудностей соблюдения 10-летнего срока в свете значительных ресурсов, потенциала и опыта, необходимых для включения научно-технических данных в представление¹⁵⁰

В связи с этим были изменены сроки. В соответствии с Решением, принятым Совещанием государств-участников Конвенции 1982 г. от 19 мая 2001 г., для любого государства, для которого Конвенция 1982 г. вступила в силу до 13 мая 1999 г., дата начала 10-летнего срока для представления будет установлена на 13 мая 2009 г.¹⁵¹. Результатом этого Решения стал перенос крайнего срока подачи представлений в Комиссию для всех спорящих сторон в Южно-Китайском море на 13 мая 2009 г.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Report of the eleventh Meeting of States Parties. SPLOS/73/Corr.1. New York, 14-18 May 2001 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/523/60/PDF/N0152360.pdf?OpenElement> (дата обращения 03.03.2023).

¹⁵¹ Final Report of the 11th SPLOS Meeting, United Nations. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/445681?ln=ar> (дата обращения 28.10.2021).

Несколько государств, граничащих с Южно-Китайским морем, включая Индонезию, Малайзию, Вьетнам и Филиппины, предприняли шаги по представлению подробностей в Комиссию с тем, чтобы уложиться в крайний срок – 13 мая 2009 года. Мотивация предельно ясна: Комиссия предоставляет государствам-заявителям прекрасную возможность заявить и обнародовать свои претензии. Комиссия обладает значительным потенциалом в качестве общепризнанного, нейтрального и авторитетного межправительственного учреждения. Используя ее как международную площадку в целях выражения собственных официальных позиций, государства стремятся получить дополнительные полномочия для своих претензий, потенциально узаконивая свои соответствующие позиции перед международной аудиторией.

Представления Вьетнама и Малайзии вызвали прямое давление на Китай. Первоначально КНР не решила предпринять какие-либо действия до приближающегося крайнего срока, поскольку руководство было довольно осмотрительным, когда дело доходило до выполнения международных обязательств, как это было в процессе ратификации Конвенции 1982 г. и проектов ЮНЕП. В конце концов, несмотря на преимущества, о котором говорилось выше, принятие инициативного представления было рискованным, учитывая и без того спорную ситуацию и дружественные отношения между Китаем и АСЕАН.

Тем не менее, правительство КНР было столь же осторожно в отношении любой деятельности, которая потенциально может бросить вызов его позиции. Поэтому Китай отреагировал немедленно и утвердительно, протестуя против совместного представления Вьетнама и Малайзии и отдельного представления Вьетнама. Две вербальные ноты КНР, представленные в ООН, имели два эффекта. Во-первых, они помогли смягчить делегитимизацию, вызванную действиями Вьетнама и Малайзии, поскольку Китай не подчинился изначально собственным претензиям на континентальный шельф в этом районе. Во-вторых, Китай воспользовался

этой возможностью для того, чтобы внести важные юридические разъяснения, направленные на международное сообщество (при помощи ООН).

Несмотря на то, что это было непосредственно вызвано крайним сроком Комиссии, юридическое разъяснение Китая не было поспешным ответом на представления Комиссии Вьетнамом и Малайзией. Скорее, оно было разработано в соответствии с Конвенцией 1982 г. и представляло собой еще один шаг в непрерывных и последовательных усилиях китайского правительства, нацеленных на восстановление правовой основы своего суверенитета в Южно-Китайском море, в соответствии с новыми положениями международного морского права.

В целом, 2000-е гг. стали непрерывной эволюцией правовой позиции Китая в Южно-Китайском море. Правовые изменения, внесенные Китаем в его позицию, были вызваны устойчивым влиянием нового морского порядка и были ускорены крайним сроком Комиссии по границам континентального шельфа. Такие изменения в политике Китая в регионе Южно-Китайского моря оказали глубокое влияние на управление морскими районами, что выразилось в практических изменениях в данной сфере. В целях укрепления своих претензий на исторические права, китайское правительство осуществило ряд мер по расширению и консолидации своего присутствия в водах Южно-Китайского моря.

В период после 2000 г. китайская морская практика в Южно-Китайском море характеризовалась крупными политическими событиями в области рыболовства и охраны окружающей среды. Изменения в китайскую практику рыболовства в регионе согласуются с изменениями, внесенными Китаем в его правовую позицию. Другими словами, такие изменения были разработаны китайским руководством с тем, чтобы отразить и реализовать суверенитет, а также связанные с ним права.

Что касается охраны окружающей среды, то Китай продолжает имплементировать соответствующие международные договоры во внутреннее законодательство и совершенствовать внутреннюю систему управления

морским судоходством для того, чтобы она соответствовала современным стандартам международного управления. Эти усилия имеют серьезные последствия для растущей правоохранительной деятельности Китая в Южно-Китайском море.

Пути мирного урегулирования споров охватывают добрые услуги, посредничество, консультации, переговоры, арбитраж, суды и т.д. В большинстве случаев КНР предпочитает выбирать переговоры и/или консультации непосредственно с другой стороной, и эта ориентация является оригинальной, главным образом, благодаря китайской культуре и истории. Китай всегда выступал за двусторонние переговоры как наиболее практичное средство урегулирования споров между государствами. На практике Китай урегулировал ряд своих споров с другими государствами путем переговоров и консультаций, такие споры касались в основном вопросов установления территориальных границ, права внешних сношений и т.д.

Что касается судебной системы, то позиция КНР в данной области является очень консервативной. Весьма показательно, что до сих пор ни один спор между КНР и каким-либо другим государством не был передан в Международный суд ООН или другие международные судебные учреждения. Во время китайско-индийского пограничного конфликта в 1962 г. Китай отклонил предложение Индии о том, чтобы вынести спор на рассмотрение международного судебного учреждения, заявив, что китайско-индийский пограничный спор является важным вопросом, касающимся суверенитета двух государств и их территорий.

Однако после 80-х гг. XX века Китай изменил свою политику, подписав ряд международных договоров, предусматривающие механизм разрешения споров в международных судебных учреждениях, которые он ратифицировал, но ограничил это исключительно экономической, торговой, научной, транспортной, экологической и санитарной областями. Например, Конвенция 1982 г. обязывает государства-участников выбирать по крайней мере одну из обязательных процедур: Международный суд ООН, Международный

трибунал по морскому праву, арбитраж и специальный арбитраж. При ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Китай не уточнил, какой механизм он принял и поэтому было сочтено, что КНР принимает механизм арбитража¹⁵².

Между тем, восприятие Китаем роли международных судов в урегулировании споров также является пассивным. В договорах, участником которых он является, КНР обычно делает оговорку в отношении положения о судебном урегулировании Международным судом ООН. 5 сентября 1972 г. Китай заявил о непризнании заявлений бывшего китайского правительства о принятии обязательной юрисдикции Международного суда ООН. Фактически, он отказался урегулировать какой-либо спор с другими государствами посредством Международного суда ООН¹⁵³.

Что касается Конвенции 1982 г., то 7 сентября 2006 г. Китай объявил в соответствии со ст. 298 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., об исключении некоторых споров (например, касающихся территориальных споров о делимитации морских границ или военного использования океана) с другими государствами из юрисдикции международной судебной системы или арбитража¹⁵⁴.

Тем не менее, в Китае все чаще начинают выносить на обсуждение вопрос об обязательных форумах по урегулированию споров с участием третьей стороны. Например, на Симпозиуме по энергетической безопасности Китая и Южно-Китайскому морю¹⁵⁵, который состоялся в Китае в декабре 2004 г., ученый Цзя Юй объяснил причины, по которым Китай неохотно обращается в Международный суд ООН для рассмотрения своих споров с другими странами, особенно в отношении претензий на суверенитет и

¹⁵² Пункт 3 ст. 297 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 28.10.2021).

¹⁵³ Gao Yanping, *International Dispute Settlement*, in Wang Tieya, *International Law*. P. 612.

¹⁵⁴ China 's Declaration in Accordance with Article 298 of UNLOCS, 7 September 2006. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjb/zzjg/tyfls/wizdyflgzlzhzhyfydgyz/t270754.htm> (дата обращения 28.10.2021)

¹⁵⁵ Symposium on China's Energy Security and the South China Sea. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.hsd.org/?view&did=451858> (дата обращения 28.10.2021)

морскую юрисдикцию. В отличие от предположения некоторых западных ученых, колебание Китая не детерминировано отсутствием доказательств (с точки зрения претензий на суверенитет) в случае его претензий на Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море. Де-факто, как отметил бывший судья Международного трибунала по морскому праву Чан Хо Парк, по сравнению с Вьетнамом и другими государствами Южно-Китайского моря, у Китая есть больше исторических доказательств для того, чтобы доказать правомерность установления юрисдикции в Южно-Китайском море¹⁵⁶.

Цзя Юй утверждал, что нежелание Китая принять участие в третейском разбирательстве для урегулирования происходит, прежде всего, из-за отсутствия опыта в международных судебных разбирательствах. Помимо этой причины, политическая культура Китая и многих азиатских государств – вера в добрососедские отношения будет поставлена под угрозу, если их разногласия должны быть разрешены при участии третьей стороны, создает психологическое препятствие для реализации подобного механизма.

Китай и государства-участники АСЕАН в течение многих лет вели переговоры о заключении Кодекса поведения для Южно-Китайского моря. Декларация 2002 г. о поведении сторон в Южно-Китайском море основана на многостороннем измерении, а также на совпадении мнений о необходимости мирного урегулирования спора. За исключением Вьетнама и Филиппин, которые чувствуют угрозу, исходящую от действий Китая, проблема суверенитета в Южно-Китайском море не рассматривается как прямая угроза национальной безопасности отдельных государств АСЕАН.

Аналогичная ситуация статус-кво существует и на дипломатическом фронте. Китай предпочел не имеющий обязательной силы многосторонний Кодекс поведения, ограниченный Наньша, который был бы сосредоточен на диалоге и сохранении региональной стабильности, а не на проблеме суверенной юрисдикции.

¹⁵⁶ Interview with Judge Chan HO Park in Shanghai, 2005.

КНР неоднократно применяла силу для укрепления своих позиций в Южно-Китайском море. В январе 1974 г. Китай установил контроль над архипелагом Сиша, действуя в военном отношении против Южного Вьетнама до ожидаемого воссоединения государства¹⁵⁷. Военно-морская конфронтация с Вьетнамом 14 марта 1988 г. привела к возобновлению захвата Китаем территории¹⁵⁸. После инцидента с рифом Мисчиф Китай в своей внешней политике все чаще действует как государство статус-кво, уважающее стандартные международные нормы, а не как ревизионистское государство, стремящееся подорвать международный порядок.

Как на двустороннем, так и на многостороннем уровне дипломатия КНР была удивительно искусной и, по сути, филигранной, заслужив похвалу во всем регионе¹⁵⁹. Это отразилось на его действиях по отношению к региону Южно-Китайского моря, поскольку Китай не захватил спорные острова Наньша после инцидента с рифом Мисчиф. Несмотря на то, что в ноябре 1998 г. Китай расширил собственные интересы на названном рифе, политика КНР в отношении Южно-Китайского моря в последние годы была умеренной (в попытке не противодействовать государствам АСЕАН).

Готовность Китая адаптировать страны Юго-Восточной Азии и Южно-Китайского моря можно объяснить экономическими приоритетами, а также сложными отношениями с Японией, а также его обеспокоенностью относительно увеличения военного присутствия США в регионе, особенно после террористических атак 11 сентября 2001 г.

25 декабря 2000 г. Китай и Вьетнам подписали Соглашение о разграничении Тонкинского залива и сотрудничестве в области рыболовства в Тонкинском заливе. После трех лет переговоров (29 апреля 2004 г.) был подписан дополнительный протокол о рыбохозяйственном сотрудничестве в

¹⁵⁷ Gerald Segal, *Defending China* (Oxford: Oxford University Press, 1985). P. 197-210.

¹⁵⁸ Shee Poon Kim, *The March 1988 Skirmish over the Spratly Islands and its Implications for Sino-Vietnamese Relations*, in R.D. Hill, N. Owen and E.V. Roberts (eds.) *Fishing in Troubled Waters: Proceedings of an Academic Conference on Territorial Claims in the SCS* (Hong Kong: Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1991), P. 177-191.

¹⁵⁹ David Shambaugh, *China engages Asia: Reshaping the Regional Order*, *International Security*, vol. 29, no. 3, Winter 2004/05. P. 64.

Тонкинском заливе; два Соглашения о делимитации Тонкинского залива и Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства в Тонкинском заливе, которые вступили в силу 30 июня 2004 г.¹⁶⁰.

Политика Китая в регионе Южно-Китайского моря формируется и подкрепляется следующими аспектами:

- во-первых, правовая позиция Китая претерпела ряд изменений в соответствии с развивающимся международным морским порядком;
- во-вторых, изменения в юридических притязаниях Китая на суверенитет в Южно-Китайском море не был решен полностью. Скорее, этот процесс будет урегулирован должным образом только в случае, когда стороны придут к консенсусу;
- в-третьих, правовые и нормативные изменения морского режима коррелировали с соответствующими изменениями в правовой позиции КНР.

Установление всеобъемлющего режима Мирового океана сыграло в этом процессе две роли. Первая – заключается в переосмыслении спора в Южно-Китайском море путем помещения первого в правовые рамки нового морского порядка. Спор относительно Южно-Китайского моря в 50-х и 60-х гг. прошлого века был двусторонним территориальным спором между Китаем и Вьетнамом по поводу четко определенной области, в котором обе стороны обосновывали свои претензии общими принципами международного права о территориальных приобретениях. Начиная с 70-х гг. XX века, когда Китай начал формально участвовать в морском режиме, развитие международного морского права, постепенно трансформировало спор Южно-Китайского моря в многосторонний спор о расширенном районе, границы и связанные с ним суверенные права, и обязанности которого связаны со значительной неопределенностью.

¹⁶⁰ Embassy of Vietnam in China website. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.vnemba.org.cn/en/nr050706234129/> (дата обращения 28.10.2021).

Такая трансформация значительным образом обострила претензии в Южно-Китайском море, изменив не только количество спорящих сторон, но и содержание их соответствующих юридических требований.

Для КНР изменения в его правовой позиции разворачивались в три постепенных шага. На этапе переговоров по Конвенции 1982 гг. (в 70-х гг. прошлого столетия) китайское правительство начало указывать на свою роль в деле включения новых морских прав в собственные претензии. Эти морские права не были аргументированы доказательствами обнаружения и приобретения, а предоставлялись новым морским правом. Перед лицом оперативной ратификации Конвенции 1982 г. во всем мире в начале 1990-х гг. китайское правительство последовало этой тенденции и имплементировало положения Конвенции 1982 г. во внутреннее законодательство.

Впоследствии Китай принял новый международный морской порядок в качестве правовой основы не только для собственных претензий на суверенитет в Южно-Китайском море, но и для разрешения споров в этом районе. Китайское правительство понимало, что соблюдение нового морского порядка может негативно сказаться на его интересах в Южно-Китайском море. В целях смягчения потенциального негативного влияния на свои претензии в Южно-Китайском море, правительство КНР изменило свою правовую позицию в два этапа, отстаивая исторические права в регионе, а затем увязывая претензии на исторические права с морскими границами.

Что касается второго аспекта политики Китая в области Южно-Китайского моря, подход КНР к политическому взаимодействию, то, по нашему мнению, политическое взаимодействие Китая с соответствующими сторонами, участвующими в притязаниях на Южно-Китайское море, было продуктом синергии геополитических трансформаций и нормативно-институциональной динамики нового международного морского режима. Интерактивные отношения между геополитикой и морским режимом пережили четыре отличительных этапа.

Первый этап был в 70-х и 80-х гг. XX века. Правовые изменения в международном морском порядке значительно осложнили территориальный спор в Южно-Китайском море и дали уверенность государствам, граничащим с данным регионом, занять сухопутные объекты. В разгар региональной эскалации произошло столкновение на территории островов Сиша в 1974 г. Вывод американских войск из Индокитая и надвигающийся крах режима в 1973 г. были восприняты Китаем в качестве идеального времени для ответных действий. В годы, предшествовавшие 1988 г., все заявители, за исключением Китая, быстро консолидировали свое присутствие в Наньша. В то время, как Китай готовился обозначить собственное присутствие в регионе, интенсивные китайско-вьетнамские отношения, опускавшиеся до рекордно низкого уровня в конце 1980-х гг., подпитывали военную конфронтацию между этими двумя государствами.

Второй этап проходил с начала 1990-х до 2002 гг. На том этапе постепенно развивалась региональная многосторонняя сеть для политических взаимодействий. В начале 90-х гг. прошлого века лидеры в регионе Южно-Китайского моря осознали, что в свете нового характера спора в акватории традиционный двусторонний подход недостаточен для содействия эффективному политическому взаимодействию, направленному на предотвращение конфликтов и разрешение споров. Следовательно, многосторонность была предложена как норма и подход к политическому взаимодействию в отношении спора. Когда государства АСЕАН впервые ввели всесторонний подход, было неясно, будет ли такой подход успешным и будет ли он приветствоваться другими странами, особенно Китаем. Неопределенность в геостратегической среде региона Южно-Китайского моря, созданная окончанием холодной войны, дала первоначальный импульс для участия Китая в многосторонних механизмах взаимодействия.

Следовательно, многосторонняя институциональная архитектура утверждалась во всем регионе, охватывая ряд площадок в рамках АСЕАН-Китай, АСЕАН+3 и др. Эти институционализированные механизмы

предложили государствам новые возможности и рычаги для успешного сотрудничества Китая в обсуждении спора о Южно-Китайском море на многосторонней основе, чего нет в традиционном межгосударственном взаимодействии. Аргументация в сторону АСЕАН, интегрированная в эти многосторонние условия, смягчила подозрения Китая в отношении давления, которое он испытывал со стороны других государств-членов. В 2002 г. многосторонние обязательства принесли один из самых больших плодов – заключение Декларация о поведении Сторон в Южно-Китайском море¹⁶¹.

Третий этап охватывает период с 2002 по 2008 гг. На данном этапе из-за озабоченности США борьбой с терроризмом, геостратегическая среда региона Южно-Китайского моря характеризовалась относительной стабильностью и не соответствовала уровню давления, как было в 1990-х гг. Такая геостратегическая среда благоприятствовала функционированию многосторонней институциональной архитектуры, продолжающей замыкать Китай в институционализированном и упорядоченном взаимодействии, что привело к относительно мирной обстановке в Южно-Китайском море. Однако эта стабилизированная обстановка не смогла создать мощное давление и стимулы для работы с региональными учреждениями в целях достижения значительного прогресса, особенно в том, что касается переговоров по разработке обязательного Кодекса поведения для государств региона Южно-Китайского моря.

Четвертый этап, период после 2009 гг., определяется изменением вектора внешней политики США в сторону Юго-Восточной Азии. Активное возобновление сотрудничества оживило многосторонние институциональные сети и сформировало новый импульс для продвижения переговоров по Кодексу поведения для Азиатских государств на многосторонней основе. Этот процесс временно застыл сразу после противостояния в Скарборо в 2012 г.

¹⁶¹ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Режим доступа] // Режим доступа: <https://asean.org/tag/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 28.10.2021).

В 2013 г. институциональная ротация руководящих должностей в АСЕАН и решение Филиппин вынести спор Скарборо на рассмотрение в ШПТС внесли новую динамику в рассматриваемый процесс. Следует особо отметить, что такая институциональная и правовая динамика сочетается с фактором США, а также с растущей внутрирегиональной взаимозависимостью, влияние которой на переговоры по Кодексу поведения еще предстоит оценить.

Четвертый аспект политики Китая в области Южно-Китайского моря связан с практикой временного и постоянного разрешения споров. Делимитация Тонкинского залива является примером успешного разрешения части спора Южно-Китайского моря. Как оказалось, данная практика была полностью основана на правовых рамках нового международного морского порядка. На этапе переговоров в 90-х гг. XX века КНР и Вьетнам сосредоточились на реализации вновь установленных режимов, таких как ИЭЗ и континентальный шельф в Тонкинском заливе. Для решения потенциального конфликта между традиционной рыбохозяйственной деятельностью и режимом ИЭЗ два государства достигли надлежащих обоюдных договоренностей о рыболовстве в соответствии с духом нового международного морского права, а также ввели регулярное совместное патрулирование для содействия реализации этих договоренностей.

Морской режим Конвенции 1982 г. также вдохновил Китай в отношении Концепции совместного развития в качестве временной меры для решения споров в регионе Южно-Китайского моря. Эта концепция возникла в 1970-х гг. в международной морской практике. Китайское правительство впервые приняло совместную разработку в 1980-х. В 90-х гг. прошлого века Китай начал предлагать эту Концепцию в качестве перспективной меры для урегулирования спора о Южно-Китайском море на многосторонней основе. Его усилия достигли крупного прорыва в 2005 г., когда Китай, Вьетнам и Филиппины провели трехстороннюю совместную сейсмическую съемку в спорных водах Южно-Китайского моря.

Политика КНР в отношении региона Южно-Китайского моря претерпела ряд изменений по причине стремительных изменений международного морского права и внешнего давления со стороны международного сообщества. Однако, стоит отметить, что политика Китая в спорном регионе не может считаться агрессивной, а совсем наоборот крайне умеренной в силу того, что КНР предпочитает использовать новые цивилизованные подходы для установления своего суверенитета в Южно-Китайском море и, если сравнивать с позицией Вьетнама, то подходы двух государств строятся абсолютно на двух несовместимых концепциях.

2. Национальная политика Вьетнама относительно притязаний на Южно-Китайское море

По аналогии с рассмотрением национальной политики Китайской Народной Республики, в рамках настоящего диссертационного исследования проанализируем позицию Вьетнама, которая формировалась на протяжении десятилетий и на данный момент является предметом множества дискуссий современных юристов-международников.

В случае с Вьетнамом и Китаем разграничению Южно-Китайского моря уделяется повышенное внимание, поскольку эти государства (как уже упоминалось ранее), успешно разрешили морской спор в Тонкинском заливе в декабре 2000 г.¹⁶², подписав Соглашение о делимитации территориальных морей, исключительных экономических зон и континентальных шельфов в заливе Бейбу и Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства¹⁶³.

В 2004 г. стороны ратифицировали оба соглашения, и договор вступил в силу. Однако такое понимание не смогло повториться в случае с Южно-Китайским морем. По мере того, как оба государства и другие спорящие

¹⁶² Farrell, Vietnam and the Law of the Sea, 70, Wanxiu Yang, The Sovereignty Dispute on Xisha and Nansha in China-Vietnam Relations, in Prospects for the China-Southeast Asian Relations Around 2000, ed. Southeast Asian Institute (Guangzhou, China: Zhongshan University Press, 1991).

¹⁶³ Storey I.J. Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute // Contemporary Southeast Asia. 1999. P. 95-118.

стороны настаивают на своих претензиях, усиливаются политические и дипломатические разногласия. Такая эскалация вполне может подорвать хрупкую стабильность в регионе в то время, когда Вьетнам и Китай занимаются модернизацией своего потенциала в акватории Южно-Китайского моря. В прошлом они также участвовали в конфликтах. К сложному характеру морского спора добавляется участие неприбрежных государств, таких как США и Япония, которые еще сильнее усугубили существующий кризис¹⁶⁴. Так, например, США несколько раз уклонялись от объявления сохранения свободы судоходства в спорных водах, преследуя свои основные национальные интересы.

Как и в случае с КНР, установление нового международного морского порядка во многом повлияло на дальнейшее развитие политики Вьетнама в регионе Южно-Китайского моря.

Уже в свете обсуждения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Вьетнам выступил с односторонними притязаниями в двух ключевых законодательных актах, а именно в Заявлении от 12 мая 1977 г. о территориальном море, прилегающей зоне, исключительной экономической зоне и континентальном шельфе, а также Декларации об исходной линии территориального моря Вьетнама от 12 ноября 1982 г.

Формулировка и положение заявления 1977 г. тесно связаны с пересмотренным Единым переговорным текстом, который стал результатом четвертой конференции Конвенции в 1976 г. Декларация 1982 г. была принята сразу после завершения переговоров по Конвенции, когда большинство разногласий между договаривающимися государствами были урегулированы. При помощи указанных двух заявлений Вьетнам стремился расширить свою национальную юрисдикцию за пределы собственного берега для того, чтобы охватить морскую зону в регионе Южно-Китайского моря.

¹⁶⁴ Lai C.J. Rhetorical traps and China's peaceful rise: Malaysia and the Philippines in the South China Sea territorial disputes. 2019. Vol. 19, № 1. P. 117-146.

Конвенция 1982 г. позволяет прибрежным государствам распространять национальный суверенитет в различной степени на ряд морских пространств, таких, как: территориальное море, прилежащая зона, исключительная экономическая зона и континентальный шельф¹⁶⁵.

В ходе переговоров по новой Конвенции ООН по морскому праву развивающиеся прибрежные государства были заинтересованы в приобретении исключительного контроля над водами у своих берегов, поскольку они чувствовали угрозу со стороны государств, обладающих крупным военным морским флотом. Напротив, морские державы стремились установить морские правила, которые защищают права государств-участников, такие, как: свобода судоходства и права на мирный проход. Конвенция 1982 г. отразила баланс интересов между прибрежными государствами и государствами-участниками посредством режима «мирного прохода», который требует от прибрежных государств уважать право гражданских и военных судов других государств на мирный проход через свои территориальные моря.

Учитывая свои ограниченные морские возможности, Вьетнам рассматривал новые нормы международного морского права как способ расширить контроль над морскими границами. В заявлении от 12 мая 1977 г. Вьетнам претендовал на ряд морских зон вместе с установлением своей юрисдикции, которые Конференция ООН по морскому праву официально санкционировала в 1982 г.

Пункт 1 ст. 1 заявления подтвердил претензии от 1 сентября 1964 г. на 12-мильное территориальное море: «Территориальное море Социалистической Республики Вьетнам имеет ширину 12 морских миль, измеренную от исходной линии, которая связывает самые дальние морские точки побережья и самые внешние точки вьетнамских прибрежных островов, которые являются низководной линией вдоль побережья. Социалистическая

¹⁶⁵ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 28.10.2021).

Республика Вьетнам осуществляет полный суверенитет над своим территориальным морем, а также над воздушным пространством, дном и недрами территориального моря»¹⁶⁶.

Когда было сделано заявление 1977 г., предел территориального моря до 12 морских миль был утвержден в обмен на права на мирный проход, на котором настаивали крупные морские державы. Тем не менее, Вьетнам явно хотел установить не только предельный размер территориального моря в 12 морских миль территориального моря, так и более строгого контроля в этой области, критически важной для национальной обороны. К тому времени, когда Вьетнам сделал заявление 1 сентября 1964 г., предложение о территориальном море в 12 морских миль было оспорено США.

Очевидно, что утверждение Вьетнама о территориальном море в 12 морских миль, в пределах которого это государство оставляет за собой право стрелять по вражеским кораблям, было ответом безопасности на предполагаемые угрозы, создаваемые военно-морскими операциями США и Южного Вьетнама¹⁶⁷.

Озабоченность Северного Вьетнама была связана с инцидентами в Тонкинском заливе 2-4 августа 1964 г., в ходе которых военно-морские силы Северного Вьетнама столкнулись с эсминцем США «Maddox», который собирал разведданные в этом районе против Северного Вьетнама¹⁶⁸. Инциденты предоставили администрации президента США оправдание для ответных мер, включая бомбардировки Северного Вьетнама и развертывание вооруженных сил США на вьетнамских полях сражений¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Statement on the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, and the Continental Shelf of Vietnam, National Assembly (Socialist Republic of Vietnam), Hanoi, 1977. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/VNM_1977_Statement.pdf <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-99.pdf> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁶⁷ E.C. Farrell, *The Socialist Republic of Vietnam and the Law of the Sea* the Hague. Boston / New York: Martinus Nijhoff. 1997. P. 46.

¹⁶⁸ C.O. Schuster, *Case Closed: The Gulf of Tonkin Incident*, History Net, 07 August 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.historynet.com/case-closed-the-gulf-of-tonkin-incident.htm> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁶⁹ Spencer C. Tucker *Vietnam*. 1999. P. 244.

Кроме того, в Заявлении 1977 г. были провозглашены суверенные права на расширение до 12 морских миль прилежащей зоны, которая прилегает к вьетнамскому территориальному морю и за его пределами. Следует отметить, что только три государства в Юго-Восточной Азии, а именно Вьетнам, Камбоджа и Бирма, использовали смежные зоны, как и пять других государств мира¹⁷⁰.

Относительно юрисдикции Вьетнама в прилежащих зонах ст. 2 Заявления гласит: «Правительство Социалистической Республики Вьетнам осуществляет необходимый контроль в своей прилежащей зоне, с тем чтобы обеспечить свою безопасность, таможенные и финансовые интересы и обеспечить соблюдение своих санитарных, эмиграционных и иммиграционных правил в пределах вьетнамской территории или территориального моря»¹⁷¹.

Это положение в целом соответствовало пересмотренному Единому переговорному тексту и ст. 33 Конвенции 1982 г., за исключением двух добавлений понятий «безопасность» и «эмиграция». В ст. 33 говорится лишь о том, что в прилежащем к нему зоне «прибрежное государство может осуществлять контроль, необходимый для а) предотвращения нарушения его таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил в пределах его территории или территориального моря»¹⁷².

Интеграция термина «эмиграции» рядом с термином «иммиграция» указывала на попытки вьетнамских властей расширить свой контроль над оттоком «лодочников», которые хотели бежать из государства после так называемой «войны на лодках». Включение термина «безопасности» отражает острое чувство морской уязвимости Вьетнама. После этого заявления Вьетнам приступил к промульгации и обеспечению соблюдения национальных

¹⁷⁰ E.C. Farrell, *The Socialist Republic of Vietnam and the Law of the Sea*. P. 55

¹⁷¹ Statement on the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, and the Continental Shelf of Vietnam, National Assembly (Socialist Republic of Vietnam), Hanoi, 1977. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/VNM_1977_Statement.pdf, <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-99.pdf> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁷² Пункт «а» ст. 33 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 30.10.2021).

законов, которые ввели более строгие правила судоходства через так называемые вьетнамские воды, чем термины Конвенции 1982 г.

В данном отношении можно привести указ Вьетнама № 30-CP от 29 января 1980 г. о правилах для иностранных судов, действующих во вьетнамских морских зонах, определяет широкий круг правил, которые во многих случаях отрицают право «мирного прохода» для военных кораблей не только в территориальном море, но и в прилегающей зоне¹⁷³. В соответствии с Конвенцией 1982 г., мирный проход определяется как пересечение территориального моря или переход во внутренние воды и из них, «который не наносит только ущерб миру, хорошему порядку или безопасности прибрежного государства»¹⁷⁴.

Статья 3 Заявления 1977 г. претендует на ИЭЗ, которая «примыкает к территориальному морю и образует с ним 200-мильную зону от исходной линии, используемой для измерения ширины территориального моря Вьетнама»¹⁷⁵.

Данная претензия относительно ИЭЗ соответствует п. 1 ст. 44 положений Пересмотренного единого текста для переговоров 1976 г.¹⁷⁶ и ст. 57 Конвенции 1982 г. Тем не менее, существуют некоторые различия в претензиях Вьетнама относительно юрисдикции, которые касаются ИЭЗ и положения Неофициального сводного текста для переговоров, который является неотъемлемой частью Пересмотренного единого текста для переговоров. Пункт 1 ст. 56 Неофициального сводного текста для переговоров, которая остается неизменной в Конвенции 1982 г., закрепляет за прибрежными государствами: «суверенные права на цели разведки и

¹⁷³ Decree no. 30-cp dated January 29, 1980, on regulation for foreign vessels to operate on sea areas of the socialist republic of Vietnam. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vanbanphapluat.co/decreed-no-30-cp-1980-on-regulation-for-foreign-vessels-to-operate-on-sea-areas-of-vietnam> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁷⁴ Статьи 18 и 19 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 30.10.2021).

¹⁷⁵ Statement on the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, and the Continental Shelf of Vietnam, National Assembly (Socialist Republic of Vietnam), Hanoi, 1977. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/VNM_1977_Statement.pdf <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-99.pdf> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁷⁶ Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Revised single negotiating text. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/vol5.shtml (дата обращения 29.10.2021).

эксплуатации, сохранения и рационального использования национальных ресурсов, как живых, так и неживых, морское дно и его недра, а также в отношении других видов деятельности по разведке и разработке зоны»¹⁷⁷.

Прибрежным государствам также предоставляется юрисдикция в отношении «i) создания и использования искусственных островов и сооружений; ii) морских научных исследований; iii) защиты и сохранения морской среды»¹⁷⁸.

Вьетнамский текст принимает первую выдержку, касающуюся суверенных прав, но претендует на исключительную юрисдикцию в отношении создания и использования установок и сооружений, искусственных островов и других видов деятельности по экономической разведке и разработке, сохранению морской среды, а также контролю и борьбе с загрязнением¹⁷⁹.

Данное требование было нацелено на предотвращение односторонних попыток третьих государств установить установки и сооружения военного назначения в пределах ИЭЗ Вьетнама. В ст. 56 и 60 Конвенции 1982 г. указывается, что юрисдикция прибрежных государств должна осуществляться исключительно для целей разведки и разработки ресурсов, научных исследований и охраны окружающей среды, безусловно, в данных положениях отмечается важность создания зон безопасности для осуществления подобной деятельности. Однако документ исключает создание сооружений военного назначения, что может интерпретироваться современными государствами в пользу обеспечения безопасности¹⁸⁰.

Концепция континентального шельфа Вьетнама тесно связана с пересмотренным Единым текстом для переговоров 1976 г. и дословно

¹⁷⁷ Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Informal Composite Negotiating Text. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/vol8.shtml (дата обращения 29.10.2021).

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Statement on the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, and the Continental Shelf of Vietnam, National Assembly (Socialist Republic of Vietnam), Hanoi, 1977. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/VNM_1977_Statement.pdf <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-99.pdf> (дата обращения 29.10.2021).

¹⁸⁰ E.C. Farrell, *The Socialist Republic of Vietnam and the Law of the Sea*. P. 106.

следовала формулировке из его п. 1 ст. 76¹⁸¹, которая остается неизменной в Конвенции 1982 г. Статья 4 Заявления 1977 г. определяет континентальный шельф как сочетание морского дна и недр, подводных районов, которые простираются за пределы вьетнамского территориального моря на протяжении всего естественного продления материковой части Вьетнама до внешнего края континентальной окраины или на расстояние 200 морских миль от исходной линии, используемой для измерения ширины вьетнамского территориального моря, где внешний край континентальной окраины не простирается до этого расстояния¹⁸².

На континентальный шельф Вьетнам провозгласил суверенные права в целях «разведки, разработки, сохранения и управления всеми природными ресурсами, состоящими из минеральных и других неживых ресурсов, вместе с живыми организмами, принадлежащими к таким видам». Разница между вьетнамским заявлением и положениями, которые стали статьями п. 1 и 4 ст. 77 Конвенции 1982 г., заключается в том, что заявлены «сохранение и управление». Хотя до сих пор не было опубликовано никаких объяснений, мы можем сделать вывод, согласно которому это дополнение выглядит как претензия на исключительный вьетнамский контроль над ресурсами в пределах континентального шельфа.

Кроме того, Вьетнам претендовал на морские пространства, связанные с островами, над которыми он имеет суверенитет, в соответствии со ст. 5 Заявления 1977 г.: «Острова и архипелаги, образующие неотъемлемую часть вьетнамской территории и выходящие за пределы вьетнамского территориального моря, упомянутого в пункте 1, имеют собственные территориальные моря, прилегающие зоны, исключительные экономические

¹⁸¹ Пункт 1 ст. 76. Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Revised single negotiating text. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/vol5.shtml (дата обращения 29.10.2021).

¹⁸² Statement on the Territorial Sea, the Contiguous Zone, the Exclusive Economic Zone, and the Continental Shelf of Vietnam, National Assembly (Socialist Republic of Vietnam), Hanoi, 1977. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/VNM_1977_Statement.pdf <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/12/LIS-99.pdf> (дата обращения 29.10.2021).

зоны и континентальные шельфы, определенные в соответствии с положениями пунктов 1, 2, 3 и 4 настоящего заявления»¹⁸³.

В то же время, из контент-анализа текста Заявления не были ясны позиции Вьетнама относительно статуса островов Сиша и Наньша, будь то сами острова или скалистая местность, являющиеся естественной фауной данного региона. Эта позиция важна, поскольку в ст. 121 Конвенции 1982 г. проводится различие между островами и скалами.

Таким образом изучив позицию Вьетнама относительно Конвенции 1982 г., мы можем проецировать и анализировать деятельность государства в регионе Южно-Китайского моря. Однако, прежде чем перейти к более детальному изучению вопроса политике именно в регионе Южно-Китайского моря, необходимо детальным образом изучить претензии и действия, предпринятые Вьетнамом относительно Южно-Китайского моря.

Претензии Вьетнама на две группы островов исторически довольно подробно описаны. В 1802 г. император Джи Лонг из Аннама (название Вьетнама в то время) основал компанию для эксплуатации островов Сиша, и он установил флаг на острове в 1816 г.¹⁸⁴

Острова Наньша были зафиксированы как вьетнамская территория на первых картах, выпущенных империей Аннам в 1834 г.¹⁸⁵ Другое исследование показало, что Вьетнам получил первоначальное право собственности на две островные группы в период до 1884 г.; и в то время Китай не возражал против права собственности. Обе группы спорных островов были объявлены частью провинции Тхуа Тхиен в 1932 г. французским генерал-губернатором Индокитая и управление над этими островами было передано из Франции во Вьетнам в 1919 г.¹⁸⁶

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Keesing's Record of World Events, 'Dispute over Paracel and Spratly Islands. - Naval Clash off Paracels. Chinese Occupation of Paracel Archipelago.', Volume 20, March 1974. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://web.stanford.edu/group/tomzgroup/pmwiki/uploads/3217-1974-03-KSa-EYJ.pdf> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

В 1954 г., после Женевских соглашений, подписанных Китаем, территория Французского Индокитая была разделена на три государства – Вьетнам, Камбоджу и Лаос. В этом разделе Вьетнам должен был быть временно разделен на 17-ю параллель, а группы спорных островов Южно-Китайского моря, которые были расположены ниже 17-й параллели, перешли в собственность Республики Южный Вьетнам¹⁸⁷.

Правительство Республики Южный Вьетнам заявило о своих претензиях на группы островов Сиша и Наньша в 1956 и 1973 гг., при этом военно-морские силы Республики Южный Вьетнам оккупировали несколько островов в островных группах¹⁸⁸.

В январе 1974 г. для того, чтобы обеспечить суверенные права, армия Республики Южный Вьетнам участвовала в небольшом морском сражении против Народно-освободительной армии Китая – флота вблизи островов Сиша. Позже армия флота Китайских освободительных сил высадила более 100 солдат на одном из островов в группе Спратли, примерно в 350 милях к юго-востоку от группы островов Сиша¹⁸⁹.

Республика Южный Вьетнам потеряла первый из островов Сиша из-за вооруженного конфликта. После капитуляции правительства Южного Вьетнама 30 апреля 1975 г. реформированное правительство Социалистической Республики Вьетнам впоследствии взяло на себя претензии Южной Вьетнамской стороны относительно региона Южно-Китайского моря, но претензии были нивелированы предыдущей поддержкой Северного Вьетнама китайских суверенных притязаний в 1956 и 1958 гг.¹⁹⁰

¹⁸⁷ Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, United States Department of State, Agreement on the Cessation of Hostilities in Vietnam, [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v16/d1044> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁸⁸ Chien-peng Chung, *Domestic Politics, International Bargaining and China's Territorial Disputes*, London: Routledge Cyrzon, 2004, P. 128.

¹⁸⁹ Cheng Tao, *Dispute over the South China Sea Islands*, *Texas International Law Journal*, no. 10 (1975): 265–277

¹⁹⁰ Chien-peng Chung, *Domestic Politics, International Bargaining and China's Territorial Disputes*, P. 128.

Поддержка Северным Вьетнамом претензий Китая на суверенитет в 1958 г. была поддержана премьер-министром Фам Ван Донгом в форме письма, направленного в Государственный совет Китая в то время¹⁹¹.

По плану объединения территории Социалистическая Республика Вьетнам начала агрессивную оккупационную и партизанскую деятельность на территории группы островов Наньша, и она включала в себя строительство на Ко Лин (Коллинз, также известный как северный Джонсон), Лен Дао (Лансдаун) и исторически известный риф Гак Ма (южный Джонсон). Позже, 14 марта 1988 г., вьетнамские моряки на трех вьетнамских кораблях, бригадой военно-морских сил Вьетнама, перевозили конструкции и строительные материалы на риф Гак Ма, когда четыре корабля китайской народно-освободительной армии в этом районе открыли огонь из военно-морского вооружения, убив 64 вьетнамских моряка¹⁹². Именно в тот день Вьетнам уступил Китаю рифы и острова Наньша¹⁹³.

Тем не менее, Вьетнам продолжал отстаивать свою позицию в отношении суверенитета в регионе Южно-Китайского моря вследствие международных прав и своих национальных убеждений в результате исторического опыта преследования и вторжения со стороны других государств. Следовательно, из-за многочисленных исторических событий во вьетнамской истории «для каждого вьетнамского гражданина национальный суверенитет является священным», и поэтому «Социалистическая республика Вьетнам и народ Вьетнама целеустремлены, когда речь заходит о защите каждой части земли и вьетнамской набережной от вмешательства или иностранного завоевания»¹⁹⁴.

¹⁹¹ Teh-Kuang Chang, China's Claim of Sovereignty over Spratly and Paracel Islands: A Historical and Legal Perspective, *Case Western Reserve Journal of International Law*, Vol. 23, Issue 3 (1991): 17-19.

¹⁹² Mai Thanh Hai and Vu Ngoc Khanh, Vietnamese soldiers remember. 1988. Spratly's battle against Chinese, *Thanh Nien Newspaper*, March 14, 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.thanhniennews.com/politics/vietnamese-soldiers-remember-1988-spratlys-battleagainst-chinese-60161.html> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁹³ VnExpress, The day Vietnam lost a Spratly reef to China, March 14, 2017. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://e.vnexpress.net/news/news/the-day-vietnam-lost-a-spratly-reef-tochina-3554895.html> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁹⁴ The Vietnamese President Truong Tan Sang statement in 2014, quoted by James Manicom in *Empathy: The Missing Link between Confidence and Trust in East Asia*, in *Perspectives on the South China Sea: Diplomatic, Legal*

Для того чтобы обеспечить соблюдение своих территориальных прав, Вьетнам модернизирует районы, которые он все еще занимает в регионе Южно-Китайского моря¹⁹⁵. В дополнение к таким строительным усилиям Вьетнам использовал деятельность по разведке нефти, чтобы заложить право собственности на спорные морские районы и, как сообщается, атаковал китайские суда, врезаясь в них в спорных регионах, чтобы защитить их заявленные суверенные права¹⁹⁶.

На настоящий момент политика Вьетнама относительно региона Южно-Китайского моря основывается на следующих четырех стратегиях, которые включают в себя:

- 1) интернационализацию спора;
- 2) использование многосторонней структуры международных отношений для разрешения спора;
- 3) разработку надежного военного потенциала сдерживания Китая;
- 4) прямое взаимодействие с Китаем¹⁹⁷.

Вьетнам начал проводить политику интернационализации и обнародования инцидентов на море в 2000-х гг., стремясь увеличить репутационные издержки для Китая, когда это государство злоупотребляло своей большей экономической и военной властью над Вьетнамом¹⁹⁸.

Вьетнам поощряет «интернационализацию» спора в Южно-Китайском море посредством многосторонних встреч, ориентированных на АСЕАН, а также участие США с тем, чтобы ответить на расширение физического присутствия Китая и активные действия по управлению природными

and Security Dimensions of the Disputes', eds., Murray Hiebert, Phuong Nguyen and Gregory B. Poling, (Rowman & Littlefield: 2014), 99.

¹⁹⁵ Greg Austin, Who Is the Biggest Aggressor in the South China Sea?, The Diplomat, June 18, 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://thediplomat.com/2015/06/who-is-the-biggestaggressor-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁹⁶ Shannon Tiezzi, China: Vietnamese Boats Rammed Our Civilian Vessels - China's Foreign Ministry responded to allegations that Chinese ships rammed Vietnamese vessels, The Diplomat, May 9, 2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://thediplomat.com/2014/05/china-vietnameseboats-rammed-our-civilian-vessels/> (дата обращения 30.10.2021).

¹⁹⁷ Huong Le Thu, Vietnam should update its South China Sea Strategy, Asia Maritime Transparency Initiative, December 6, 2018, March 21, 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://amti.csis.org/vietnam-should-update-south-china-sea-strategy> (дата обращения 30.10.2021)

¹⁹⁸ Там же.

ресурсами¹⁹⁹. Тем не менее, есть некоторые государства в Юго-Восточной Азии, такие, как: Мьянма, Камбоджа и Таиланд, которые не имеют прямых интересов в Южно-Китайском море, но при этом у них налажены прочные связи с Китаем²⁰⁰.

Эти государства либо выражают несогласие с интернационализацией споров в Южно-Китайском море, либо поддерживают позицию Китая по данному вопросу²⁰¹. Поэтому намерение Вьетнама относительно интернационализации вопросов Южно-Китайского моря через многосторонние диалоговые рамки АСЕАН считаются неэффективными. Что касается взаимодействия с США или странами за пределами спорного региона Южно-Китайского моря, то это требовало некоторой умеренности потому, что сам Вьетнам находился в ситуации, в которой он должен избегать чрезмерной конфронтации с Китаем в результате такой политики.

Многостороннее сотрудничество действительно использовалось Вьетнамом и другими сторонами в регионе Южно-Китайского моря для поддержки прогресса в достижении мирных результатов в урегулировании споров относительно суверенитета государств региона²⁰². Такое многостороннее сотрудничество осуществляется государствами-членами АСЕАН и Китаем в рамках Декларации поведения в Южно-Китайском море²⁰³ и последующей адаптации Кодекса поведения в Южно-Китайском море²⁰⁴.

Однако дискуссии относительно судьбы конфликта в регионе Южно-Китайского моря в последние годы на заседаниях АСЕАН были

¹⁹⁹ Tomotaka Shoji, Vietnam, ASEAN, and the South China Sea: Unity or Diverseness?, NIDS Journal of Defense and Security, No. 13, (2012).

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Nguyen Vu Tung and Dang Cam Tu, Vietnam's decision to join ASEAN: The South China Sea Connection, in Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi, Le Hong Hiep, Anton Tsvetov, (ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2018), 186-206.

²⁰² C.J. Jenner and Tran Truong Thuy, The South China Sea: A Crucible of Regional Cooperation or Conflict-making Sovereignty Claims? (New York, Cambridge University Press, 2016), 2.

²⁰³ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://asean.org/tag/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 30.10.2021).

²⁰⁴ Code of Conduct for the South China Sea. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/09/the-code-of-conduct-for-the-south-china-sea-a-long-and-bumpy-road/> (дата обращения 30.10.2021).

непродуктивными и на региональном уровне²⁰⁵. Вьетнам, в частности, не рассматривал свое предполагаемое членство в АСЕАН в качестве стратегического инструмента противодействия экспансии Китая в Южно-Китайском море. Ряд специалистов-экспертов предположил, что растущая борьба внутренней политики в регионе Южно-Китайского моря сократило международное пространство, доступное для многостороннего сотрудничества²⁰⁶.

Однако соответствующие работы указанных ранее специалистов больше фокусируются на движущих силах территориальных претензий, а не на том, каким образом внутренняя политика соседствующих государств в регионе повлияла на международное многостороннее сотрудничество.

Военное сдерживание – это практика отговаривания или сдерживания государства от нежелательных действий, таких, как вооруженное нападение. Следовательно, это кажется разумной политикой для Вьетнама в споре относительно Южно-Китайского моря против Китая, поскольку они являются соседями и в целом большинство межгосударственных войн ведутся или начинаются между соседствующими государствами²⁰⁷.

Тем не менее, наблюдатели предполагают, что, хотя вьетнамская позиция сдерживания укрепляется, вьетнамское общество и вьетнамские военные, вероятно, не в состоянии поддерживать продолжающееся или высоконапорное обычное военное превосходство в регионе в полной мере²⁰⁸. Кроме того, сдерживание может потерпеть неудачу, поскольку Китай считает, что может смягчить значительные, но разумные риски²⁰⁹.

²⁰⁵ Huong Le Thu, Vietnam Should Update its South China Sea Strategy. 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://amti.csis.org/vietnam-should-update-south-china-sea-strategy/> (дата обращения 30.10.2021).

²⁰⁶ C. J. Jenner and Tran Truong Thuy, The South China Sea: A Crucible of Regional Cooperation or Conflict-making Sovereignty Claims? 1-12.

²⁰⁷ Орлов А.С., Понятие международного территориального спора // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2010. №3. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mezhdunarodnogo-territorialnogo-spora> (дата обращения: 30.10.2021).

²⁰⁸ Derek Grossman, Can Vietnam's Military Stand Up to China in the South China Sea? Asia Policy, Vol 13, No. 1, (January 2018).

²⁰⁹ Там же.

Опять же, этот тезис предполагает, что существуют внутренние причины, ведущие к политике Вьетнама по использованию военного сдерживания в регионе Южно-Китайского моря, а также его неспособность поддерживать длительный и крупномасштабный конфликт и эти причины необходимо проанализировать.

Непосредственное взаимодействие является частью стратегии сдерживания, которую Вьетнам использует с момента нормализации китайско-вьетнамских отношений в 1991 г. для управления своими отношениями с Китаем²¹⁰. Вьетнам поддерживает прямое взаимодействие путем расширения ряда двусторонних механизмов для укрепления общего доверия и поощрения сотрудничества, направленных на формирование политической модели взаимодействия с КНР в целом²¹¹.

Некоторые авторы утверждают, что Вьетнам установил удивительно прочные двусторонние отношения с Китаем для обеспечения национальной безопасности при одновременном решении вопросов Южно-Китайского моря. Действительно, Вьетнам укрепил свои отношения с Китаем до стратегического всеобъемлющего и кооперативного партнерства, безусловно, это самый высокий показатель среди всех стратегических партнерств Вьетнама в течение 2013 г.²¹²

На практике достижением стали укрепление дипломатических, политических и экономических связей между двумя государствами, а также регулярные обмены официальными визитами и встречами на высоком уровне между двумя коммунистическими партиями и другими официальными учреждениями, представляющими волю государств на высоком уровне. Тем не менее, Южно-Китайское море остается раздражителем в двусторонних отношениях, которым Вьетнам пытается управлять с помощью своей

²¹⁰ Le Hong Hiep, Vietnam's hedging Strategy against China since Normalisation, *Contemporary Southeast Asia*, Vol. 35, No.3, (2013): 333-368.

²¹¹ Там же.

²¹² Carlyle A. Thayer, *The Evolution of Vietnamese Diplomacy, 1986-2016*, in *Vietnam's Foreign Policy Under Doi Moi*, ed, Hong Hiep Le and Anton Tsvetov (Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2018), 23-44.

политики «сотрудничества и борьбы»²¹³. В то же время, необходимо понимать внутренние проблемы Вьетнама и их влияние на решения в отношении формирования политики в регионе Южно-Китайского моря.

Вьетнам в настоящее время сталкивается с внутренними проблемами в трех важнейших областях:

- 1) способность содействовать справедливому и устойчивому экономическому росту;
- 2) способность устанавливать и поддерживать легитимность в спорных регионах;
- 3) способность обезопасить население от конфликта и эффективно контролировать территорию.

Историческая экономическая реформа Вьетнама («Дой Мой») была переходом от централизованно планируемой к открытой рыночной экономике в 1986 г. Эта реформа превратила Вьетнам из одного из беднейших государств мира с доходом на душу населения около 100 долларов США в 1990 г. в государство с доходом на душу населения более 2000 долларов США в 2014 г.²¹⁴

В период с 1990 по 2010 гг. годовой ВВП Вьетнама переживал высокий рост, в среднем 7% в год, и эксперты предложили различные причины высокого экономического потенциала государства. Ключом к этому успеху являются:

- внутренние сбережения и внутренние инвестиции²¹⁵;
- прямые иностранные инвестиции²¹⁶;

²¹³ Carlyle A. Thayer, The Evolution of Vietnamese Diplomacy, 1986-2016, in Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi.

²¹⁴ The World Bank, Vietnam Overview, accessed on 31 January 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/country/vietnam/overview> (дата обращения 31.10.2021).

²¹⁵ Nhung Thi Kim Nguyen and Hiep Huu Nguyen, Impact of domestic Saving on Economic Growth of Vietnam, Asian Journal of Economic Modelling, Vol. 5, No. 3, (2017): 245-252.

²¹⁶ Nhung Thi Kim Nguyen, The Long Run and Short Run Impacts of Foreign Direct Investment and Export on Economic Growth of Vietnam, Asian Economic and Financial Review, Vol. 7, No. 5, (2017), 519-527.

- динамичные демографические изменения, ведущие к увеличению численности рабочей силы и снижению коэффициента иждивенцев²¹⁷;
- увеличение притока помощи²¹⁸, а также увеличение индустрии туризма во Вьетнам²¹⁹.

Однако темпы роста ВВП Вьетнама снизились в среднем до 6,4% в год в период 2010-2017 гг. и только 6,2% в 2016 г.

Экономическое развитие представляет собой главное условие поддержания политической системы, в то время как стабильность данного режима зависит от эффективности и легитимности этой политической системы. Исторические данные о политическом пути Вьетнама свидетельствуют, что краткосрочные и среднесрочные колебания экономического роста могут оказать заметное влияние на поддержку населения.

С учетом изложенного ранее, понятно, что Вьетнам уделяет приоритетное внимание поддержанию своего экономического роста в целях укрепления легитимности собственного режима. Например, в 2007 г. Вьетнам создал «Морскую стратегию Вьетнама до 2020 года», которая включала цель изменение экономики Вьетнама путем использования морских ресурсов Южно-Китайского моря. Основным планом Вьетнама было развитие морской экономики, которая включает в себя торговлю, рыболовство, а также разведку газа и нефти до 60% ВВП к 2020 г.

Однако, столкнувшись с политикой Китая, Вьетнам мог эффективно реализовать данный стратегический план только в том случае, если в Южно-Китайском море была бы разрешена конфронтация с КНР. Поэтому Вьетнам

²¹⁷ Minh Thi Nguyen, Dynamic Demographics and Economic Growth in Vietnam, DEPOCEN working paper series No. 2008/24. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.576.9323&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 31.10.2021).

²¹⁸ Jai S. Mah, Globalisation and Aid Inflows in the Economic Growth of Vietnam, The Global Economy Journal, Vol. 13, Issue 1, (2017).

²¹⁹ Wurong Shih and Ninh T.H. Do, Impact of Tourism on Long-run Economic Growth of Vietnam, College of Business, (Taiwan: University of Science and Technology, 2017).

столкнулся с дилеммой в поиске правильного подхода к борьбе с Китаем и в то же время к защите и развитию своих морских экономических интересов.

Не менее важной проблемой для Вьетнама является его способность справедливо распределять экономический рост. Всемирный банк отметил, что содействие всеобщему процветанию остается проблемой для Вьетнама потому, что в 2018 г. около 30% населения все еще не классифицировалось как экономически защищенное. Среднее потребление на душу населения этническими меньшинствами остается менее 45% вьетнамского большинства этнических групп Кинь и Хоа²²⁰.

Кроме того, рост доходов был сосредоточен, главным образом, в крупных городах и регионах, которые имеют ориентированную на экспорт экономическую деятельность; в то время как в северо-западном и центральном высокогорных регионах наблюдается заметное замедление экономического роста.

Разрыв между городской и сельской экономикой и уровнем жизни оставался значительным в 2015 г. Таким образом, растет обеспокоенность по поводу растущего разрыва между очень богатыми и обычными вьетнамскими гражданами. И, если обратить внимание на опыт Индонезии, то неравенство доходов вызвало серьезные проблемы для экономической дипломатии и внутреннего политического недовольства, а также для людей, потерявших веру в свое правительство²²¹.

Ключевыми внутренними субъектами, участвующими в процессе принятия политики Южно-Китайского моря во Вьетнаме, являются министерства, включая правоохранительные органы и правительственные коммерческие предприятия. Наиболее активными группами в течение последнего десятилетия были Министерство обороны, Вьетнамская береговая

²²⁰ The World Bank, Vietnam continues to reduce poverty, April 5, 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/04/05/vietnam-continues-to-reduce-poverty-according-to-world-bank-report> (дата обращения 31.10.2021).

²²¹ Fergus Hason, Indonesia Poll 2012: Shattering stereotypes: Public Opinion and Foreign Policy, Lowy Institute, 2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.lowyinstitute.org/publication/indonesia-poll-2012-shattering-stereotypes-publicopinion-and-foreign-policy> (дата обращения 31.10.2021).

охрана, Вьетнамское управление по надзору за рыбными ресурсами и «Petrovietnam», крупнейший производитель нефти в государстве и второй по величине производитель электроэнергии.

Ключевыми задачами и интересами Министерства обороны являются обеспечение морской безопасности и суверенитета страны. Министерство обороны активно инвестирует в совершенствование технологий жесткой силы со значительными инвестициями в подводные лодки, противолодочный потенциал, военно-морскую разведку и патрульные корабли. Министерство обороны подписало контракт на 2 млрд долл. США с Россией в 2009 г. на покупку шести подводных лодок для укрепления своих морских сил и создало современный подводный флот в 2013 г., после поставки первой подводной лодки²²².

Для поддержки этого морского потенциала дополнительное количество самолетов значительно увеличило военно-морской потенциал по предотвращению незаконного вторжения, тем самым защищая суверенитет и интересы Вьетнама в Южно-Китайском море.

Вьетнамская береговая охрана был реструктурирована в 2013 г. на основе бывшего подразделения морской полиции и передана под непосредственное командование министра обороны. Ключевой интерес Вьетнамской береговой охраны заключается в обеспечении правопорядка в спорном районе путем развертывания судов во время столкновений для демонстрации суверенного права и юрисдикции страны через гражданскую власть; такие действия направлены на предотвращение эскалации или военной конфронтации между соседствующими государствами путем использования военно-морских судов²²³.

²²² Prashanth Parameswaran, Vietnam Gets Fifth Submarine from Russia, *The Diplomat*, 10 February 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/02/vietnam-gets-fifthsubmarine-from-russia/> (дата обращения 31.10.2021).

²²³ Prashanth Parameswaran, Why Vietnam's New Coast Guard Law Matters, *The Diplomat*, April 14, 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/04/vietnam-coast-guardin-the-spotlight-with-new-law/> (дата обращения 31.10.2021).

Реструктуризация Вьетнамской береговой охраны была призвана улучшить потенциал гражданского морского правоохранительного органа государства, а также является частью стратегии жесткого балансирования.

Департамент надзора за рыбными ресурсами Вьетнама был создан в 2013 г. при Вьетнамском управлении рыболовства, также в качестве правоохранительного органа, которое фокусируется на улучшении защиты суверенных прав государства, связанных с рыболовством в пределах ИЭЗ. Участие Вьетнамского управления рыболовства в споре Южно-Китайского моря также согласуется с решением Вьетнама иметь жесткий баланс сил против КНР.

«Petrovietnam» полностью принадлежит центральному правительству Вьетнама и отвечает за все нефтяные и газовые ресурсы в государстве. «Petrovietnam» продолжает подтверждать свою роль в качестве одной из ведущих экономических групп в стране, способствуя росту ВВП Вьетнама на 6,98% за первые девять месяцев 2019 г.²²⁴

Основной интерес компании – добыча нефти и газа в регионе Южно-Китайского моря. Статус «Petrovietnam» повысился среди внутренних политических групп, поскольку Вьетнам отдал высокий приоритет нефтегазовой промышленности, что является серьезной спецификой морской стратегии Вьетнама на ближайшие годы. Компания стала крупнейшей корпорацией Вьетнама, на которую приходится около 20% ВВП и которая генерирует от 25 до 30% годового государственного дохода²²⁵. Компания редко открыто признавала, что напряженность в Южно-Китайском море оказала негативное влияние на ее морские месторождения разведки и добычи,

²²⁴ Petrovietnam, Petrovietnam achieves total revenue of over 560 trillion dong, making important contribution to GDP growth, October 4, 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pvn.vn/sites/en/Pages/detail.aspx?NewsID=1611b7fd-8621-47dd-9652-71b0a00008c9> (дата обращения 31.10.2021)

²²⁵ 4 International Crisis Group, Stirring up the South China Sea (IV): Oil in Troubled Waters, Crisis Group Asia Report N°275, 26 January 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/china/stirring-south-china-sea-iv-oiltroubled-waters> (дата обращения 31.10.2021).

но однажды заявила, что напряженность в Южно-Китайском море повредила ее морским операциям²²⁶.

Спор в отношении Южно-Китайского моря, безусловно, вывел экономическое развитие и территориальный суверенитет на передний план политических стратегий Вьетнама, особенно в экономических и социальных сферах. Эти два вопроса одинаково важны для долговечности Вьетнама и в идеальной ситуации, они не должны конкурировать друг с другом. Современная политика Вьетнама в отношении региона Южно-Китайского моря повлекла за собой четыре основные стратегии, а именно:

- интернационализацию спора;
- использование многосторонней структуры международного общения для решения спора;
- создание надежного механизма военного сдерживания Китая;
- прямое взаимодействие с КНР.

Следует заметить, что эти стратегии показали некоторые ограничения. Например, интернационализация предполагает, что репутационные издержки будут достаточными, чтобы препятствовать давлению Китая, но модель поведения Китая в Южно-Китайском море показывает, что эти затраты были недостаточными.

Многосторонние переговоры относительно судьбы Южно-Китайского моря на совещаниях АСЕАН также были непродуктивными. Современная вьетнамская политика в Южно-Китайском море прошла тот момент, когда стороны могли прийти к консенсусу и подвергает государство многим уровням косвенных проблем и негативных результатов, в том числе национальному суверенитету, дипломатической репутации и экономике. Вот почему ученые и современная литература убедительно предполагают, что

²²⁶ Khanh Vu, in rare comment, Petrovietnam says South China Sea tension to hurt offshore operations, Reuters, April 3, 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/ussouthchinasea-petrovietnam/in-rare-comment-petrovietnam-says-south-china-sea-tension-tohurt-offshore-operations-idUSKCN1HA0QO> (дата обращения 31.10.2021).

Вьетнам должен обновить свою политику относительно определения собственных интересов в регионе Южно-Китайского моря.

В настоящее время Вьетнам имеет некоторые ограничения в поддержании экономического роста, легитимности режима и территориального суверенитета. Совершенно очевидно, что такие внутренние проблемы могут существенным образом уменьшить возможности Вьетнама в отношении реализации той агрессивной модели поведения, которой он придерживается в сфере определения судьбы Южно-Китайского моря. Вьетнам принял ранее рассмотренную 4-компонентную стратегию, учитывая эти внутренние проблемы.

Совершенно очевидно, что социально-экономические показатели являются важным источником легитимности для Вьетнама, поэтому он изложил «Морскую стратегию Вьетнама» для того, чтобы увеличить размер своей морской экономики до 60% общего ВВП. Реализация «Морской стратегии Вьетнама» должна быть помещена в контекст применения Китаем «стратегии кнута и пряника», которая, по-видимому, вознаграждает дружественные отношения между государствами и наказывает тех, кто публично оспаривает свои претензии в Южно-Китайском море. Находясь на пороге Китая, Вьетнам, пожалуй, сильнее всего ощутил экономический вес Китая и угрозу от физического присутствия государства. Вьетнам мог достичь своей морской стратегии в регионе Южно-Китайского моря только без каких-либо конфликтов или наказаний со стороны Китая.

Это одна из причин, почему Вьетнам избежал прямой конфронтации с Китаем, используя интернационализацию спора относительно Южно-Китайского моря и используя многосторонние рамки для решения любых вопросов. Например, после того, как 12 июля 2016 г. ППТС вынесла решение по делу о морском споре против Китая, Вьетнам решил не преследовать

юридический приоритет, который он мог бы использовать из результатов решения суда²²⁷.

Если бы Вьетнам рассмотрел вопрос о каком-либо использовании решения суда или юридического приоритета для продвижения против Китая в споре о Южно-Китайском море, то экономически это, вероятно, послужило бы многим негативным последствиям. Безусловно, негативные последствия уже были для Вьетнама, в июне 2017 г., когда заместитель председателя Центральной военной комиссии Китая Фань Чанлун резко сократил сроки официального визита во Вьетнам после отвергнутой китайской просьбы о том, чтобы испанская компания «Repsol» прекратила разведку нефти и газа в регионе Южно-Китайского моря. Этот отказ привел к всплеску напряженности между двумя государствами и в результате Вьетнам прекратил сотрудничество с «Repsol» в области разведки нефти и газа с тем, чтобы избежать усиливающегося китайского давления в рассматриваемом регионе.

Конечно, можно утверждать, что Вьетнам осознает различия в возможностях между Китаем и собой. Данный факт является постоянным, значительным и многомерным для государства, находящегося в более уязвимом положении²²⁸.

Таким образом, приоритет «номер один» со стороны Вьетнама по отношению к Китаю в регионе Южно-Китайского моря – это получение автономии, а не превосходство над соседом. Следовательно, главная задача Вьетнама состоит в том, чтобы сформулировать политику относительно Южно-Китайского моря, которая могла бы защитить суверенитет Вьетнама и что более важно, могла бы быть осуществима с учетом текущих внутренних проблем. Вопросы, которые Вьетнам должен рассматривать в контексте территориальных споров Южно-Китайского моря, включают повышенную

²²⁷ Carlyle A. Thayer, Vietnam's strategies in the South China Sea, East Asia Forum, July 28, 2017. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.eastasiaforum.org/2017/07/28/vietnams-strategies-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 31.10.2021).

²²⁸ Brantly Womack, Asymmetric Rivals: China and Vietnam, in Asian rivalries: Conflict, escalation and limitations on two-level games, eds., Sumit Ganguly and William R. Thompson, (Stanford University Press, 2011).

вероятность вооруженного конфликта, прерывания экономических связей или территориальных потерь.

В ходе современных территориальных претензий и споров по Южно-Китайскому морю Филиппины создали прецедент, согласно которому другие истцы пойдут на компромисс с их позицией в отношении Южно-Китайского моря ради экономической выгоды. «Падение домино» начинается с того, что президент Филиппин Родриго Дутерте объявил о готовности работать с Китаем и получил пакет инвестиций в размере 11 млрд долл. США²²⁹. Конечно, неизвестно, каковы были переговоры, лежащие в основе пакета инвестиций, но самое главное, каковы были возможные угрозы и негативные последствия за настойчивость. Для Вьетнама территориальные права на острова Наньша и Сиша идеологически опираются на исторические декларации суверенитета еще в XVII веке²³⁰ и теперь основаны на международном праве²³¹.

Спор об островной гряде Сиша также является горьким воспоминанием для многих вьетнамцев из-за боевых потерь в Гак Ма в 1988 г. Позиция Вьетнама против китайско-вьетнамского спора в регионе Южно-Китайского моря была оспорена, поскольку действия Вьетнама в ответ на посягательство КНР на его территориальную целостность и суверенитет в Южно-Китайском море были сочтены недостаточными для столь агрессивного ответа, что напрямую связано с вопросом о легитимности Вьетнама и как упоминалось выше, поддержание легитимности режима в настоящее время является внутренней проблемой для Вьетнама.

Таким образом, учитывая текущие политические реалии в регионе Южно-Китайского моря, довольно сложно прогнозировать возможные изменения в будущем. Главными спорящими сторонами являются государства, экономический и военный потенциал находятся на совершенно

²²⁹ Tom Phillip, Has Duterte really ditched the US for Beijing's embrace?, The Guardian, October 21, 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/21/hasphilippines-president-rodrigo-duterte-really-ditched-the-us-for-beijings-embrace#img-2> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

²³⁰ Ian Storey, South China Sea Dispute, Flipside Digital Content Company Inc., 2017.

²³¹ Dzurek, Daniel J. and Schofield, Clive H, The Spratly Islands dispute: who's on first? 1996, IBRU. P. 8.

различном уровне. Южно-Китайское море является важным ресурсом для соседствующих государств, и никто не готов отказываться от него, наоборот тенденция развития будущего роста государств практически целиком и полностью фокусируется на возможности использовать Южно-Китайское море как главный источник естественных природных ресурсов.

Вьетнам и Китай в полной мере осознают возможные последствия вооруженного конфликта между государствами в регионе Южно-Китайского моря. В то же время, в силу крайней привлекательности данного региона стороны вынуждены осуществлять политику сдержек и противовесов для получения наиболее выгодной позиции. Судить о том, у какой стороны больше прав в данном регионе не представляется возможным, поскольку подобное суждение, во-первых, будет крайне субъективным, а, во-вторых, у каждого государства относительно территорий в Южно-Китайском море имеются сильные аргументы, которые они умело используют в ходе реализации своей политики.

Однако, по нашему мнению, политические взгляды КНР относительно развития и укрепления отношений между соседствующими государствами в регионе Южно-Китайского моря являются более сбалансированными и адаптированными под современное международное право. В свою очередь, политическая модель Вьетнама нуждается в кардинальном пересмотре, его крайняя заинтересованность в ресурсах региона, безусловно, похвальна и полна благих намерений, но, помимо механизма сдерживания физического присутствия соседствующего государства, никакого решения спорных отношений политика не дает.

Следовательно, рассмотрев позиции двух главных акторов современности в регионе Южно-Китайского моря, мы переходим к наиболее спорному по мнению юристов-международников решению ШПТС 2013 г., относительно обращения Филиппин. Данное решение воспринимается как крайне резонансное для КНР и Вьетнама, однако при этом стороны в своих позициях нередко ссылаются на ряд положений данного решения.

3. Обращение Филиппин в Постоянную палату третейского суда 2013 г.

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению обращения Филиппин в ППТС, необходимо проанализировать положение этого государства в Южно-Китайском море.

Филиппины претендуют на большую часть островов Наньша. Нужно особо отметить, что их претензии более поздние, чем у Китая и Вьетнама, и базируются на теории, согласно которой данная территория примыкает к основным филиппинским островам. Кроме того, этот регион жизненно важен для безопасности государства и экономического баланса в регионе, в том числе позиция строится вокруг того, что спорная территория имела статус «*res nullius*» или «покинутой» после Второй мировой войны и недавняя филиппинская оккупация некоторых островов закрепляет за стороной право «первооткрывательства», либо через «эффективный контроль»²³². Филиппины также заявляют о расширении собственного континентального шельфа в качестве основания для своей претензии.

Заявление относительно *res nullius* аргументируется и проистекает из зафиксированного филиппинской стороной процессов «открытия» и «эффективной оккупации» Наньша филиппинским бизнесменом и адвокатом Томасом Кломой, который претендовал на гряды островов еще в 1947 г. и основал там поселения²³³.

Претензии Кломы были заявлены в 1956 г. после того, как он объявил «протекторат» над грядой островов, также назвал их «Алайяан» или

²³² Haydee B. Yoroc, *The Philippine Claim to the Spratly islands Group*, 58 *Philippine L.J.*42, P. 52-62 (1983); Valencia, *Spratly Solution, Still at Seal*, 6:2 *The Pacific Review*. P. 155 (1993).

²³³ Haller-Trost, R. (1994) *International Law and the History of the Claims to the Spratly Islands*, preprint. (Melbourne: Monash University. Haus, K. and Chanda), P. 21-22; Cordner, *The Spratly Islands Dispute and the Law of the Sea*, P. 66.

«Свободная земля» и назначил себя председателем Верховного совета²³⁴. В 1974 г. Клома передал Калайян филиппинскому правительству²³⁵.

В 1971 г. и снова в 1978 г. президент Фердинанд Маркос официально объявил группу островов Калайян частью территории Филиппин²³⁶. Маркос также издал отдельный президентский указ в тот же день в 1978 г., который претендует на ИЭЗ вокруг всех филиппинских островов, которая может быть истолкована как включающая островную гряду Калайян²³⁷. Когда Филиппины ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., они заявили, что ратификация ни в коей мере не наносит ущерба их суверенитету над островами Калайян и примыкающих к ним водам²³⁸.

Относительно позиции, что рассматриваемая территория в регионе Южно-Китайского моря – это *res nullius* – основана на Сан-Францисском мирном договоре 1951 г.²³⁹, согласно положениям которого Наньша де-факто находились под опекой союзных держав²⁴⁰. Согласно филиппинской точке зрения, процесс определения статуса островов после событий 1951 г. аннулировал любое предыдущее право собственности на них и оправдывает оккупацию ими. Филиппины также утверждают, что Наньша были «брошены» в период с 1950 по 1956 гг., когда ни одно государство не обращало на них никакого внимания²⁴¹.

Филиппинская сторона утверждает, что Япония приобрела острова, но отказалась от своего суверенитета над ними во время подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 г., не уступив гряду островов какому-либо определенному государству. Филиппины укрепили свои претензии относительно статуса *res nullius* произведя ряд действий, знаменовавших

²³⁴ Jorge R. Coquia, *Maritime Boundary Problems in the SCS*, 24 U.B.C. L. Rev. P. 117, 119 (1990); Haller-Trost (1994), *International Law and the History of the Claim to the Spratly Islands*. P. 22.

²³⁵ Haller-Trost (1994), *International Law and the History of the Claim to the Spratly Islands*. P. 25.

²³⁶ Presidential Decree No. 1596 (June 11, 1978), cited in Haller-Trost (1994). P. 27; Ning Lu, P. 65.

²³⁷ Presidential Decree No. 1599, cited in Haller-Trost (1994). P. 28.

²³⁸ *Law of the Sea Bulletin*, special Issue 1, March 1987. P. 6.

²³⁹ Пункт f, статья 2. Сан-Францисский мирный договор. Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г.

²⁴⁰ Van Dyke, Jon M. & Dale L. Bennett, *Islands and the Delimitation of Ocean Space in the South Chins Sea*. P. 74; Corder, *The Spratly Islands Dispute and the Law of the Sea*. P. 66.

²⁴¹ Valencia, Mark J., John Van Dyke and Noel Ludwig, *Sharing the Resources of the SCS*. P. 34.

эффективную оккупацию, а именно санкционировав бурение в районе Рид-Бэнд с 1971 г. и заняв восемь объектов с 1978 г.²⁴².

Определенно, относительно подобной позиции со стороны Филиппин в международном праве не могли не появиться противоречия и критика. Во-первых, мнение о том, что гряда островов была заброшена, оспаривается Китаем и Вьетнамом. Оккупация Клемой островов Наньша длилась всего несколько месяцев²⁴³, а также в любом случае независимые территориальные претензии частного лица не эквивалентны правительственным претензиям, если только это лицо не действует от имени правительства или правительство не утверждает юрисдикцию над отдельными лицами²⁴⁴. В то время, когда Клёма сделал свое заявление, правительство Филиппин не одобрило его действия²⁴⁵. Кроме того, правительственная Декларация 1955 г. о прямых исходных линиях вокруг Филиппинского архипелага не включала район Калайян в исходные линии²⁴⁶. Претензия на континентальный шельф также слаба, поскольку глубокая Палаванская впадина разделяет острова Наньша от Филиппинского архипелага, таким образом, нет естественного продления, как того требует ст. 76 Конвенции 1982 г., чтобы распространить такое требование за пределы 200 морских миль²⁴⁷.

Конвенция 1982 г. установила новый международный морской порядок, который, в свою очередь, играет серьезную роль для таких спорных регионов, как Южно-Китайское море, где государства не могут прийти к консенсусу относительно определения судьбы данной территории. Названный международно-правовой акт универсального уровня также становится институциональным механизмом, при помощи которого государства могут разрешить возникающие между ними споры мирными средствами. По этой

²⁴² Van Dyke & Bennett. P. 58.

²⁴³ Haller-Trost, R., *International Law and the History of the Claims to the Spratly Islands* (SCS Conference, American Enterprise Institute, Sept. 7-9, 1994). P. 28.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Valencia, Mark J., John Van Dyke and Noel Ludwig, *Sharing the Resources of the SCS*. P. 35.

²⁴⁷ Статья 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 31.10.2021).

причине следует рассмотреть государственную практику Филиппин относительно применения положений Конвенции 1982 г. в регионе Южно-Китайского моря²⁴⁸.

Филиппины сохранили свое первоначальное архипелажное законодательство²⁴⁹, которое наделяет воды, окруженные архипелажными исходными линиями, статусом внутренних вод и ничего не говорит о навигационных правах других государств в них, хотя, согласно вербальной ноте Филиппин 1955 г.²⁵⁰ существует право на мирный проход. При ратификации Конвенции 1982 г. Филиппины сделали заявление о том, что «Положения Конвенции об архипелажном проходе по морским путям не аннулируют и не умаляют суверенитета Филиппин как архипелажного государства над морскими землями и [...] что концепция архипелажных вод аналогична концепции внутренних вод в соответствии с Конституцией Филиппин и исключает проливы, соединяющие эти воды с экономической зоной или высоким морем, из права иностранных судов на транзитный проход международного судоходства»²⁵¹.

В феврале 2009 г. Конгресс Филиппин принял законопроект, в соответствии с которым были изложены архипелажные исходные линии Филиппин и утверждалось, что остров Хуанъянь и острова Наньша попадают под «режимом островов Республики Филиппин», в последствии данный закон станет известный как Республиканский закон 9522 или Филиппинский архипелажный базовый закон. Он был принят вовремя, чтобы уложиться в установленный Конвенцией 1982 г. срок для стран и архипелажных государств представить свои соответствующие претензии на расширенный

²⁴⁸ Подробнее см.: Батырь В.А. Международное территориальное право. – М.: Международные отношения, 2021. С. 558-559.

²⁴⁹ Republic Act No.3046 of 17 June 1961, as amended by Republic Act No. 5446 of 18 September 1968 (United Nation, The Law of the Sea: Practice of archipelagic States. P. 75).

²⁵⁰ Philippine note verbale of 7 March 1955 to the UN Secretary-General (UN Doc. A/2934 (1955), reproduced in M.M. Whiteman Digest of International Law (US Department of States, Washington DC: 1963) vol. IV. P. 52-53.

²⁵¹ United Nations, at United Nations, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. Vol. II, p.279. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/source/publications/MTDSDG/2002-vol.2-english.pdf> (дата обращения 31.10.2021).

континентальный шельф, установленный на 13 мая 2009 г. Комиссией по границам континентального шельфа.

8 апреля 2009 г. Филиппины представили Комиссии по границам континентального шельфа информацию о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря в районе Бенхамского региона.

Конвенция 1982 г. устанавливает максимальную ширину территориального моря в 12 морских миль²⁵². Филиппины претендуют на то, чтобы их территориальным морем был прямоугольник, определяемый координатами, который местами простирается за пределы 12 морских миль от исходной линии²⁵³.

Против этого заявления возражали Австралия, Беларусь, Болгария, Чехословакия, Россия, Украина и США на том основании, что оно превышает допустимый объем заявлений, предусмотренных ст. 310 Конвенции, и на самом деле является недопустимой оговоркой и указывает на намерение Филиппинами нарушить положения Конвенции²⁵⁴. В ответ Филиппины заявили, что они намерены привести свое внутреннее законодательство в соответствие с положениями Конвенции, поэтому: «В соответствии с Конвенцией предпринимаются необходимые шаги для принятия законодательства, касающегося прохождения архипелажных морских путей и осуществления суверенных прав Филиппин на архипелажные воды»²⁵⁵.

Филиппины также приняли ряд морских законов и нормативных актов, таких, как: республиканский закон 8550 – Филиппинский рыболовный кодекс 1998 г., Президентский указ № 1219 о разведке, разработке, использовании и

²⁵² Ст. 3 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 01.11.2021).

²⁵³ Act No. 3046 of June 1961 (UNLS B/15, 105)

²⁵⁴ For the objections of all but the USA, see *ibid.* pp. 285-288. For the objections of the USA, see J.A. Roach and R.W. Smith, *United States Responses to Excessive Maritime Claims 2nd* (Martinus Nijhoff Publishers, The Hague: 1996). P. 221-222.

²⁵⁵ United Nations, *The Law of the Sea. Current Developments in State Practice II* (United Nations: New York, 1989). P. 96.

сохранении коралловых ресурсов и Президентский указ № 979. Обеспечение пересмотра Указа Президента № 600 «О загрязнении моря».

По сравнению с другими государствами АСЕАН, Филиппины первыми стали склоняться к механизму принудительного урегулирования споров посредством участия третьей стороны. Во многих случаях Филиппины призывают ООН принять участие в урегулировании спорных отношений в регионе Южно-Китайского моря и не только хочет интернационализировать этот вопрос, но и втянуть США в спор об островах Наньша. Хотя США не хотят вмешиваться в этот спор и не чувствуют себя обязанными прийти на помощь Филиппинам в их территориальном конфликте из-за островов Наньша, есть признаки того, что сотрудничество между США и Филиппинами в области безопасности может быть расширено.

В конце концов, союз безопасности США с Манилой – один из старейших в Тихом океане. А в 1999 г. вступило в силу Соглашение о проведении совместных военных учений между Филиппинами и США, что позволило США возобновить нормальные американо-филиппинские военные контакты, такие как посещения военных кораблей и совместные военные учения. Фактически, две страны провели свои первые крупномасштабные совместные учения с 1993 г. в феврале 2000 г., в которых приняли участие более 2500 американских военнослужащих. После 11 сентября 2001 г. США и Филиппины начали проводить совместные операции против Абу Сайяфа, связанного с «Аль-Каидой»²⁵⁶.

Китай претендует на «исторические права» на острова и другие морские объекты в Южно-Китайском море. Филиппины оспаривают эти утверждения на том основании, что они несовместимы с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Филиппинская сторона инициировала арбитражное разбирательство в соответствии с Приложением VII²⁵⁷ Конвенции 1982 г. Китай отклонил арбитражную процедуру отчасти из-за своей Декларации

²⁵⁶ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

²⁵⁷ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 31.10.2021).

2006 г., которая исключает все такие споры из обязательной процедуры урегулирования споров, предусмотренной Конвенцией 1982г.²⁵⁸

Филиппины и Китай являются участниками Конвенции 1982 г. В частности, в 2006 г. Китай представил декларацию, исключающую все споры, которые могут включать вопросы суверенитета и вопросы делимитации морских границ, из процедуры обязательного урегулирования споров, указанной в разделе 2 части XV, на которую распространяются ограничения и исключения, указанные в разделе 3 Части XV Конвенции 1982 г.

Арбитражный суд был сформирован в соответствии с Приложением VII к Конвенции 1982 г., которая предусмотрена в качестве стандартной процедуры в соответствии с п. 3 ст. 287 для рассмотрения представлений Филиппин. Китай отказался участвовать в разбирательстве, сославшись на свое заявление. Соответственно, ППТС должна была сначала урегулировать вопросы, касающиеся юрисдикции.

Все государства, имеющие выход к Южно-Китайскому морю, являются участниками Конвенции. Китай, в частности, также сделал заявление 25 августа 2006 г. о том, что он не принимает никаких процедур, предусмотренных в разделе 2 Части XV Конвенции в отношении всех категорий споров, упомянутых в параграфе 1 (а) - (с) ст. 298 Конвенции²⁵⁹. Однако 22 января 2013 г. Филиппины инициировали арбитражное разбирательство в соответствии с Приложением VII к Конвенции 1982 г. против Китая, стремясь разрешить спор, относительно соответствующих «прав на морские перевозки» и законность китайской деятельности в Южно-Китайском море²⁶⁰.

Филиппины, в частности, добивались декларативного решения по трем взаимосвязанным вопросам: во-первых, претензии Китая в отношении прав и

²⁵⁸ PCA Case N° 2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration. P. xiv. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf> (дата обращения 01.11.2021).

²⁵⁹ Chinese Declarations see UN Treaty Series. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/Declarations.aspx?index=China&lang=_en&chapter=21&treaty=464 (дата обращения 03.11.2021).

²⁶⁰ PCA Case N° 2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration. P. xiv. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf> (дата обращения 01.11.2021).

обязательств на море, в районе морского дна и морских особенностей Южно-Китайского моря на основе исторических прав, как указано в китайских картах, содержащих девяти пунктирную линию, признать недействительной, поскольку она не соответствует Конвенции 1982 года. Согласно позиции Филиппин, спор с Китаем должен рассматриваться исключительно в соответствии с Конвенцией. Во-вторых, ППТС пытается определить, действительно ли в соответствии с Конвенцией определенные морские объекты, на которые претендуют и Китай, и Филиппины, «охарактеризованы как острова, скалы, низкие возвышенности, затопленные берега»; и о типе морских прав, которые они могут порождать для сторон. Филиппины в этой связи сосредоточили внимание, в частности, на мелководье Скарборо и восьми специфических объектах в группе островов Спратли.

Основная цель Филиппин при поднятии этих двух вопросов – поставить под сомнение претензии Китая на суверенитет над этими морскими объектами и использовать их в качестве основы для своих морских прав. В-третьих, «Филиппины добиваются решения о том, что Китай нарушил Конвенцию, вмешиваясь в осуществление суверенных прав и свобод Филиппин в соответствии с Конвенцией, а также посредством строительства и рыболовства, которые нанесли ущерб морской среде»²⁶¹.

Разбирательство в ППТС в соответствии с Приложением VII Конвенции 1982 г., рассмотрел различные доводы, представленные Филиппинами, общее количество позиций составляет 15 представлений²⁶².

Представления 1 и 2 относятся к более широкому утверждению Китая о том, что он имеет права на морские перевозки в Южно-Китайском море, которые, по мнению Филиппин, выходят за рамки тех, которые предусмотрены Конвенцией 1982 г. Кроме того, Филиппины запросили у ППТС заявление о том, что утверждения Китая, основанные на линии из девяти пунктов, несовместимы с Конвенцией 1982 г. и недействительны.

²⁶¹ Там же. Параграфы 4-6.

²⁶² Там же.

В материалах Представления 3 рассматривается природа мелководья Скарборо (будь то песчаная отмель или просто скала, или, как утверждают представители КНР, остров, способный образовывать морские пространства).

В Представлении 4 речь идет о рифе Мисчиф, втором рифе Томаса и рифе Суби, а также о заявлении Филиппин о том, что они представляют собой возвышенности с отливом и не могут образовывать морские зоны, в то время как КНР считает их частью островов Наньша и способными создавать морские зоны.

Представление 5 касается заявления Филиппин о том, что риф Мисчиф и второй риф Томаса являются частью их ИЭЗ и континентального шельфа, которые Китай считает частью островов Наньша. Это утверждение также связано с вопросом, могут ли острова Наньша образовывать ИЭЗ и континентальный шельф. В представлении 6 говорится о рифе Гавен и рифе Маккеннана (включая риф Хьюза), причем Филиппины утверждают, что они представляют собой возвышенности во время отлива. В материале Представления 7 говорится о рифе Джонсон, рифе Куартерон и рифе Файери-Кросс, поднимается вопрос о том, создают ли они право на ИЭЗ и континентальный шельф или нет.

Представление 8 касается утверждения Филиппин о том, что Китай незаконно вмешивается в его законные права согласно Конвенции 1982 г. в пределах филиппинской ИЭЗ. Представление 9 касается требований о праве на рыболовство, осуществляемых КНР в районе, в котором, по мнению Филиппин, они обладает суверенными правами.

Представление 10 касается прав рыбаков Филиппин в территориальных водах Скарборо-Мел. Представление 11 касается утверждения Филиппин о том, что действия КНР наносят ущерб, а не защищают и не сохраняют морскую среду, окружающую отмели Скарборо и второй отмели Томас. В Представлении 12 речь идет о рифе Мисчиф, низине прилива, на которую Филиппины претендуют как на часть морского дна и недр своей ИЭЗ и континентального шельфа. Можно отметить, что Китай претендует на ту же

особенность, занимаясь там строительством и другой хозяйственной деятельностью.

В Представлении 13 говорится о правоохранительной деятельности КНР, которую Филиппины считают нарушением своих обязательств по Конвенции о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г. и Конвенции 1982 г. В Представлении 14 речь идет о действиях КНР на втором рифе Томаса, о которых Филиппины заявляют, как препятствующие осуществлению ими своего права по Конвенции 1982 г.²⁶³.

Как отмечалось выше, представления Филиппин возможно резюмировать в общих чертах. Так, согласно комментариям ППТС, материалы с 1 по 7 «касаются различных аспектов спора сторон по поводу источников и размеров морских прав в Южно-Китайском море». Представления 8-14 «касаются серии споров, касающихся деятельности Китая в Южно-Китайском море», законность которых оспаривается Филиппинами²⁶⁴.

Китай отверг обращение Филиппин в ППТС и придерживается позиции, не принимающей и не участвующей в этих разбирательствах стороны. Китай утверждает, что Арбитраж не обладает юрисдикцией в отсутствие его согласия, поскольку вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции 1982 г., могут возникнуть только после того, как «суверенитет государства над морскими объектами будет определен». «Если не подчиниться государственному суверенитету», – отмечается КНР, «морское сооружение само по себе не имеет никаких морских прав или привилегий»²⁶⁵.

Китай также возражает против выбора определенных морских объектов с целью оценки их права на создание морских зон, в то время как его претензия касается суверенитета над всей группой островов Наньша, которая представляет собой архипелаг, состоящий из нескольких островов, в

²⁶³ PCA Case № 2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration. P. xiv. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf> (дата обращения 01.11.2021).

²⁶⁴ PCA Case № 2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration. P. 459. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf> (дата обращения 01.11.2021).

²⁶⁵ PCA Case № 2013-19 In the Matter of the South China Sea Arbitration. P. xiv. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf> (дата обращения 01.11.2021).

частности «Тайпин Дао», самый большой остров, и другие морские объекты. «Тайпин Дао» в группе островов Наньша в настоящее время контролируется властями непризнанного Тайваня. Из представления Филиппин по этому поводу также исключены некоторые другие части островов Наньша. Китай считает, что части островов, исключенные таким образом Филиппинами, находятся под незаконной оккупацией Филиппин и это упущение составило искажение «характера и масштабов китайско-филиппинских споров в Южно-Китайском море»²⁶⁶.

Что касается третьей категории требований, выдвинутых Филиппинами, «Китай утверждает, что законность действий Китая в водах островов Наньша и Хуаньянь Дао основывается как на его суверенитете над соответствующими морскими объектами, так и на морских правах, производных от них»²⁶⁷.

Рассмотрев возражения КНР против юрисдикции ППТС в соответствии с п. 1 ст. 281 и отвергнув основания, согласно которым Филиппины не выполнили общее обязательство сначала начать переговоры для добросовестного урегулирования спора с Китаем, ППТС обратилась к различным представлениям сделанным Филиппинами и изучили, имеет ли ППТС право осуществлять юрисдикцию в отношении любого из них или всех с учетом Декларации КНР, на основании которой она исключила все споры, касающиеся суверенитета и морских границ. Для решения вопроса о юрисдикции, с которым, таким образом, столкнулась ППТС, она справедливо сочла необходимым «выделить реальную проблему в деле и определить объект иска»²⁶⁸.

Вначале, чтобы обойти возражения Китая в отношении юрисдикции ППТС, Филиппины заявили, что права, которые морские «объекты могут создавать», [...] подлежат объективному определению»; и это «не требует предварительного определения того, какое государство обладает суверенитетом над данным объектом». По их мнению, «один и тот же объект

²⁶⁶ Там же. Параграф 173.

²⁶⁷ Там же. Параграф 26.

²⁶⁸ Там же. Параграф 53.

не может быть «камнем порождающим права объектом», если он принадлежит одному государству, но остров, способный породить право на ИЭЗ и континентальный шельф совсем иное дело». «Таким образом, вопрос суверенитета совершенно не имеет значения»²⁶⁹.

Филиппины далее заявили, что даже если бы кто-то согласился, ради аргументации того, что Китай обладает суверенитетом над всей группой островов Наньша, объем юрисдикции, на которую он претендует в северной части Южно-Китайского моря, не может соответствовать правам государств согласно Конвенции 1982 г. в отношении их морских пространств.

Исходя из этого предположения, Филиппины отмечают, что Конвенция 1982 г. включает положения о максимальном объеме морских прав и заявляют, что такие права проистекают исключительно из морских особенностей. Согласно позиции Филиппин, «даже если предположить, что Китай обладает суверенитетом над всеми островными объектами, на которые он претендует, его притязания на «исторические права» в пределах областей, охваченных линией из девяти пунктов, превышают пределы его потенциальных прав в соответствии с Конвенцией»²⁷⁰.

Относительно вопросов о делимитации морских пространств, нужно особо подчеркнуть: Филиппины утверждали, что они не возникнут, если и пока не будет установлено, что существуют спорные морские права. Кроме того, тот факт, что для решения вопросов о разграничении может потребоваться предварительное решение вопросов о правах, не означает, что вопросы о правах являются неотъемлемой частью самого процесса делимитации²⁷¹.

ПШТС, рассмотрев положения ст. 288 Конвенции 1982 г., отметила, что она «не уполномочена действовать, кроме как в отношении одного или

²⁶⁹ Там же. Параграф 144.

²⁷⁰ Там же. Параграф 143.

²⁷¹ Там же. Параграф 146.

нескольких фактических споров между сторонами», которые представляют собой споры, касающиеся «толкования и применения Конвенции»²⁷².

Отметив, что между Филиппинами и КНР существуют разного рода споры, включая споры по вопросам суверенитета, ППТС отметила, что решение, которого добивается первая сторона, «не требует того, чтобы Арбитраж сначала вынес решение о суверенитете» ни прямо, ни косвенно. Соответственно, «ППТС не принимает возражение, изложенное в Позиции КНР о том, что споры, представленные Филиппинами, касаются суверенитета над морскими объектами»²⁷³. Однако ППТС подчеркнула, что она «полностью осознает поданные ей претензии и в той степени, в которой она соответствует существу любого из представлений Филиппин, намеревается обеспечить, чтобы решение не продвигало и не умаляло требований любой из Сторон в отношении определения суверенитета в Южно-Китайском море»²⁷⁴.

В том же ключе ППТС постановила, что это «не спор о морских границах». Даже если делимитация морских границ является «целостным и системным процессом», включающим «широкий спектр потенциальных вопросов, возникающих между сторонами в споре», ППТС добавляет, «что спор о существовании права на морское пространство отличается от спора относительно разграничения этих зон в районе, где права частично совпадают». ППТС указала, что, хотя «определение объема прав сторон и района, в котором они совпадают, обычно будет одним из первых вопросов, которые необходимо решить при делимитации морской границы, это, тем не менее, отдельный вопрос, который ППТС рассматривать в данном случае не может исходя из возражений одной из сторон»²⁷⁵.

Однако, признавая, что ППТС не вправе рассматривать споры, касающиеся делимитации морских границ, Арбитраж указал, что рассмотрит некоторые из представлений Филиппин при одном условии. Следует

²⁷² Там же. Параграф 148

²⁷³ Там же. Параграф 153.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. Параграфы 155–156.

напомнить, что Филиппины просили ППТС в отношении представлений 5, 8 и 9 объявить, что конкретные морские объекты являются частью их ИЭЗ и континентального шельфа; и что определенные действия Китая нарушают суверенные права в его исключительной экономической зоне. Арбитраж постановил, что даже если будет признано, что они связаны с фактическими спорами между Сторонами, он примет их к рассмотрению только в том случае, если ИЭЗ и континентальный шельф Филиппин не являются частью «любого потенциального дублирующего права» с китайскими правами в той же морской зоне²⁷⁶.

Затем ППТС перешла к вопросу о том, существует ли реальный спор между сторонами, учитывая их разногласия относительно источника их прав. В этой связи Арбитраж отметил, что «заявленные Китаем права, по-видимому, основаны на понимании исторических прав, существующих независимо от ... Конвенции»²⁷⁷.

С другой стороны, Филиппины придерживались мнения, согласно которому «Конвенция 1982 года заменяет и аннулирует любые «исторические права», которые могли существовать до Конвенции», и, таким образом, просили ППТС в своих представлениях 1 и 2 объявить, что Китай не имеет право требовать прав «сверх разрешенных Конвенцией»²⁷⁸. ППТС считает, что «материалы 3, 4, 6 и 7 Филиппин отражают спор относительно статуса морских объектов и источника морских прав в Южно-Китайском море»²⁷⁹.

В Представлении 5 Филиппин действительно присутствует спор, поскольку он хотел, чтобы Арбитраж объявил, что Риф Мисчиф и второй Риф Томаса являются «возвышенностями отлива», попадающими в его исключительную экономическую зону и континентальный шельф. При этом он представил спор относительно статуса каждого морского объекта, на

²⁷⁶ Там же. Параграф 157.

²⁷⁷ Там же. Параграф 168.

²⁷⁸ Там же. Параграф 101.

²⁷⁹ Там же. Параграф 169.

который претендует Китай в пределах 200 морских миль от этих двух морских объектов²⁸⁰.

Кроме того, материалы 8-14, по мнению ППТС, представляют собой споры относительно деятельности КНР в Южно-Китайском море, «подразумевающие положения Конвенции», касающиеся их соответствующих прав на добычу нефти и разведку, рыболовство, китайские установки на рифе Мисчиф, действия кораблей китайских правоохранительных органов и военное присутствие Филиппин на Втором Рифе Томаса²⁸¹.

ППТС не составило труда согласиться с тем, что представления 11 и 12 также являются предметом спора по существу в значении ст. 192 и 194 Конвенции 1982 г., касающихся утверждений о том, что деятельность КНР в Южно-Китайском море нанесла экологический ущерб, даже если при рассмотрении этого вопроса Арбитражу, возможно, придется учитывать соответствующие положения Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.²⁸²

Иными словами, аргументы Филиппин относительно юрисдикции основаны на двух основных предположениях. Одно, которое утверждает, что ни одна из 750 морских объектов на отмели Скарборо и на Наньша не способны «создать ИЭЗ и право на континентальный шельф», предполагая, таким образом, что они являются «скалами» и возвышенностями отливов или другими островными объектами, не составляющими земли или острова, которые могут быть присвоены путем отстаивания «исторических прав»²⁸³.

Другое предположение состоит в том, что Филиппины имеют право на 200-мильную ИЭЗ и континентальный шельф, и большинство из этих объектов находятся в пределах их ИЭЗ и континентального шельфа, которые не имеют никакого потенциального совпадения с настоящими морскими правами КНР в соответствии с той же Конвенцией 1982 г.

²⁸⁰ Там же. Параграф 172.

²⁸¹ Там же. Параграф 173.

²⁸² Там же. Параграф 176. Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения 10.10.2022)

²⁸³ Там же. Параграф 153.

Придя к выводу, что между Сторонами существуют реальные споры относительно толкования и применения Конвенции 1982 г., ППТС приступила к изложению своего решения по вопросу о своей юрисдикции. Из 14 материалов, поданных Филиппинами, Арбитраж решил, что он обладает юрисдикцией в отношении материалов 3, 4, 6, 7, 10, 11 и 13. По семи другим материалам 1, 2, 5, 8, 9, 12, и 14 он решил связать свое решение о своей юрисдикции с этапом рассмотрения дела по существу, поскольку затронутые вопросы «не носят исключительно предварительного характера»²⁸⁴.

ППТС дала указание Филиппинам сузить Представление 15 и зарезервировал рассмотрение своей юрисдикции и в отношении этого представления к стадии рассмотрения дела по существу²⁸⁵. Как пояснил Арбитраж, представление 2 потребует от ППТС решения о характере и действительности исторических прав, заявленных КНР в Южно-Китайском море. ППТС отметила, что она не может принять решение по этому вопросу, если бы указанные претензии иным образом «подпадали под исключение из юрисдикции «исторических заливов или титулов» в статье 298». Кроме того, существование любых пересекающихся прав, в свою очередь «потенциально повлияет на применение других ограничений и исключений в статьях 297 и 298»²⁸⁶.

Существуют и другие материалы о статусе некоторых морских объектов. Любое решение по ним также будет запрещено, как указала ППТС, «в свете статьи 298 и Декларации Китая», если, в отличие от позиции, занятой Филиппинами, «любые морские объекты на островах Наньша представляют собой «остров». По смыслу ст. 121 Конвенции 1982 г., порождающей право на исключительную экономическую зону или континентальный шельф [...]». В этом случае Арбитраж признал, что он не сможет принять решение по

²⁸⁴ Там же. Параграф 390.

²⁸⁵ Там же. Параграф 412.

²⁸⁶ Там же. Параграф 393.

материалам 5, 8 и 9 без предварительного определения пересекающихся прав сторон, что исключается из его юрисдикции в свете ст. 298²⁸⁷.

Точно так же, по мнению ППТС, действительность представлений 8, 9, 10 и 13, которые касаются деятельности правоохранительных органов КНР в морских пространствах, будет зависеть от определения того, «имели ли место такие действия правоохранительных органов в пределах ИЭЗ Китая или на территории, в которой Стороны обладают частично совпадающими правами на исключительную экономическую зону»²⁸⁸. В свою очередь, было отмечено, что это вопросы, которые исключены из юрисдикции в соответствии со ст. 298.

Кроме того, ППТС указала, что материалы 12 и 14 Филиппин, в которых высказываются возражения против определенных действий КНР, также будут исключены из юрисдикции, если будет установлено, что они носят военный характер²⁸⁹.

В данном случае ППТС решила изучить: является ли Скарборо Шол островом или скалой по смыслу ст. 121 Конвенции 1982 г. (Представление 3); статус Рифа Мисчиф и Второго Рифа Томаса, независимо от того, являются ли они «возвышенностями отлива» по смыслу ст. 13 Конвенции 1982 г., с оговоркой, что они не попадают в морской район, где КНР и Филиппины могут иметь пересекающиеся права (Представление 4); с той же оговоркой, являются ли риф Гавен и риф Маккеннон (включая риф Хьюза) «возвышенностями во время отлива» по смыслу ст. 13 (Представление 6); и являются ли Риф Джонсон, Риф Куартерон и Риф Файери-Кросс «островами» или «скалами» по смыслу ст. 121 (Представление 7)²⁹⁰.

Кроме того, отметив, что «традиционные права на рыболовство могут существовать даже в территориальных водах другого государства», Арбитраж также установил юрисдикцию для рассмотрения вопросов, поднятых в Представлении Филиппин 10, «в той степени, в которой заявленные права и

²⁸⁷ Там же. Параграф 394.

²⁸⁸ Там же. Параграф 395.

²⁸⁹ Там же. Параграф 396.

²⁹⁰ Там же. Параграфы 400–405.

предполагаемое вмешательство имели место в пределах территориального моря отмели Скарборо»²⁹¹.

В этой связи ППТС считает, что для рассмотрения этого вопроса не имеет значения, является ли Скарборо скалой или островом в соответствии со ст. 121. Было также отмечено, что ст. 297 и 298 не применяются в территориальном море. Точно также Арбитраж не нашел препятствий для рассмотрения вопросов, поднятых в Представлении 11 (по вопросам защиты и сохранения морской среды на отмелях Скарборо и Втором Рифе Томаса и применении ст. 192 и 194 Конвенции 1982 г.)²⁹² и Представлении 13 (относительно деятельности правоохранительных органов КНР в районе отмели Скарборо и применения ст. 21, 24 и 94 Конвенции 1982 г. «в той степени, в которой заявленные права и предполагаемое вмешательство имело место в территориальном море отмели Скарборо»²⁹³.

С самого начала ППТС справедливо отметила, что она «не уполномочен действовать, кроме как в отношении одного или нескольких фактических споров между Сторонами»; помимо того, что это спор относительно «толкования и применения Конвенции»²⁹⁴. Помимо этого, ППТС также правильно определила свою задачу «изолировать реальную проблему в деле и идентифицировать объект иска». По обоим этим пунктам решение Арбитража и доводы, на которых оно основано, вызывают серьезные сомнения и даже подозрения.

Арбитраж не смог должным образом оценить реальный предмет спора. Из представлений, сделанных Филиппинами, ясно, что реальная цель его деятельности состоит в том, чтобы получить от ППТС юридические указания, требующие от КНР воздерживаться от того, что, по его мнению, Арбитраж сочтет «незаконными претензиями и действиями». ППТС хотела, чтобы Филиппины разъяснили его объем Представления 15 и цель в рамках

²⁹¹ Там же. Параграф 407.

²⁹² Там же. Параграф 408.

²⁹³ Там же. Параграф 410.

²⁹⁴ Там же. Параграф 148.

слушаний по существу. Очевидно, и должно было быть так же и для Арбитража, что, подавая такое заявление, Филиппины четко обозначили свою истинную и основную цель подачи остальных четырнадцати материалов. То есть, чтобы получить от судебного учреждения указание против претензий КНР, основанных на исторических правах и связанных с ними морских прав, или, по крайней мере, попытаться ограничить их, используя Конвенцию 1982 г. в качестве единственного применимого права, хорошо зная, что Конвенция не включает в себя и цели или масштабы вопросов суверенитета, исторических титулов.

Определение ППТС о том, что спор может быть искусственно разделен на вопросы, касающиеся морских прав по морскому праву, в отличие от тех, которые регулируются историческими правами, является ошибочным. Арбитраж не признал, что вопросы толкования и применения Конвенции в данном случае неразрывно связаны с вопросами суверенитета и делимитации морских пространств, даже если они являются двумя отдельными частями одного и того же спора. Если вопросы, касающиеся делимитации морских пространств и тем более права суверенитета, выходят за рамки юрисдикции Арбитража, как это согласовано всеми государствами участниками Конвенции 1982 г., его выводы о том, что основанные на рассмотрении отдельных требований, представленных Филиппинами, в лучшем случае могут расцениваться, как абстрактные рассуждения, не имеющие отношения к спору. Если, с другой стороны, выводы Арбитража прямо или косвенно повлияют на вопросы суверенитета и разграничения морского пространства, все это может рассматриваться как попытка со стороны Филиппин заставить выйти за рамки компетенции и сверх полномочий ППТС.

Что касается ППТС, то краткое изложение того, как она отклонила требование «переговоров» как предварительного условия для осуществления своей юрисдикции, сделало решение гораздо менее убедительным, несмотря на пристальное внимание к деталям по другим причинам. С практической или прагматической точки зрения Филиппинам, в конце концов, придется

вернуться за стол переговоров для того, чтобы урегулировать свой спор с КНР и достичь взаимоприемлемого решения.

После ознакомления со всеми материалами этого арбитражного Решения можно сделать вывод обобщающего плана, согласно которому это чрезвычайно богатый и плодотворный образец международной юриспруденции. Он, безусловно, будет иметь далеко идущие доктринальные последствия в качестве международного судебного решения, которое также является авторитетным, вспомогательным средством для определения норм международного права, согласно Конвенции 1982 г., особенно по таким вопросам, как:

1) нормативный вес «исторических прав» и дифференциация их от «исторического титула» и «исторических прав без суверенитета», а также разъяснение того, что все еще может составлять исторические права, которые государства могут на законных основаниях отстаивать в рамках договорного режима Конвенции 1982 г.;

2) авторитетные критерии для определения наличия возвышенностей во время отлива;

3) объективные критерии авторитетного толкования ст. 121 Конвенции 1982 г.;

4) объективные и субъективные критерии для проверки законности и незаконности заявленных «правоприменительных» действий прибрежного государства;

5) объективные или научные факторы, которые могут быть приняты во внимание для определения наличия подлежащего действию экологического ущерба морской среде в соответствии со ст. 192 и 194 Конвенции 1982 г.

ПШТС не взяла на себя юрисдикцию в этом деле над толкованием «военной деятельности» по смыслу ст. 298 Конвенции 1982 г., которую Филиппины обозначали в отношении различных военных инцидентов с КНР по поводу Второго Рифа Томаса. И в данном случае, интересным было бы мнение США, поскольку они часто настаивали на прерогативе прибрежного

государства авторитетно определять, какие «военные действия» могут быть оправданно исключены из обязательного урегулирования споров в соответствии со ст. 298 (1) (b) Конвенции 1982 г.

По нашему мнению, правила доказывания и процедуры установления фактов в этом деле, рассмотренном ППТС, также вызовут серьезные комментарии, если не критику, поскольку Арбитраж в значительной степени опирался на многочисленные заявления, опубликованные мнения, которые приписывались ответчику по этому делу. Можно также ожидать, что возникнут вопросы о том, почему ответчик никогда не принимал участия в разбирательстве, хотя бы для того, чтобы оспорить юрисдикцию, оспорить достоверность или авторитетность технических, экологических, гидрографических и других экспертных заключений Филиппин.

Очевидно, что этот инцидент будет иметь более серьезные последствия, чем неоднократный отказ КНР признать свое участие в разбирательстве. В качестве вспомогательного средства для определения норм международного права любому из заявителей – включая Филиппины – трудно игнорировать юридические последствия этого постановления и его влияние на все будущие шаги, которые необходимо предпринять в ходе реальных переговоров о делимитации морской границы в Южно-Китайском море. Решение ППТС, вероятно, повлияет на толкование Декларации 2002 г. о поведении сторон в Южно-Китайском море и на текущую повестку дня Рабочей группы АСЕАН-Китай по Кодексу поведения сторон в Южно-Китайском море, какими бы ни были заявленные предпочтения КНР или новой администрации Филиппин и независимо от возражений против достоверности фактических выводов Суда.

Таким образом, технически можно утверждать, что юрисдикционное ограничение ст. 298 Конвенции 1982 г. о делимитации границ не применяется, поскольку не затрагивается вопрос о толковании или применении этих положений. Тем не менее, если предположить, что в случае перекрытия территориального моря, скалы с ИЭЗ или континентальным шельфом преобладает территориальное море, делимитация действительно имеет место,

даже если не были установлены координаты или границы на карте. Следовательно, вместо этого мы имеем дело с частичным совпадением прав и делимитацией, которое, по всей видимости, не регулируется Конвенцией 1982 г., в силу чего Решение о подобном дублировании также не подпадает под юрисдикцию конвенционных органов по урегулированию споров.

В завершение этого раздела настоящего диссертационного исследования, целесообразно сделать вывод обобщенного характера, согласно которому решения ППТС, по существу, кажутся обоснованными, а претензии КНР на суверенитет и юрисдикцию над территорией в пределах линии из девяти пунктов зиждятся на довольно «шаткой почве». Однако данное утверждение, в свою очередь, может быть подвергнуто аргументированной критике, поскольку решение вопросов о юрисдикции ППТС не лишено некоторых недостатков. Таким образом, на наш взгляд, в обозримом будущем следует ожидать дальнейшего усугубления ситуации с претензиями в Южно-Китайском море, так как для КНР рассматриваемое Решение является ничтожным (недействительным), и это государство никогда не примет никаких претензий или действий, основанных на данном Решении ППТС.

ГЛАВА III

СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЙ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

1. Роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в урегулировании территориальных претензий в Южно-Китайском море

Для всестороннего изучения деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН, Ассоциация), направленной на урегулирование территориальных споров в Юго-Восточной Азии, крайне важно рассмотреть сущность и природу данной Организации в контексте ее становления и развития, а также структуры и целей, установленных учредительными документами.

8 августа 1967 г. представители Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, собравшись вместе в главном зале здания Министерства иностранных дел в Бангкоке (Таиланд), подписали Устав АСЕАН, который служит прочной основой для создания сообщества Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, обеспечивая правовой статус и институциональную основу данной Организации. Кроме того, Устав кодифицирует нормы, правила и ценности Ассоциации; устанавливает четкие цели для нее; закрепляет ее структуру, процедуры подотчетности и т.п.

Устав АСЕАН вступил в силу 15 декабря 2008 г.

Необходимо заметить, что с момента своего основания в 1967 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии была ключевым инструментом внешней политики государств этого региона, сыграв решающую роль в обеспечении мира и безопасности во время холодной войны.

Более того, до создания АСЕАН между странами Юго-Восточной Азии было гораздо больше конфликтов, что делало регион хрупким, а создание Ассоциации явилось важным фактором, способствующим процветанию и мирному развитию рассматриваемого региона.

В частности, бывший председатель Совета Безопасности ООН Кишоре Махбубани даже утверждал, что Ассоциация государств Юго-Восточной Азии заслуживает присуждения Нобелевской премии мира за то, что она сделала для поддержания мира и безопасности в регионе²⁹⁵.

Но в настоящее время этот мир может оказаться под угрозой, поскольку многие государства данного региона сталкиваются с серьезным испытанием для своего мира и безопасности в виде спора и территориальных претензий вокруг Южно-Китайского моря, который может быть одним из самых сложных вопросов, с которыми сталкивалась АСЕАН.

Прежде всего, вопрос, стоящий перед регионом, заключается в том, каким образом и в какой степени Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (как региональная организация) может играть роль в разрешении указанного выше спора.

Следует особо отметить, что территориальные претензии вокруг Южно-Китайского моря не является непосредственным конфликтом внутри АСЕАН. Это конфликт с участием некоторых государств-членов, а именно Малайзии, Вьетнама, Брунея и Филиппин, но основная сторона притязаний, Китай, не является государством-членом Ассоциации.

В то же время несмотря на то, что Индонезия также не является стороной в споре²⁹⁶, она проявляет повышенный интерес к данному спору и была вовлечена во множество эскалаций и столкновений вдоль заявленной КНР линии девяти пунктиров в Южно-Китайском море.

Целесообразно подчеркнуть, что подобная ситуация не затрагивает напрямую все государства-члены. Дело в том, что другие государства, входящие в состав АСЕАН (речь идет о Таиланде, Камбодже, Лаосе и Мьянме), не являются ни стороной спора, ни участниками прямого противостояния Китаю в этом регионе.

²⁹⁵ Kishore Mahbubani and Jeffery Sng. The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://nuspress.nus.edu.sg/products/the-asean-miracle-a-catalyst-for-peace> (дата обращения 28.06.2022).

²⁹⁶ East Asia Forum. Gauging Indonesia's interests in the South China Sea [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.eastasiaforum.org/2020/06/26/gauging-indonesias-interests-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 28.06.2022).

В данной связи, следует отметить, что существуют две ключевые категории государств-членов Ассоциации:

- морские страны, которые в основном являются предъявляющими претензии на морские пространства Южно-Китайского моря;
- и государства, не имеющие выхода в указанное морское пространство, которые не принимают непосредственного участия в рассматриваемом споре.

Более того, некоторые государства-члены АСЕАН (Лаос и Камбоджа) зачастую очень полагались на Китай, поскольку для них КНР является наиболее важным источником развития посредством проектов помощи в целях развития и прямых иностранных инвестиций²⁹⁷.

Например, прямые иностранные инвестиции КНР в Камбоджу за 2020 г. составили более 860 млн долл. США²⁹⁸. С такой серьезной зависимостью от Китая эти государства-члены не позволят Ассоциации подорвать свои отношения с Китаем из-за ситуации, в которой они даже не участвуют.

Даже среди морских государств АСЕАН внутренняя политика повлияла на позицию по отношению к Китаю. Например, в случае с Филиппинами при переходе от бывшего президента Бениньо Акино III к президенту Дутерте произошел сдвиг политики государства в сторону более мягкого внешнеполитического отношения к КНР.

Кроме того, совершенно очевидно, что экономический интерес всех государств-членов Ассоциации в целом тяготеет к примирительному подходу к КНР. За последние несколько лет Китай предложил существенное количество инфраструктурных проектов государствам-членам в рамках своей инициативы «Один пояс, один путь».

Даже, если гипотетически Ассоциация вдруг проявит желание вмешаться и помочь каким-то образом разрешить спор, ей будет трудно занять

²⁹⁷ Reporting Asia. Laos and Cambodia: The China Dance. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.reportingasean.net/laos-cambodia-china-dance/> (дата обращения 28.06.2022)

²⁹⁸ Property Guru Asia Property Awards. Chinese investment in Cambodia reach \$860 million in first 11 months of 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.asiapropertyawards.com/en/chinese-investment-in-cambodia-reach-860-million-in-first-11-months-of-2020/> (дата обращения 28.06.2022)

твердую позицию по этому вопросу, поскольку государства-члены в экономическом плане существенно зависят от Китая.

Более того, необходимо учитывать происхождение Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, которая не предназначена для создания военного союза (аналогично НАТО), в котором все члены согласны с тем, что угроза одному из ее государств-членов означает угрозу для всех. АСЕАН никогда не рассматривал какую-либо одну страну в качестве общего врага для всех государств-членов.

Путь Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и споры в Южно-Китайском море. Используя Бандунгскую конференцию 1955 г. как надлежащий образец для подражания, многие государства Юго-Восточной Азии начали пытаться создать наднациональные группы для региональной поддержки. Так, например, Филиппины предложили создать антикоммунистическую группу, и за этим последовало множество подобных предложений из Манилы. Большинство подобных ранних попыток имели этнический или религиозный компонент, что – в итоге – сузило круг участников и не способствовало продвижению проекта регионализации так быстро, как ожидалось. Тем не менее, все эти движения демонстрировали заинтересованность в продвижении региона к какому-то интеграционному процессу²⁹⁹.

В 1961 г., несмотря на ряд конфликтов и соперничество, вызванных постколониальным чувством одержимости идеей национального развития, была создана Ассоциация Юго-Восточной Азии, в которую вошли Таиланд, Филиппины и Малайя. В 1963 г. в том же духе стремления к сотрудничеству и солидарности среди малайцев была создана Большая Малайская Конфедерация, или Мафилиндо, состоящая из Филиппин, Индонезии и Малайи (в данный момент – Малайзия). Однако ни одна из этих попыток не выдержала испытания временем. Мафилиндо не смогла приспособиться к

²⁹⁹ Ba, Alice D. 2009. (Re) Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations. Stanford: Stanford University Press.

соперничеству двух своих членов, а Ассоциация Юго-Восточной Азии была ослаблена из-за отсутствия официальных отношений между двумя из трех ее членов. И снова соперничающие между собой идеалы национального характера встали на пути региональной ассоциации Юго-Восточной Азии³⁰⁰.

В 1967 г. соглашение между группами, приверженными транснационализму и формированию альтернативного типа регионализма, позволило создать Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии. Этому способствовало появление новых способов осмысления таких концепций, как национализм и регионализм.

В то время регионализм и национализм были в значительной степени взаимоисключающими, по крайней мере, в глазах многих лидеров Юго-Восточной Азии. Идеи самоопределения, национальных интересов и этики невмешательства – столь сильные в ближайшую постколониальную эпоху – становились союзниками таких идей, как единство, солидарность и региональная сплоченность. В своей совокупности, это означало осязаемое стремление покончить с конфликтами между государствами в регионе, и в результате привело к созданию условий, необходимых для возникновения коалиции государств Юго-Восточной Азии.

В таких условиях Ассоциация государств Юго-Восточной Азии была основана на следующих ключевых принципах:

- невмешательство;
- «тихая» (латентная) дипломатия;
- отсутствие применения силы;
- и принятие решений на основе консенсуса – другими словами, по пути

Ассоциации государств Юго-Восточной Азии³⁰¹.

Приведенные ранее базовые принципы позволили АСЕАН, объединенной региональным предложением, иметь достаточно свободную структуру с тем, чтобы интегрировать в себя страны, являющимися

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Hazmi, Adli. 2020. What is 'ASEAN Way'? Seasia, January 20, 2020.

историческими соперниками, и тем самым нивелировать потенциальную угрозу их сохраняющемуся суверенитету³⁰².

Важно отметить, что тот же самый Путь Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, который был основополагающим для создания Ассоциации, несет ответственность за воспрепятствование любым решительным действиям группы перед лицом морских территориальных претензий к ее членам в Южно-Китайском море. Безусловно, такие претензии непосредственно связаны с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., принятой через 15 лет после основания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и затрагивающей (как минимум) половину ее членов.

Конвенция ООН по морскому праву и Путь Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. В 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву привела к соглашению по вопросу об ответственности и правах государств на мировых морских путях. Дело в том, что конкурирующие претензии в рассматриваемом регионе приобрели серьезный характер после Второй мировой войны, но получили ощутимый новый импульс уже после разработки и принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В частности, нужно обязательно сказать о том, что обнародование ее правил, регулирующих определение территориальных морей, ИЭЗ и континентальных шельфов реально позволяет соответствующим странам расширить собственную прибрежную территорию и открывает новые возможности для исследования природных ресурсов и морского патрулирования.

Конвенция ООН 1982 г. установила конкретные и в надлежащей степени четкие правила относительно разведки и разработки ресурсов (живых и неживых), свободы судоходства, территориальных прав и разрешения споров. В этом основополагающем (в сфере современного международного морского права) договоре рассматривается широкий спектр проблемных вопросов, в том числе, права прибрежных государств на суверенитет над морской территорией

³⁰² Garofano, John. 2002. Power, Institutions, and the ASEAN Regional Forum: A Security Community for Asia? Asian survey 42, no. 3: 502–521.

и воздушным пространством, и обеспечивается механизм разрешения конфликтов в случаях споров, основанных на перекрывающихся требованиях.

Конвенция ООН 1982 г. вступила в силу в 1994 г., когда ее уже ратифицировали Филиппины (1984 г.) и Вьетнам (1994 г.). Несколько лет спустя Малайзия и Бруней (1996 г.) ратифицировали Конвенцию. Другие члены АСЕАН также ратифицировали этот международный договор универсального уровня, в том числе Индонезия (1986 г.), Сингапур (1994 г.), Мьянма (1996 г.), Лаос (1998 г.) и Таиланд (2011 г.). Камбоджа подписала договор в 1983 г., но так и не ратифицировала его. Китай, не являющийся государством-членом АСЕАН, но поддерживающий обширные отношения с членами Ассоциации (и имеющий с ними острые морские и территориальные споры в Южно-Китайском море), ратифицировал данную Конвенцию в 1996 г.

Однако Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – не единственный механизм рассмотрения требований государств-членов Ассоциации в Южно-Китайском море. Так, например, в 2002 г. АСЕАН и Китай подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (далее – Декларация 2002 г.), в которой применяются те же принципы, что и в Уставе Ассоциации государств Юго-Восточной Азии 1967 г. В частности, к территориальным спорам используется Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. в качестве основы для рассмотрения претензий и споров между государствами-членами АСЕАН и КНР.

Однако Декларация 2002 г. не имеет обязательной силы и не имеет механизма разрешения споров, что, безусловно, позволяет подписавшим его сторонам разрешать свои разногласия на добровольной основе, не передавая споры в международные судебные учреждения. К сожалению, Декларация 2002 г. не смогла сформировать единую позицию государств-членов АСЕАН применительно к претензиям Китая в отношении территории государств-

членов, главным образом, из-за того, что у этих членов были различные интересы в данном вопросе³⁰³.

Следовательно, без возможности продвижения к желаемому Кодексу поведения, переговоры по которому ведутся с 1999 г. и который будет иметь обязательную силу, включая конкретные механизмы разрешения споров, Декларация 2002 г. остается не самым эффективным инструментом. Китай является главным препятствием на пути принятия Кодекса поведения, поскольку любой такой кодекс ограничил бы претензии названного государства³⁰⁴.

Учитывая уровень напряженности за последние несколько лет, в основном между Филиппинами и Китаем, а также между Вьетнамом и Китаем, в 2017 г. была предпринята новая попытка достичь базового соглашения о характере и масштабах нового Кодекса поведения. В августе того же года министры иностранных дел АСЕАН и их китайские коллеги одобрили основу для обновленной версии Кодекса поведения в Южно-Китайском море, в значительной мере базирующуюся на Декларации 2002 г.

В связи с изложенным ранее, важно подчеркнуть, что в различных спорах и претензиях в Южно-Китайском море участвуют члены АСЕАН и международные акторы, имеющие прямые отношения с Ассоциацией. Поэтому, на наш взгляд, подобные споры и претензии необходимо анализировать на индивидуальной основе, а также с учетом того важного обстоятельства, каким образом они оказывают влияние на принятие решений АСЕАН, осуществляемое на основе консенсуса.

Индивидуальные стратегии государств-членов АСЕАН. Основные претензии в Южно-Китайском море, определяемом как полузамкнутый водоем, касаются островов Сиша и островов Наньша. В то время, как архипелаг Сиша находится под контролем КНР с 1974 г., и на него претендуют

³⁰³ Severino, Rodolfo C. 2014. The Philippines and the South China Sea. In *Entering Unchartered Waters? ASEAN and the South China Sea*, edited by Pavin Chachavalpongpun, 166-207.

³⁰⁴ Thayer, Carlyle A. 2012. ASEAN's Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community-Building? *The Asia Pacific Journal* 10, no. 34, August.

Вьетнам и КНР, острова Наньша обладают наибольшим количеством перекрывающихся претензий в регионе, при этом КНР предъявляют претензии на острова, принадлежащие Вьетнаму, Филиппинам, Малайзии и Брунею.

Надо подчеркнуть, что члены АСЕАН имеют различные индивидуальные позиции по вопросу Южно-Китайского моря. Только некоторые члены Ассоциации являются претендентами, и среди них остаются некоторые пограничные споры, даже если Китай не интегрирован в последние. Между тем, экономическое и политическое влияние КНР непосредственно затрагивает каждую страну, входящую в состав АСЕАН, хотя такое влияние не является однородным. Некоторые государства-члены (особенно не претенденты) уделяют больше внимания развитию двусторонних отношений с Китаем, и менее всего проявляют интерес к переговорам по проблемным вопросам Южно-Китайского моря. Изложенная ситуация, де-факто, запрещает членам АСЕАН консолидировать свое влияние в совместных усилиях, направленных на коллективное разрешение территориальных споров.

Влияние государств на принятие решений АСЕАН. Известно, что соответствующие решения Ассоциации принимаются на основе консенсуса во время ежегодных собраний министров иностранных дел ее государств-членов. Гибкая структура рассматриваемой Организации, которая представляет собой важный компонент ее успеха и, по сути, квинтэссенцию идеи ее создания, проистекает из «Пути АСЕАН». В то же время, возникает в определенной мере известный парадокс: указанный выше принцип консенсуса синхронно вполне возможно позиционировать и как преимущество, и как недостаток.

Государства-члены АСЕАН, как правило, чрезмерно сосредоточены на своих индивидуальных приоритетах и, за немногими исключениями, на самом деле не пожинают плоды (или издержки) членства в наднациональной организации. Для того чтобы проанализировать процесс принятия решений Ассоциацией, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть семь важных встреч АСЕАН, на которых были рассмотрены трудные решения, касавшиеся споров по Южно-Китайскому морю.

До 1984 г. пять первоначальных членов АСЕАН разделяли ряд характеристик, одной из которых был стойкий антикоммунизм, что приводило к глубокому недоверию к экспансионизму КНР. Эта модель сохранилась и в Брунее, бывшем британском протекторате, но со временем такая позиция стала менее важной, по крайней мере, с идеологической точки зрения. Тем не менее, страх перед неконтролируемым китайским экспансионизмом сохранялся, и к нему серьезно относились самые стойкие члены АСЕАН.

Такая ситуация кардинально изменилась с принятием в Ассоциацию Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи – все они либо коммунистические, либо авторитарные, либо их смесь – в группу, смешав относительно ослабевающее недоверие ядра к КНР с глубокой экономической и политической зависимостью новых членов. Даже изначальные члены, такие как Таиланд, постепенно смягчили свою позицию по отношению к КНР, поскольку они использовали все блага в связи со стремительным ростом торговли и инвестиций КНР и не претендовали на Южно-Китайское море.

Стоит отметить, что географическая концентрация АСЕАН несколько уменьшилась после вступления в нее Лаоса, Мьянмы и Камбоджи, не имеющих береговой линии в акватории Южно-Китайского моря. Не случайно Лаос, Мьянма, Камбоджа и Таиланд чаще всех голосуют за компромисс с КНР.

С момента своего основания в 1967 г. АСЕАН успешно обеспечивала мир в своем беспокойном регионе. Путь АСЕАН превратил Юго-Восточную Азию «де-факто в сообщество безопасности, где для любой страны-члена практически невозможно вести войну против другой». Превентивная дипломатия и совместная безопасность – это правила игры в АСЕАН. Однако, когда дело доходит до споров по Южно-Китайскому морю, в которых участвуют члены АСЕАН и Китай, региональный орган еще не выработал оптимального ответа и соответствующую линию поведения»³⁰⁵.

³⁰⁵ Heydarian, Richard J. 2015. Face-Off: China vs. ASEAN in the South China Sea and Beyond. National Interest, January 9, 2015.

АСЕАН и ее собственный уникальный взгляд на регионализм не могут быть исчерпывающим образом объяснены классическими теориями региональной интеграции. В частности, речь идет о неофункционализме или теории режима, а также о новых подходах, таких как институциональные переговоры. Тем не менее, указанные теории могут дать нам интересное представление о причинах недостаточной уверенности АСЕАН в спорах о Южно-Китайском море.

Именно деятельность различных заинтересованных групп, продвигающих интеграцию, как это было представлено, прежде всего, сыграла важную роль в создании АСЕАН. На региональном уровне деятельность таких групп интересов, главным образом, была связана с торгово-экономическими вопросами. Безусловно, роль национальных правительств гораздо важнее, чем роль наднациональных институтов; в основном из-за динамики пути АСЕАН. Что касается политических партий региона, то они не имели никакого веса, когда дело дошло до установления «бренда» регионализма АСЕАН. Все эти элементы занимают центральное место в классической неофункционалистской теории, объясняющей успех региональной интеграции внутри и за пределами Европы.

Создание наднациональных институтов и организаций внутри блока является центральной характеристикой неофункционалистской теории. АСЕАН не обладает наднациональными институтами потому, что наднационализм требует, чтобы наднациональная организация имела принудительную власть над своими членами, чего нет в АСЕАН.

Механизм передачи лояльности, представленный в качестве последнего шага в неофункционалистской теории, является самым дальним шагом АСЕАН, и причина этого весьма показательно иллюстрируется спорами о Южно-Китайском море. Даже с экономической интеграцией, которую пережила АСЕАН, передачи лояльности с национального на наднациональный уровень не произойдет. Во-первых, потому что в АСЕАН нет наднациональной организации в строгом смысле этого слова. Во-вторых,

у членов АСЕАН есть давнее, но скрытое соперничество, которое препятствует любому такому отождествлению. В-третьих, государства-члены Ассоциации еще не готовы уступить какую-либо часть собственного суверенитета наднациональному образованию.

В случае разногласий по Южно-Китайскому морю, которые есть у членов АСЕАН с Китаем, поведение и действия данной Организации являются слабыми. Подобная ситуация возникла не только из-за «Пути АСЕАН», но и вследствие индивидуалистических позиций ее членов и их опасений относительно передачи какой-либо суверенитета сильным региональным институтам во главе с АСЕАН, которые могли бы представлять их интересы в таких переговорах.

Анализируя позицию АСЕАН через призму теории режима, мы можем предположить, что принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений внутри этой Организации помогают сближению ожиданий акторов в данной проблемной сфере. В случае споров по Южно-Китайскому морю можно сказать, что после более чем 20-летних попыток выработать общую позицию для решения этой проблемы, АСЕАН мало что добила. Споры все еще продолжаются, даже между некоторыми ее собственными членами. Такое положение усугубляется неуступчивостью позиции КНР.

В данном смысле АСЕАН демонстрирует четкие принципы: стремление к стабильности в регионе, как правило, путем неприменения насилия. Но «Путь АСЕАН» с его расплывчатым подходом к большинству вопросов, касающихся индивидуального позиционирования членов по отношению к Организации, представляет собой скудный набор норм, мало что предлагающий с точки зрения обязательств и прав, особенно в отношении проблемы, непосредственно связанной с безопасностью. То есть, любая конкретная проблема, угрожающая одному или нескольким членам, не обязательно рассматривается другими в качестве существенной проблемы для всей Организации.

Такой свободный набор норм приводит к отсутствию правил и, следовательно, препятствует способности Ассоциации разрабатывать и принимать решительные действия. На самом деле, наиболее распространенное решение, принятое АСЕАН при рассмотрении споров о Южно-Китайском море, заключалось в том, чтобы призвать всех заявителей успокоиться, соблюдать Декларацию 2002 г. и ждать принятия Кодекса поведения. С такой институциональной архитектурой процесс принятия решений не выглядит достаточно подготовленным, чтобы справляться с такими проблемами, какими являются споры о Южно-Китайском море.

В отличие от того, что предлагает теория режима, эти процедуры принятия решений обеспечивают ограниченный коллективный выбор в АСЕАН, поскольку на него весьма существенно влияют индивидуальные интересы каждого члена. Таким образом, согласно теории, он стоит на пути формирования реального режима. При такой динамике неудивительно, что те члены Ассоциации, которые выступают в роли инициаторов претензий и споров по Южно-Китайскому морю, начали искать иные альтернативы за пределами самой Организации. Следовательно, принимая во внимание только один этот фактор, большее число участников затруднило бы достижение консенсуса. Но присутствие членов, находящихся под влиянием КНР по причине его экономической и политической мощи, лишь ухудшает перспективы оперативного и решительного принятия решений, особенно в проблемных сферах, где может возникнуть серьезная проблема безопасности, затрагивающая Китай или его интересы. Таким образом, с точки зрения количественного состава участников АСЕАН, расширение обусловило только большую неэффективность, а также невозможность добиться более экстренного и грамотного решения, по крайней мере, в отношении споров по Южно-Китайскому морю.

С позиции силы, которая включает в себя степень обязательности соглашений, «Путь АСЕАН», безусловно, вредит – или, по крайней мере, не помогает – интересам членов АСЕАН при решении споров относительно

Южно-Китайского моря. Дело в том, что индивидуальные интересы ставятся выше коллективных, и какое-либо принуждение к ним едва ли возможна. Такая специфика наглядно демонстрирует, что, если «Путь АСЕАН» был инновацией, крайне необходимой в целях исцеления пораженного соперничеством развивающегося региона в 60-х гг. XX века, то с тех пор он стал явно ощутимым барьером для решения проблем безопасности, возникших в результате иностранного давления.

Кроме того, нужно особо заметить, что в Ассоциации институциональное делегирование является минимальным, что практически не способствует автономии институциональных органов. Данное отсутствие автономии и наделение слишком широкими полномочиями по принятию решений на встречах министров и саммитах АСЕАН только подчеркивает важность последних. Однако, как мы видели, проблема Южно-Китайского моря систематически замалчивалась вследствие специфики уже изложенного процесса.

АСЕАН удалось ослабить соперничество между членами в области безопасности и избежать новых конфликтов между ними. В то же время, углубление интеграционных процессов произошло в экономической сфере. В других областях (речь идет о культурных отношениях, мерах по борьбе с пиратством, управлении стихийными бедствиями) наблюдается лишь умеренное развитие. В политическом плане процесс застопорился, особенно в плане выработки общих ориентиров для решения критических проблем, возникших в результате внешнего давления. В таких случаях представляется, что для большинства стран важна не сплоченность или консенсус организации, а скорее их индивидуальные интересы.

В политическом плане АСЕАН можно охарактеризовать как замкнутый в себе институт, стремящийся ослабить внутреннюю напряженность. Поэтому неудивительно, что рассматриваемая Организация сталкивается со многими проблемами при попытках справиться с внешним противостоянием. В данной связи, вполне уместно отметить, что, когда дело *реально* дойдет до споров по

Южно-Китайскому морю (при участии членов АСЕАН и Китая), региональному органу еще предстоит выработать оптимальный ответ. Помимо этого, Ассоциация не наделена юридическим мандатом и не имеет надлежащих бюрократических возможностей для обеспечения соблюдения региональных общепринятых принципов и правил³⁰⁶.

Совершенно очевидно, что «Путь АСЕАН» сыграл важную роль в создании Ассоциации, как говорится, «с нуля» при помощи своеобразного симбиоза региональных концепций и национальных проблем в целях достижения стабильной политической обстановки в Юго-Восточной Азии. Но – в то же время – указанный «симбиоз» является и существенным препятствием для консолидации общих взглядов на внешнее давление, оказываемое на государства-члены.

Более того, АСЕАН не добилась успеха в решении пограничных споров между своими членами и еще менее успешна в разрешении пограничных споров между первыми и Китаем. Полная реализация Декларации 2002 г., которая в идеале привела бы к принятию Кодекса поведения, кажется неосуществимой в краткосрочной перспективе.

Наконец, мы можем ответить на три вопроса, поставленных в начале этой главы и являющихся центральными для понимания дилеммы АСЕАН. Позиции десяти членов АСЕАН в отношении споров в Южно-Китайском море совершенно разные и немного различаются в зависимости от их географического положения (насколько они близки к акватории), их территориальных или экономических притязаний в регионе (сочетание оборонных и экономических соображений) и какие у них отношения с Китаем. Данный довольно широкий диапазон условий также непосредственно оказывает существенное влияние на позицию Ассоциации в отношении того, каким образом разрешать конфликты в Южно-Китайском море. Такая позиция

³⁰⁶ Heydarian, Richard J. 2015. Face-Off: China vs. ASEAN in the South China Sea and Beyond. *National Interest*, January 9, 2015.

связана с «Путем АСЕАН», который по своей природе ведет к возвышению индивидуальных интересов над коллективными или наднациональными.

Что касается последних двух вопросов, то стоит отметить, что множество различных позиций по спорам и свободная структура Ассоциации не позволяют АСЕАН занять более жесткую позицию по проблемным вопросам, связанным с Южно-Китайским морем. В этом смысле «Путь АСЕАН», скорее всего, продолжит ослаблять объединение с точки зрения безопасности и обороны, несмотря на его силу в установлении экономических и социально-политических связей в регионе, тем самым вынуждая его членов искать другие механизмы, выходящие за рамки уже созданного и функционирующего института с тем, чтобы решать подобные вопросы.

В заключение следует отметить, что в настоящее время АСЕАН играет важную роль в урегулировании территориальных споров в Южно-Китайском море при помощи таких инициатив, как Региональный форум АСЕАН – многосторонний форум, в который входят АСЕАН и ее партнеры, включая Китай, США, Японию и Южную Корею, и обеспечивает платформу для диалога и сотрудничества по вопросам безопасности, включая споры в Южно-Китайском море, и Кодекс поведения в Южно-Китайском море 2016 г., через которые Ассоциация способствует диалогу и сотрудничеству между государствами-претендентами, а также работает над мирным разрешением споров в рассматриваемом регионе.

АСЕАН предприняла ряд шагов, нацеленных на снижение напряженности в Южно-Китайском море. Например, в 2020 г. АСЕАН и Китай приняли единый проект текста для переговоров по структуре упомянутого выше Кодекса. Несмотря на то, что прогресс был медленным, это представляет собой значимый шаг на пути к заключению юридически обязывающего международного соглашения, которое могло бы помочь в определенной мере снизить уровень напряженности в регионе.

Кроме того, АСЕАН продолжает подчеркивать важность соблюдения принципов Конвенции 1982 г. и уважения международного права. Имеются в

виду мирное урегулирование споров, свобода судоходства и полетов, а также самоограничение.

Помимо этого, Ассоциация работала над укреплением своего сотрудничества в области морской безопасности и усилий по наращиванию потенциала. Например, она учредила Морской форум АСЕАН для развития диалога и сотрудничества между морскими заинтересованными сторонами, а также создала ряд региональных центров и институтов, занимающихся морской безопасностью и сотрудничеством.

Однако, несмотря на эти усилия, напряженность в Южно-Китайском море продолжает быть высокой, а споры и территориальные претензии остаются неурегулированными. АСЕАН по-прежнему сталкивается с серьезными проблемами в решении сложных и деликатных вопросов. Тем не менее, Ассоциация все также привержена развитию диалога и сотрудничества между всеми сторонами и работе над мирным разрешением споров в Южно-Китайском море.

2. Реализация проектов по совместной разработке ресурсов Южно-Китайского моря

Как было уже неоднократно отмечено, политическая ситуация в Южно-Китайском море является в достаточной степени сложной, поскольку содержит в себе потенциал для конфликта различных национальных интересов, в частности, вокруг островов Наньша, на которые в данный момент предъявляются многочисленные территориальные и морские претензии. В этом разделе настоящего диссертационного исследования приводятся научно обоснованные аргументы в пользу нового предложения о совместном развитии, по крайней мере, в качестве временного средства до урегулирования территориальных и морских споров, при участии всех заинтересованных сторон на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море между Ассоциацией государств

Юго-Восточной Азии и Китаем 2002 г., чтобы проложить путь к совместному использованию ресурсов между членами АСЕАН и Китаем, с одной стороны, и поддержанию регионального мира и безопасности в Восточной Азии, с другой.

Южно-Китайское море классифицируется как полузакрытое море в Восточной Азии согласно общему определению, содержащемуся в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.: «Для целей настоящей Конвенции «замкнутое или полузамкнутое море» означает море, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщаемое с другим морем или океаном через узкий проход, или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств»³⁰⁷. Южно-Китайское море географически подходит под это определение, поскольку его окружают шесть государств – Китай и Китайский Тайвань, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Малайзия и Индонезия. Его площадь составляет 648 тыс. квадратных морских миль, что вдвое больше Японского моря³⁰⁸. В Южно-Китайском море находятся сотни небольших островов, а именно необитаемые островки, отмели, рифы, берега, пески, бухты и скалы.

Концепция совместного развития впервые появилась в международном праве в 70-х гг. XX века. В соответствующей юридической литературе существуют различные определения понятия «совместное развитие». Более раннее определение было предложено Райнером Лагони, немецким ученым, который определил совместное освоение как «сотрудничество между государствами в отношении разведки и эксплуатации определенных месторождений или скоплений неживых ресурсов, которые либо простираются через границу, либо находятся в зоне перекрывающихся претензий»³⁰⁹.

³⁰⁷ Ст. 122. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 01.07.2022).

³⁰⁸ J.R.V. Prescott, *The Maritime Political Boundaries of the World* (London, Methuen, 1985), p. 209.

³⁰⁹ Masahiro Miyoshi, *The Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation*, (1999) 2 *Maritime Briefing* 5.

В свою очередь, Гольт Ай трактует совместную разработку в качестве решения «одной или нескольких стран объединить любые права, которые они могут иметь на определенную территорию, и, в большей или меньшей степени, предпринять некоторую форму совместного управления с целью разведки и разработки морских полезных ископаемых»³¹⁰.

Еще одним ученым-первопроходцем в сфере изучения проблемы совместного развития является Уильям Т. Онорато, который в 1968 г. опубликовал статью с обсуждением самой идеи совместного развития³¹¹. Еще одна статья с аналогичным названием была опубликована в том же журнале в 1977 г.³¹² Наиболее важным замечанием названного автора является то, что старая доктрина, согласно которой потенциальное общее нефтяное месторождение должно быть направлено на сохранение «единства месторождения ... или, точнее, на единство национального владения и полномочий по его эксплуатации» устарела, и такое месторождение может быть принято в совместную собственность нескольких государств, под которыми оно может находиться³¹³.

Хотя в публикациях названных ранее авторов не содержится определения совместной разработки, понятие совместной собственности, в частности, в отношении ее распределения, указывает на возможность совместной разработки между заинтересованными государствами. Миёси даже заметил, что первоначальная идея совместной разработки может быть прослежена еще в «1930-х годах, когда в Соединенных Штатах можно было найти исследования и судебные дела о совместной разработке нефти»³¹⁴.

В то же время, будучи современным понятием в международном праве, совместное развитие является относительно новым. Кроме того, приведенные

³¹⁰ I.T. Gault, Joint Development of Offshore Mineral Resources – Progress and Prospects for the Future, (1988) 12 Mineral Resources Forum 3, 275.

³¹¹ William T. Onorato, Apportionment of an International Common Petroleum Deposit, (1968) 17 International and Comparative Law Quarterly 85-101.

³¹² Там же. С. 324-337.

³¹³ Там же. С. 325.

³¹⁴ Masahiro Miyoshi, The Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation, (1999) 2 Maritime Briefing

выше определения имеют некоторые ограничения, делая акцент либо на перекрывающихся претензиях, либо на общем сотрудничестве без конкретики.

В связи с этим, Британский институт международного и сравнительного права, сравнив различные дефиниции, определяет совместную разработку как «соглашение между двумя государствами о совместной разработке в согласованных пропорциях путем межгосударственного сотрудничества и национальных мер морских нефти и газа в обозначенной зоне морского дна и недр континентального шельфа, на которые оба или одно из государств-участников имеют право по международному праву»³¹⁵.

На наш взгляд, данное определение является достаточно широким для того, чтобы охватить все соответствующие ситуации, в которых необходимо и/или требуется совместное развитие. В целом, концепция совместной разработки содержит несколько ключевых детерминант:

- это соглашение между двумя странами;
- она обычно касается пересекающегося морского района;
- она может использоваться в качестве временной договоренности до урегулирования споров о делимитации границ между заинтересованными странами;
- оно предназначено для совместной разработки минеральных ресурсов в спорном районе или в районе, находящемся в совместном пользовании двух стран.

В данном смысле совместное развитие представляет собой наиболее реальный механизм, при помощи которого вполне возможно отложить спор с тем, чтобы, как говорится, «подготовить почву» для сотрудничества до урегулирования территориальных и/или морских споров по определенной морской акватории в связи с перекрывающимися претензиями.

³¹⁵ The British Institute of International and Comparative Law (BIICL) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.biicl.org/?cookieset=1&ts=1656664250> (дата обращения 01.07.2022)

Необходимо отличать концепцию совместной разработки от схожих концепций, таких как унификация, которая охватывает одну и ту же структуру, лицензированную двумя нефтяными компаниями, или совместное предприятие, которое создается, скажем, между китайским предприятием и иностранным инвестором, хотя детальная реализация совместной разработки будет включать в себя черты унификации и/или соглашения о совместном предприятии. Кроме того, совместное развитие несет в себе особый смысл и не должно пониматься просто как нечто эквивалентное совместному сотрудничеству. Наконец, хотя совместное развитие в основном применимо к использованию минеральных ресурсов, оно не исключено и в области управления морскими живыми ресурсами, о чем свидетельствуют некоторые существующие случаи, такие как Договор между Колумбией и Ямайкой от 12 ноября 1993 г., который устанавливает «зону совместного режима» для совместного управления, контроля, разведки и эксплуатации живых и неживых ресурсов³¹⁶, и Соглашение между Гвинеей-Бисау и Сенегалом от 14 октября 1993 г., которое охватывает не только нефть и газ, но и живые морские ресурсы³¹⁷.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. обеспечивает правовую основу для совместного развития в разграниченных морских районах до решения вопроса о делимитации морской границы. Статьи 74(3) и 83(3) предусматривают, что до достижения соглашения о делимитации ИЭЗ и континентального шельфа заинтересованные государства в духе понимания и сотрудничества должны «приложить все усилия для заключения временных договоренностей практического характера и в течение этого переходного периода не ставить под угрозу или препятствовать достижению окончательного соглашения». Эта правовая норма была подтверждена во многих существующих делах и может быть применена к Южно-Китайскому морю. Тем не менее, Конвенция 1982 г. оставляет иные возможности для

³¹⁶ Masahiro Miyoshi, *The Joint Development of Offshore Oil and Gas in Relation to Maritime Boundary Delimitation*, (1999) 2 *Maritime Briefing*

³¹⁷ Там же.

заинтересованных государств в отношении того, могут ли они заключать соглашения о совместном развитии после делимитации морской границы.

Следует отметить, что еще в 1969 г. Международный суд ООН (МС ООН) затронул этот вопрос в деле о континентальном шельфе Северного моря, заключив в своем решении следующее: «Если ... делимитация оставляет Сторонам зоны, которые пересекаются, они должны быть разделены между ними в согласованных пропорциях или, если соглашение не достигнуто, поровну, если только они не примут решение о режиме совместной юрисдикции, использования или эксплуатации зон пересечения или любой их части»³¹⁸.

Наконец, следует отметить, что мирное разрешение международных споров является одним из основополагающих принципов международного права, закрепленных как в Уставе ООН, так и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Совместное развитие является одним из вариантов мирного урегулирования споров в морской сфере.

В мировой практике существует множество прецедентов, закрепляющих соглашения о совместном развитии. Первый такой договор был заключен между Кувейтом и Саудовской Аравией в 1922 г., что является самым ранним примером режима совместного развития. На основании Акерского соглашения 1922 г. оба государства были соарендаторами в нейтральной зоне, владея долями поровну и совместно в кондоминиуме, а позже они дали согласие на совместное развитие своими концессионерами³¹⁹.

В целом, существует три типа схем совместного развития:

1. должны быть разработаны договоры с делимитацией морской границы, например, Соглашение между Бахрейном и Саудовской Аравией о делимитации континентального шельфа от 22 февраля 1958 г., Франко-Испанская конвенция о делимитации континентального шельфа двух государств в Бискайском море от 29 января 1974 г., Соглашение между

³¹⁸ North Sea Continental Shelf Cases, Judgment of 20 February 1969, [1969] ICJ Rep 53.

³¹⁹ G.H. Blake, M.A. Pratt and C.H. Schofield (eds.), *Boundaries and Energy: Problems and Prospects* (London, Kluwer Law International, 1998), P. 436–437.

Суданом и Саудовской Аравией о совместной разведке и разработке природных ресурсов морского дна и недр Красного моря в делимитированном районе двух государств в Красном море от 16 мая 1974 г. и Соглашение между Исландией и Норвегией о континентальном шельфе между Исландией и островом Ян-Майен от 22 октября 1981 г.;

2. в целях унификации углеводородных месторождений, которые проходят через линию границы, например, Соглашение между Норвегией и Соединенным Королевством о делимитации континентального шельфа между двумя странами от 10 марта 1965 г. и последующие соглашения о разработке газа, в районе месторождений Фригг, Статфьорд и Мерчисоне;

3. соглашения, выработанные, когда вопрос делимитации границ отложен или остается нерешенным, такие как Японо-Корейское соглашение о совместном освоении южной части континентального шельфа, прилегающего к двум странам, от 30 января 1974 г., Меморандум о взаимопонимании между Малайзией и Таиландом об учреждении совместного органа по эксплуатации ресурсов морского дна в деконсервированной зоне двух стран в Сиамском заливе от 21 февраля 1979 г. (за которым последовало Соглашение о совместном освоении между Малайзией и Таиландом 1990 г.), и Договор между Австралией и Индонезией о зоне сотрудничества в районе между индонезийской провинцией Восточный Тимор и Северной Австралией от 11 декабря 1989 г. (в настоящее время заменен Соглашением между Австралией и Тимор-Лесте 2002 г.). Третий тип связан с положениями о временных договоренностях в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.³²⁰

Некоторые существующие модели совместного развития благоприятствуют инициированию и развитию аналогичной модели для Южно-Китайского моря. В действительности, они существуют по всему миру, от модели Северного моря до Арабского моря, и от Азии до Латинской

³²⁰ Thomas A. Mensah and Bernard H. Oxman (eds.), *Sustainable Development and Preservation of the Oceans: The Challenges of UNCLOS and Agenda 21* (Honolulu, the Law of the Sea Institute, University of Hawaii, 1997), P. 613-614.

Америки. В регионе Восточной Азии совместное развитие также является способом двустороннего сотрудничества между заинтересованными странами, как, например, японо-южнокорейское соглашение в Японском и Восточно-Китайском морях в 70-х гг. прошлого века, зона совместного развития Малайзии и Таиланда в Сиамском заливе, а также зона совместного развития Австралии и Индонезии для Тиморского моря.

Японо-Южно-Корейское соглашение о совместном развитии было первым подобным соглашением в Восточной Азии. Эта договоренность была основана на нескольких соглашениях, подписанных между двумя странами. Оно имеет важное значение для государственной практики, поскольку представляет собой первое применение идеи совместной разработки нефти на шельфе, когда стороны не смогли договориться о делимитации границ. Согласно соглашению, концессионеры, уполномоченные двумя соответствующими правительствами, имеют безраздельный интерес в отношении каждой из девяти определенных подзон, и один оператор выбирается из числа уполномоченных концессионеров для конкретной подзоны. Однако «формула оператора», которая переносит применимое к оператору законодательство из Японии в Корею или наоборот, создает неудобства для оператора, когда он переносит свою работу из одной подзоны в другую подзону. Соглашение учреждает Совместную комиссию в качестве консультативного органа для реализации соглашения.

Китай выразил решительный протест против названного Соглашения о «совместном развитии» и осудил его как посягательство на свой суверенитет. КНР считает данный международный документ недействительным, нелегитимным и не имеющим обязательной силы для третьего государства³²¹. В то же время, Китай заявил, что метод разграничения участков континентального шельфа в Восточно-Китайском море должен быть определен путем консультаций между всеми заинтересованными странами. Хотя неясно, подразумевал ли Китай под этим заявлением трехсторонние

³²¹ Zhao Lihai, *Studies on the Law of the Sea* (Beijing, Peking University Press, 1996) (in Chinese), P. 55.

консультации, его можно интерпретировать как предположение о многостороннем подходе, который будет способствовать аналогичным консультациям по спорам в Южно-Китайском море. Следует особо подчеркнуть, что у этого подхода есть своя предыстория³²².

Первоначально в обсуждение возможных совместных разработок в Восточно-Китайском море были вовлечены китайцы Тайваня. В ноябре 1970 г. был создан японо-южнокорейский комитет по связям, позже эта организация была переименована в Китайско-Японско-Корейский совместный комитет по исследованию освоения океана. Однако эта инициатива сотрудничества закончилась в сентябре 1972 г., когда Китайский Тайвань вышел из состава комитета. Если бы между тремя сторонами было заключено какое-либо соглашение, это вызвало бы сильные последствия в Восточной Азии, как юридические, так и политические. Одна из причин, по которой Китай решительно протестовал против двустороннего соглашения между Японией и Южной Кореей, может быть связана с ранним участием китайский Тайваньской стороны.

С нашей точки зрения, еще более значимым является совместное Соглашение трех стран – Малайзии, Таиланда и Вьетнама – в Сиамском заливе в отношении их морских территорий, на которые они претендуют *все вместе и сразу*, где в 1999 г. названные государства договорились об установлении режима совместного развития. Когда трехстороннее соглашение вступит в силу, оно станет первым многосторонним соглашением о совместном развитии³²³.

Трехстороннее соглашение, однако, основано на двух связанных двусторонних соглашениях либо между Малайзией и Таиландом, либо между Малайзией и Вьетнамом. В 1979 г. Малайзия и Таиланд подписали Меморандум о взаимопонимании о создании на временной основе сроком на

³²² Hurng-yu Chen, The Prospects for Joint Development in the South China Sea, (1991) 27 Issues and Studies 12, 122.

³²³ Nguyen Hong Thao, Vietnam and Joint Development in the Gulf of Thailand, 8 Asian Yearbook of International Law 138-139.

50 лет совместного органа Малайзии и Таиланда «с целью разведки и разработки неживых природных ресурсов морского дна и недр в зоне пересечения». Более чем через 10 лет две страны разработали конституцию и другие вопросы, связанные с созданием такого органа, который обеспечивает детали операции в совместной зоне³²⁴.

В этой схеме совместной разработки есть две яркие особенности: мощный совместный орган, который принимает решения по плану работ и рабочей программе, разрешает операции и заключает транзакции или контракты, утверждает и продлевает период разведки и эксплуатации, утверждает рабочую программу и бюджеты подрядчика, проверяет (то есть, проводит аудит) бухгалтерские книги и счета оператора. Введение системы раздела продукции, включающей такие условия и положения, как срок действия контракта не более 35 лет, выплата 10% валовой добычи нефти подрядчиком совместному органу в качестве роялти, 50% валовой добычи должны быть использованы подрядчиком для возмещения затрат, оставшаяся часть валовой добычи должна быть разделена поровну между совместным органом и подрядчиком, все расходы по эксплуатации несет подрядчик, а любой спор, возникающий в связи с контрактом, подлежит передаче в арбитраж, если он не будет урегулирован мирным путем.

С другой стороны, Малайзия и Вьетнам в 1992 г. также подписали Меморандум о взаимопонимании по совместной разработке в Сиамском заливе. Соответственно, Petronas и Petrovietnam поручено заниматься разведкой и разработкой нефти в «де-факто зарезервированном районе». Соглашение между двумя государственными нефтяными компаниями, заключенное в августе 1993 г., предусматривает создание координационного комитета из восьми членов для разработки руководящих принципов управления нефтяными операциями. Это отличается от тайско-малайзийской модели, в которой совместный орган назначается непосредственно

³²⁴ David M. Ong, *The 1979 and 1990 Malaysia–Thailand Joint Development Agreements: A Model for International Legal Cooperation in Common Offshore Petroleum Deposits?*, (1999) 14 *IJCM* 2, 207-246.

правительствами. После заключения коммерческого соглашения в июле 1997 г. нефть была добыта из месторождения Бунга Кеква. На основе двусторонних договоренностей постепенно развивается трехсторонний механизм для перекрывающейся морской зоны.

Такая практика показывает, что форма многостороннего совместного развития возможна и реалистична. Может возникнуть резонный вопрос: если эта форма может быть применена в Сиамском заливе, то почему она не должна быть применима в Южно-Китайском море, окружающем острова Спратли? Совершенно очевидно, что, если многостороннее соглашение между всеми заинтересованными сторонами является нереальным на начальном этапе, то (с помощью накопленных двусторонних усилий) такое соглашение может постепенно развиваться. Наконец, в данном случае две из трех сотрудничающих сторон также являются претендентами на острова Спратли. Имеющийся у них опыт в разработке механизмов совместного развития, несомненно, поможет создать аналогичное соглашение для спорных территорий в Южно-Китайском море.

Предложения по совместному развитию в Южно-Китайском море. В литературе по Южно-Китайскому морю существуют несколько исследований, посвященные совместному развитию. В частности, Британский институт международного и сравнительного права позиционирует Южно-Китайское море в качестве одной из потенциальных сфер для совместного развития.

В 80-х гг. прошлого столетия Центр «Восток-Запад» на Гавайях организовал два семинара, на которых обсуждались возможности совместного развития в Южно-Китайском море. Однако, несмотря на положительные результаты в развитии регионального сотрудничества в Южно-Китайском море, большинство представленных докладов были посвящены геологии, геофизике и углеводородному потенциалу в регионе, и лишь в нескольких работах рассматривается совместное освоение с юридической точки зрения.

На семинаре 1980 г. на секции (панели) «Прецеденты совместной разработки» были озвучены четыре доклада, посвященных совместной разработке:

- в Северном море (Уильям Т. Онорато);
- в Персидском море (Ферейдун Фешараки);
- в Восточно-Китайском море (Пак Чун Хо);
- в Сиамском заливе (Праконг Полахан).

Кроме того, особый интерес вызвал пятый доклад по обозначенной проблематике, детально раскрывающий её правовые аспекты (Масахиро Миёси).

Панель «Совместные исследования, изыскания и разработки» аналогичного семинара, который был проведен в 1983 г., содержит несколько докладов, посвященных совместным разработкам, включая, в частности:

- «Малазийская философия совместных разработок» (Датук Харун Ариф);
- «Японо-южно-корейское соглашение о совместном освоении континентального шельфа» (Масахиро Миоши);
- «Достижение соглашения о международной эксплуатации минеральных ресурсов океана» (Вилли Штрэнг);
- «Совместная юрисдикция и разработка в морях Юго-Восточной Азии» (Марк Дж. Валенсия).

Следует отметить, что доклад, представленный Райнером Лагони на семинаре 1983 г., был позже опубликован отдельно от материалов этого важного научно-практического мероприятия³²⁵. Хотя обсуждения в ходе указанных двух семинаров носили весьма предварительный характер, они заложили основу для потенциального совместного развития в Южно-Китайском море.

³²⁵ Lagoni, R. Joint development of non-living resources in the Exclusive Economic Zone. Report of the International Committee on the Exclusive Economic Zone, International Law Association, Report of the Sixty-third Conference, 1988. P. 509-558.

На 29-й ежегодной конференции Института морского права, состоявшейся на Бали (Индонезия) в 1995 г., была организована панельная сессия, посвященная углубленному анализу тематики «совместного развития». В частности, наиболее актуальной, на наш взгляд, является представленная на этой панели статья под красноречивым названием «Возможно ли совместное развитие в Южно-Китайском море?», в которой поднимался вопрос о возможности многостороннего совместного развития рассматриваемого моря. Поскольку прецедента такого многостороннего соглашения не было, в указанной ранее публикации были сделаны ссылки на существующие многосторонние режимы, включая:

- Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.),
- международный режим морского дна, установленный Конвенцией 1982 г.;
- Конвенцию о регулировании деятельности по освоению минеральных ресурсов Антарктики (1988 г.);

Однако, хотя эти соглашения действительно являются международными режимами совместного использования ресурсов, все они относятся к общему наследию человечества, которое существенно отличается по своей природе от ресурсов в Южно-Китайском море³²⁶..

Другой доклад, представленный Робертом Смитом, также касался возможного совместного развития на островах Спратли. Согласно научной позиции этого автора, после «замораживания» территориальных претензий претенденты проведут гипотетические равноудаленные линии между спорными островами и прилегающими прибрежными государствами. В пределах зон, созданных этими эквидистантными линиями, заинтересованные государства могли бы попытаться создать различные «совместные зоны» в

³²⁶ Chia-Hung Tsai. Joint Development in the South China Sea: A Retrospective Analysis // Ocean Development & International Law. Vol. 36, Issue 2, 2005. P. 323.

рамках совместного развития, ограниченного совместного развития или неосвоения. Зоны неосвоения могут быть морскими заповедниками, например, для защиты коралловых рифов, или применимы к «районам, где число конкурирующих претензий наиболее велико»³²⁷.

Договор о Тиморском море часто обсуждается в контексте возможного совместного развития в Южно-Китайском море. Существует специальный международный документ, посвященный модели Тиморского море. Предлагается, что «вместо создания единой зоны совместного развития претенденты должны создать двенадцать отдельных зон совместного развития для каждого района пересекающихся претензий», причем в каждой зоне будут использоваться организационные структуры и структуры принятия решений, применяемые в Договоре о Тиморском море, который безусловно, является самым подробным из когда-либо заключенных для совместного развития, поскольку он включает в себя Договор о зоне совместного развития следующим образом³²⁸:

- Приложение А: Назначение и описание, включая карты и координаты участков, входящих в зону совместного сотрудничества;
- Приложение В: Нефтедобывающий кодекс для зоны А зоны совместного сотрудничества;
- Приложение С: Типовой контракт о разделе продукции между Совместным органом и контракторами; и
- Приложение D: Налоговый кодекс об избежании двойного налогообложения в отношении деятельности, связанной с зоной А зоны сотрудничества.

Зона сотрудничества разделена на три подзоны:

- Зона А: под совместным контролем;
- Зона В: под юрисдикцией Австралии;

³²⁷ Robert W. Smith. Joint (Development) Zones: A Review of Past Practice and Thoughts on the Future // Mochtar Kusuma-Atmadja, Thomas A. Mensah and Bernard H. Oxman (eds.). P. 661.

³²⁸ Lian A. Mito, The Timor Gap Treaty as a Model for Joint Development in the Spratly Islands // American University International Law Review, 1998, Vol. 13. Issue 3. P. 727-764.

– Зона С: под юрисдикцией Индонезии³²⁹.

Однако после обретения Восточным Тимором независимости — это Соглашение о совместном развитии было изменено в связи с последними событиями. В июле 2001 г. Временная администрация ООН в Восточном Тиморе и Австралия подписали Меморандум о взаимопонимании, который заменил прежнее соглашение. Новая договоренность охватывает примерно ту же территорию, что и «зона А» Договора о Тиморском море 1989 г., и является более благоприятной для Восточного Тимора, например, за счет увеличения его доли доходов с первоначальных 50% до 90% (ст. 4(а) Договора о Тиморском море)³³⁰.

После обретения Восточным Тимором полной независимости Австралия заключила с Восточным Тимором несколько дополнительных соглашений, касающихся Тиморского моря, включая Договор о Тиморском море и Соглашение об унификации месторождений «Санрайз» и «Трубадур», которые еще более детализировали Соглашение о совместной разработке между двумя странами. Следовательно, несмотря на указанные ранее трансформации, непосредственно связанные с Тиморским соглашением, оно по-прежнему остается хорошей моделью совместной разработки в мире.

Китайские ученые и правительственные организации также выдвинули предложения о том, каким образом начать совместное развитие в Южно-Китайском море. Так, Китайское общество морского права и Хайнаньская ассоциация исследований Южно-Китайского моря (позднее преобразованная в Хайнаньский институт исследований Южно-Китайского моря) провели в 1991 г. общую конференцию по проблематике Южно-Китайского моря. Данное важное научно-практическое мероприятие состоялось на Хайнане (Китай). В ходе Конференции были представлены всего пять докладов, посвященных совместному развитию в Южно-Китайском море, в которых

³²⁹ Ibid.

³³⁰ David M. Ong, “The New Timor Sea Arrangement 2001: Is Joint Development of Common Offshore Oil and Gas Deposits Mandated Under International Law?”, (2002) 17 *IJMC* 1, 106-122

обсуждался вопрос о совместном развитии с военной, экономической, юридической, политической и региональной точек зрения.

Следует особо подчеркнуть, что, в принципе, это был первый случай в КНР, когда совместное развитие в Южно-Китайском море обсуждалось столь глубоко и масштабно. Одиннадцать лет спустя, в 2002 г., Хайнаньский институт исследований Южно-Китайского моря (с июля 2004 г. переименованный в «Китайский национальный институт исследований Южно-Китайского моря»), аналитический центр, совместно созданный правительством провинции Хайнань и Министерством иностранных дел, провел научно-практическую конференцию по Южно-Китайскому морю, в частности, сосредоточившись на следующих двух ключевых темах: совместное развитие и правовой статус U-образной линии Китая в Южно-Китайском море.

Участники указанной выше Конференции пришли к общему принципиальному выводу, согласно которому, хотя совместное развитие не в состоянии решить территориальные споры по островам Спратли, оно может быть полезной провизионной мерой в решении морских юрисдикционных споров. Термин «отложить споры» (*gezhi zhengyi*) понимается в качестве отложения споров о морской юрисдикции, а не споров о территориальном суверенитете. Прагматично принять соглашение о совместном развитии в качестве временной меры решения споров мирным путем и в соответствии с общими интересами Китая, а также соседних государств. Кроме того, существует еще целый ряд веских причин, которые настоятельно диктуют императив заключения Соглашения о совместном развитии в Южно-Китайском море:

- всем странам, прилегающим к Южно-Китайскому морю, необходима оптимальная среда для социально-экономического развития, и совместное развитие, в свою очередь, может стабилизировать регион Южно-Китайского моря с тем, чтобы сохранить хорошую среду;

- совместное развитие потенциально вполне может привести к эффективному и рациональному использованию ресурсов Южно-Китайского моря, а также может стать предпосылкой для мирного разрешения споров в Южно-Китайском море;
- совместное развитие априори несет в себе потенциал для укрепления и расширения регионального сотрудничества в иных сферах³³¹.

Представители государств-членов АСЕАН также высказывали свое мнение о совместном развитии в Южно-Китайском море (Индонезия³³², Филиппины³³³), а также о том, что «интерес к концепции совместного развития обусловлен не только ее отношением к большому количеству двусторонних споров о морских границах в регионе, но и ее возможной полезностью в кажущейся неразрешимой зоне многочисленных претензий – Спратли»³³⁴.

Другие предложения, имевшие отношение к совместному развитию, касались возможного решения проблемы Южно-Китайского моря, в частности островов Наньша. Типичное из них выдвинуто рядом представителей США³³⁵, которые выступили за то, что «создание регионального многонационального ресурсного агентства для управления – хотя бы частью района Спратли – представляется наилучшим выходом из сложившегося современного тупика». Обсудив существующие модели многонационального сотрудничества и представив несколько сценариев распределения Южно-Китайского моря и его ресурсов, было предложено создать «Орган по управлению Спратли», в котором предлагались следующие три варианта распределения долей для каждого претендента:

³³¹ Li Guoqiang, Preliminary Discussion on Joint Development in the South China Sea / Zhong Tianxiang, Han Jia and Ren Huaifeng (eds.). P. 134.

³³² Hasjim Djalal, The Relevance of the Concept of Joint Development to Maritime Disputes in the South China Sea, (1999) 27 Indonesian Quarterly 3, 178-186.

³³³ Aileen S.P. Baviera and Jay L. Batongbacal, When Will Conditions Be Ripe? Prospects for Joint Development in the South China Sea // Chronicle, 1999. Vol. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.up.edu.ph/cids/chronicle/articles/chronv4n1and2/infocus08baviera_pg3.html (дата обращения 03.03.2023).

³³⁴ I Gusti Ayu Kade Harry Adhisukmawati, Made Maharta Yasa. Efektivitas Jalur Litigasi dan Jalur Non Litigasi Dalam Penyelesaian Sengketa Batas Laut Indonesia Berdasarkan Unclos 1982 // Jurnal Kertha Wicara, 2020. Vol. 9. № 12. P. 13.

³³⁵ Mark J. Valencia, Jon M. Van Dyke and Noel A. Ludwig, Sharing the Resources of the South China Sea // Publications on Ocean Development, 1997. Vol. 31. P. 111-128.

- Китай и Китайский Тайвань – 52% или 37% или 32%;
- Вьетнам – 28% или 20% или 32%;
- Филиппины – 11% или 28% или 32%;
- Малайзия – 8%, 14% или 4%;
- Бруней – 1% или ничего³³⁶.

Данная структура должна иметь несколько органов: Совет, состоящий из претендентов, региональных не претендентов и глобальных морских держав; в его введении должны находиться соответствующие палаты, секретариат, технические комитеты и комитет.

Намерение такого предложения совершенно очевидно: интернационализировать вопрос Южно-Китайского моря. Хотя это конструктивно для разрешения спора по Наньша, оно может быть неприемлемо для соответствующих претендентов, а также других членов АСЕАН. В то же время, на наш взгляд, данное предложение пытается обозначить общие контуры решения спора по Наньша, не акцентируя внимание на обсуждении совместного развития в Южно-Китайском море как таковом.

Хотя существуют серьезные трудности в реализации совместной разработки в Южно-Китайском море и потребуется немало времени для достижения такого соглашения между заинтересованными государствами, уже наблюдаются некоторые положительные признаки, свидетельствующие в пользу потенциальной совместной разработки в спорных районах. Дело в том, что сложная ситуация в Южно-Китайском море указывает на следующее, весьма важное, обстоятельство: совместная разработка может быть единственным реальным инструментом для регионального сотрудничества в сфере разработки и организации добычи нефти и газа на шельфе.

Первым знаковым событием в отношении Южно-Китайского моря стало подписание Китаем и всеми странами-членами АСЕАН Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (декабре 2002 г.). В данном

³³⁶ Там же.

международно-правовом документе, в частности, провозглашаются намерения сторон изучить или предпринять следующие совместные действия в Южно-Китайском море:

- охрана морской среды;
- морские научные исследования;
- обеспечение безопасности мореплавания и связи на море;
- проведение поисково-спасательных операций;
- борьба с транснациональной преступностью, включая, но не ограничиваясь, торговлю запрещенными наркотиками, пиратство и вооруженный разбой на море, а также незаконную торговлю оружием, до всеобъемлющего и прочного урегулирования споров в Южно-Китайском море.

Условия, объем и места проведения двусторонних и многосторонних совместных операций должны быть согласованы заинтересованными сторонами до их фактического осуществления. Они призваны обещать разрешать свои территориальные и юрисдикционные споры мирными средствами, не прибегая к угрозе силой или ее применению.

Таким образом, появилась реальная возможность для разработки новой модели потенциального совместного развития в Южно-Китайском море. В число заинтересованных сторон входят Китай (включая Китайский Тайвань) – в качестве одной стороны и АСЕАН (включая все 10 государств-членов) как другая сторона. Эта модель основана на существующей формуле Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, которая была подписана Китаем и членами АСЕАН. Если данная модель будет демонстрировать и впредь свою устойчивость, то, по нашему мнению, вполне возможна в обозримом будущем реализация двустороннего (но с несколькими сторонами) сотрудничества между Китаем и АСЕАН в Южно-Китайском море. Конечно, некоторые ученые уже выразили свою озабоченность по поводу того, смогут ли интересы

и права Китая (включая Китайский Тайвань) быть гарантированы в будущей схеме совместного развития³³⁷.

Однако при наличии рамок сотрудничества между Китаем и АСЕАН интересы всех заинтересованных сторон вполне могут быть обеспечены. Двусторонняя схема совместного развития вполне предсказуема и подкреплена рядом благоприятных факторов.

Что касается китайской стороны, то и материковый Китай, и Китайский Тайвань в большинстве случаев занимали схожую политическую и правовую позицию по вопросу Южно-Китайского моря, основанную на одинаковых исторических фактах и причинах, и никогда не бросали друг другу вызов в отношении территориального суверенитета над островами Южно-Китайского моря. Присутствие материкового Китая на островах Наньша во многом обусловлено предшествующим присутствием там Китайского Тайваня, который занял крупнейший остров Тайпин в составе островов Наньша.

В то же время, сотрудничество между двумя указанными ранее сторонами – через Китайский Тайваньский пролив – в области разведки и добычи нефти уже началось. В данной связи, целесообразно заметить, что еще в июле 1996 г. Китайский Тайваньская китайская нефтяная корпорация и Китайская оффшорная нефтяная корпорация подписали Соглашение о разведке Тайнаньского бассейна и затонувшего района Чжаошань, которое было окончательно утверждено обеими сторонами в апреле 1998 г.

В мае 2003 г. между двумя компаниями было подписано соответствующее соглашение о создании совместном предприятии, а в марте 2004 г. Китайская нефтяная корпорация получила разрешение на открытие своих представительств в Шанхае и Пекине. Относительно использования минеральных ресурсов в Южно-Китайском море нужно особо отметить, что обе стороны (через Китайский Тайваньский пролив) вполне могут наладить определенную форму сотрудничества и консультаций, опираясь на

³³⁷ Hurng-yu Chen, The Prospects for Joint Development in the South China Sea, (1991) 27 Issues and Studies 12, 122.

предыдущий опыт совместных разработок в Китайский Тайваньском проливе, а также в морских районах вокруг островов Дунша.

Согласно экспертным прогнозам, некое совместное развитие, в какой бы форме оно ни осуществлялось, может быть организовано на спорной территории в Южно-Китайском море при одном, но исключительно важном, условии, согласно которому все заинтересованные стороны имеют благие намерение и добрую волю для того, чтобы приложить всю совокупность необходимых усилий в целях достижения соответствующего соглашения. Существующие в Восточной Азии государственные практики совместного развития, в частности, трехсторонняя практика в Сиамском заливе, являются положительными примерами, демонстрирующими, что совместное развитие не является абсолютно инородным явлением в Восточной Азии.

Несмотря на ряд трудностей и проблем, выигрыш в возможностях всегда остается открытым. Судя по подписанной в самом начале XXI века Декларации между Китаем и странами АСЕАН, теперь это символическое окно открыто еще шире. Вместе с этим одним из дополнительных инструментов, который бы мог обеспечить справедливое сотрудничество по совместному развитию в Южно-Китайском море, может стать принятие на декларативном уровне достижения согласия всех прибрежных государств о непредоставлении третьим государствам военных баз на их территориях.

После достижения формы совместного развития между заинтересованными странами, долгосрочный мир и безопасность в Южно-Китайском море могут быть гарантированы, что, в свою очередь, вполне может привести к положительному решению территориальных и морских споров, а также претензий в данном морском районе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного настоящего диссертационного исследования автор пришел к следующим основным выводам.

В настоящее время прибрежные государства Южно-Китайского моря сталкиваются с региональными вопросами и проблемами, начиная от делимитации архипелажных линий, определения параметров для осуществления права прохода через проливы, делимитации границ между государствами (или между государствами с пересекающимися претензиями на юрисдикцию над морским пространством, а также в отношении морских живых и неживых ресурсов).

Из всей совокупности указанных ключевых региональных проблем вопрос о делимитации морских границ, на наш взгляд, носит наиболее проблематичный характер, поскольку он, по сути, охватывает полную конфигурацию перекрывающихся претензий на суверенитет над целым рядом островов, островков, бухт и скал, разбросанных по всей длине и ширине Южно-Китайского моря. Внимание к названному морю кардинальным образом усилилось после того, когда было высказано экспертное предположение, что под его морским дном находятся серьезные запасы нефти и природного газа. Данная, столь важная информация, является весомым дополнением к тому, что Южно-Китайское море уже признано богатейшим местом для добычи рыбы, а также стратегическим водным путем.

В настоящем исследовании была рассмотрена геополитика Южно-Китайского моря и дана довольно детальная географическая, экономическая и политическая характеристика данного района для дальнейшего понимания статуса спорной территории. Важность контроля в Южно-Китайском море рассматривалась не только с точки зрения экономических и политических соображений, непосредственно связанных с разработкой потенциальных углеводородных ресурсов, но и в контексте возможности использования этих островов в качестве базовых «точек», с которых государства могут распространить свои претензии на исключительную юрисдикцию над водами

и ресурсами Южно-Китайского моря. Что еще более важно, такие претензии на территориальный суверенитет и расширенную морскую юрисдикцию в районе рассматриваемого моря представляют собой весьма существенный фактор, который напрямую оказывает реальное влияние на национальную безопасность и политическую стабильность государств этого региона.

Эти события заставили государства-претендентов организовать и усовершенствовать собственные правовые позиции для обоснования правомерности своих претензий, чтобы обеспечить оправдание и, в итоге, международное признание своих территориальных и юрисдикционных претензий. В научной литературе, изученной в рамках данного исследования, рассматривались исторические основания, выдвигаемые каждым из претендентов в целях оправдания своих *противоречивых* претензий на территориальный суверенитет. Такие исторические основания, выдвинутые каждым из претендентов, диссертантом были обобщены в качестве предыстории, что, в свою очередь, прояснило, почему на базе концепций международного права было настойчиво предложено определить, какое из спорящих государств наилучшим образом претендует на право собственности на острова. Затем был проведен подробный анализ обоснованности юридических аргументов, выдвигаемых каждым из претендентов.

Было показано, что опора на концепции международного права для подкрепления своих претензий на суверенитет не способствовала установлению мира в регионе, а фактически служила поддержке одностороннего подхода как предпочтительного способа действий государства. Претенденты рассматривали односторонние действия государства в качестве более решительного и эффективного метода утверждения суверенитета. В частности, такие государства чрезмерно стремились расширить собственные морские полномочия, захватив часть территории, указав свои морские границы и предоставив концессии (или лицензируя проекты в пределах претендуемой территории), поскольку большое значение придавалось концепции эффективного контроля над

заявленной территорией. Наилучшим примером этого является то, что каждый претендент сохраняет военное присутствие, по крайней мере, на одном из островов архипелага. Подобная милитаризация территории вызывает у мирового сообщества серьезную озабоченность. Совершенно очевидно, что сложившаяся ситуация может привести к нестабильной атмосфере, способной спровоцировать конфликт, о чем свидетельствуют неоднократные случаи арестов и контр-арестов судов представителями конкурирующих правительств.

Несмотря на изложенный тревожный сценарий и частое упоминание Южно-Китайского моря в качестве символической региональной «пороховой бочки», возможность полномасштабной войны на данный момент отдалена. Дело в том, что были предприняты многосторонние попытки достичь урегулирования всех претензий на острова в Южно-Китайском море при помощи изучения альтернативных подходов к разрешению их конфликтных претензий на таких форумах, как семинары, инициированные Индонезией в качестве меры укрепления доверия, которые, как мы надеемся, приведут к заключению соглашения о совместном сотрудничестве. Все это свидетельствует о том, что государства восприимчивы к возможности урегулирования их конфликтных претензий посредством регионального ответа. Другие подходы к разрешению или минимизации конфликта, а также выработка новых и эффективных договоренностей, которые будут решать каждую из проблем претендующих государств и, в то же время, совместно распределять и использовать общие ресурсы океана (если такая цель вообще достижима) были рассмотрены в качестве предложений и концепций.

Невозможно переоценить необходимость разумных решений для снижения напряженности в отношениях между несколькими странами, которые претендуют на всё или часть Южно-Китайского моря. Данное диссертационное исследование призвано внести свой вклад в достижение этой цели. Оценка геополитических и правовых нюансов споров в Южно-Китайском море была проведена для того, чтобы предложить

соответствующие меры, которые могли бы способствовать урегулированию конкурирующих претензий в рассматриваемом регионе. Это делается с учетом положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно которому государства-участники должны «урегулировать в духе взаимопонимания и сотрудничества все вопросы, касающиеся морского права».

Была проведена оценка трех типовых соглашений по освоению ресурсов с тем, чтобы выяснить, возможно ли заключить аналогичный документ для Южно-Китайского моря. Это будет соответствовать другому положению Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., признающему «желательность установления, с должным учетом суверенитета всех государств... справедливого и эффективного использования их ресурсов, сохранения их живых ресурсов, а также изучения, защиты и сохранения морской среды».

Исследования, связанные с территориальными и морскими юрисдикционными спорами в Южно-Китайском море, не могут не дать географического описания территорий на предмет стратегических, политических и экономических интересов, представляемых этими территориями. Ведь именно знание указанных фактов и именно в данной среде влияет на поведение лиц, принимающих решения в соответствующих странах. Географические и другие экологические факторы, такие, как: стратегическая важность существующих узловых точек; зависимость от моря основных морских транспортных путей; наличие островов вдоль побережья; потенциальное изобилие живых и неживых ресурсов; а также демографические, культурные, экономические и исторические условия учитывались лицами, принимающими решения, при проведении важной национальной политики в отношении Южно-Китайского моря.

Южно-Китайское море является полузамкнутым, как это определено в ст. 122 Конвенции ООН 1982 г., 90% его окружности окаймлено сушей. Оно охватывает часть Тихого океана, простирающуюся примерно от Сингапура и Китайского Тайваньского пролива на северо-востоке. В Южно-Китайском море расположены следующие прибрежные страны: Филиппины, Малайзия,

Бруней, Индонезия, Сингапур и Таиланд; индокитайские страны: Камбоджа и Вьетнам; Китайская Народная Республика (КНР) с Китайским Тайванем.

К Южно-Китайскому морю прилегают различные моря Индонезии и Филиппин, которые в настоящее время являются частью их соответствующих архипелагов: Натуна, Каримата, Ява и море Сулу.

Площадь морского дна Южно-Китайского моря включает в себя около 1 млн км² континентального шельфа с изобатой менее 200 м и около 2 млн км² морского дна с глубиной более 200 м. Континентальный шельф расположен, главным образом, в западной и южной частях (шельф Сунда), в то время как более глубокая часть находится гораздо северо-восточнее. Глубокая часть, в некоторых районах достигающая более 5 тыс. м (бассейн Южно-Китайского моря), усеяна различными мелководными отмелями и островами коралловых рифов.

Острова Дунша лежат к востоку и немного к северу от китайской провинции Хайнань, примерно в 140 морских милях (260 км) от материкового Китая, в 170 морских милях (315 км) от Гонконга и в 240 морских милях (440 км) от Китайского Тайваня. Эти острова состоят из острова Дунша, рифа Дунша, отмелей Наньвэй и Бэйвэй. Самый большой остров (Донгшадао) в группе Дунша имеет размеры 6 км в длину и 2 км в ширину.

Восемь государств претендуют на суверенитет на названные острова Южно-Китайского моря: Сингапур и Малайзия претендуют на острова Пизанг и Пулау Бату Путех, расположенные в водах Малаккского и Сингапурского проливов. Китай с Китайским Тайванем и Вьетнам оспаривают друг у друга претензии на суверенитет над островами Сиша – группой из пятнадцати островков и нескольких рифов, и отмелей, разбросанных на 200-километровой территории в центре Тонкинского залива. Китайский Тайвань также оспаривает претензии на острова Дунша и Чжунша. Шесть государств заявляют претензии на острова Наньша: Китай с Китайским Тайванем и Вьетнам претендуют на весь архипелаг, в то время как Филиппины, Малайзия и Бруней заявляют о суверенитете над частями архипелага Наньша.

Политические системы государств, окружающих Южно-Китайское море, также заметно различаются: от коммунистических/социалистических стран северного побережья (Китайской Народной Республики и Вьетнама) до некоммунистических южных и восточных островных стран – Малайзии, Сингапура, Индонезии, Филиппин. Китайский Тайвань сам по себе является особым случаем. Важным географическим фактом является то, что островные страны контролируют морские подходы к береговой линии материковых стран Южно-Китайского моря и от них.

Помимо этих заметных различий, десять стран, граничащих с Южно-Китайским морем, имеют и общие черты:

- все они зависят от использования морского пространства и живых, и неживых ресурсов моря;
- внешняя торговля играет очень важную роль в планах экономического развития стран, причем США являются одним из ключевых торговых партнеров указанных десяти стран, а также других развитых экономик за пределами региона;
- и, наконец, все страны в той или иной степени вовлечены в споры о принадлежности островов, делимитации морских границ или конфликтующей морской юрисдикции.

К ним относятся:

- спор по Натунским островам между Индонезией и Вьетнамом, а также между Индонезией и Китаем;
- спор между тремя граничащими государствами в Восточном Сиамском заливе (а именно Камбоджей, Вьетнамом и Таиландом);
- спор между Китаем и Вьетнамом в Тонкинском заливе;
- спор по Целебесскому морю и Сингапурскому проливу (Пулау Бату Путех) между Сингапуром и Малайзией;
- спор по островам Сиша между Китаем с Китайским Тайванем и Вьетнамом;

- спор по островам Наньша между Китаем с Китайским Тайванем, Филиппинами, Вьетнамом, Брунеем, Малайзией.

Как было отмечено, Южно-Китайское море является одним из самых оживленных международных морских путей в мире. Через воды этого региона проходит более половины мирового объема перевозок супертанкеров. Кроме того, регион Южно-Китайского моря содержит нефтяные и газовые ресурсы, стратегически расположенные вблизи крупных энергопотребляющих стран. Оно также значимо и важно благодаря наличию торговых и военных морских путей несмотря на то, что острова слишком малы и бесплодны, чтобы самостоятельно поддерживать жизнедеятельность поселений или обеспечивать какие-либо значительные ресурсы суши.

Острова обычно рассматриваются как опасность для судоходства, но они важны по коммерческим и политическим причинам, поскольку связывают северо-восточную морскую торговлю региона с остальным миром. Острова в Южно-Китайском море имеют стратегическое значение, так как они находятся между морскими путями, через которые торговые суда должны проходить по пути в порты Южной Азии и обратно. Названное море обеспечивает прибрежные государства живыми и минеральными ресурсами и служит военно-стратегической морской полосой. Претензии на владение островами используются для подкрепления претензий на окружающее море и его ресурсы, поскольку эти острова могут быть использованы государствами в качестве базовой точки для утверждения претензий на исключительную юрисдикцию над водами и ресурсами Южно-Китайского моря. Каждый из претендентов может объявить исключительные экономические зоны или зоны континентального шельфа, отмеренные от базовых линий, проведенных от точек, зафиксированных на островах, которые они в настоящее время занимают.

Геостратегическое значение Южно-Китайского моря для стран-претендентов на него проявляется в различных формах и широких категориях. Понимание этого поможет снизить вероятность враждебности, которая имеет

далеко идущие последствия для безопасности. Как только конкурирующие государства в одностороннем порядке утверждают территориальную и морскую компетенцию в Южно-Китайском море, преследуя свои геостратегические интересы, при этом они формулируют границы юрисдикции, подлежащие принудительному исполнению, а затем приступают к предоставлению многонациональным компаниям концессий или лицензионных проектов в пределах заявленных территорий, созревают условия для конфликта по поводу границ для распределения возможностей развития в ресурсных зонах. Национальная тревога обостряется, а региональная напряженность возрастает до такой степени, что для некоторых правительств становится приемлемым военный ответ. Результат оказывается катастрофическим. Таким образом, особое геостратегическое значение Южно-Китайского моря должно быть четко определено и понято.

Острова Наньша и Южно-Китайское море имеют стратегическое значение. Через данный регион проходят торговые морские пути, по которым транспортируются такие продукты, как нефть и другие коммерческие ресурсы:

- более 99% мировой продукции перевозится по морю, и значительная часть проходит через Южно-Китайское море;
- 25% мирового грузового судоходства проходит из Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии по пути в Японию, Корею, Китай с Китайским Тайванем, Австралию, Новую Зеландию;
- более 10 тыс. судов водоизмещением более 10 тыс. т ежегодно проходят через Южно-Китайское море в южном направлении, и более 8 тыс. – в обратном. Следует особо подчеркнуть, что в данном районе также находятся два самых оживленных порта в мире – Сингапур и Гонконг.

Более половины годового тоннажа мирового торгового флота проходит через эти так называемые «узкие места», которые включают в себя Малаккский пролив, пролив Сунда, проливы Ломбок и Макасар, при этом большинство судов продолжают движение в Южно-Китайское море. Именно здесь проходят судоходные маршруты очень крупных перевозчиков сырой

нефти. Через Малаккский пролив, ведущий в Южно-Китайское море, проходит более чем в три раза больше танкеров, чем через Суэцкий канал, и более чем в пять раз больше, чем через Панамский канал. Практически все суда, проходящие через Малаккский и Сундский проливы, должны проходить вблизи островов Наньша.

Как было указано, вопрос делимитации морских границ является наиболее проблематичным из региональных вопросов и проблем, волнующих государства в Южно-Китайском море, который становится все более напряженным и сложным с открытием запасов нефти и газа, а также наличием других природных ресурсов.

Поэтому геополитика Южно-Китайского моря была рассмотрена в рамках данной диссертации с точки зрения всех претендентов, где приводятся ключевые детерминанты не только географических и других экологических факторов (таких, как: демографические, культурные и исторические условия), но и дается экономическая и политическая характеристика территории.

С экономической и международно-правовой точек зрения значение интереса к Южно-Китайскому морю было рассмотрено в контексте международной практики международных межправительственных организаций. Как было неоднократно отмечено, рассматриваемое море имеет особое геостратегическое значение с учетом следующих важных факторов:

- наличие в нем природных ресурсов, в частности, не только в качестве источника рыбных ресурсов, но и энергетических ресурсов (нефть, газ и углеводороды);
- как стратегический проход для торговых судов и стратегический проход для военных судов;
- а также как возможные исходные линии, от которых можно отмерять исключительную экономическую зону и континентальный шельф, на которые распространяется их исключительная юрисдикция над водами и ресурсами в регионе Южно-Китайского моря.

Обсуждение экономики, особенно пост-азиатского финансового кризиса, также было включено как важный фактор для интересов этих государств, поскольку экономический кризис или восстановление будут диктовать военные расходы государств. Данные факторы, которые способствуют интересам претендентов, были рассмотрены как потенциальная причина или триггер для конкурирующих и конфликтующих претензий в регионе.

Были рассмотрены обоснования и основания для территориальных претензий государств. Можно заметить, что заинтересованные правительства организовали и усовершенствовали свои правовые позиции в поддержку обоснованности собственных претензий для того, чтобы обеспечить обоснование и, в конечном итоге, международное признание своих территориальных и юрисдикционных претензий. Претензии на суверенитет над территорией в Южно-Китайском море основаны на принципах актов суверенитета, открытия и оккупации, а также на принципе континентального шельфа.

Был проведен анализ обоснованности юридических аргументов, выдвинутых каждым из государств-претендентов. Было установлено, что эти юридические аргументы, выдвинутые ими, не помогли завершить или дать определенное решение вопроса территориального суверенитета. Более того, они даже содействовали сохранению разногласий между спорящими сторонами.

В целом, обоснование территориальных претензий в Южно-Китайском море представляет собой исключительное тонкий, по сути, даже филигранный комплексный процесс. Во-первых, достоверность документальной базы вызывает серьезные сомнения, а исторические записи весьма противоречивы. Ни один из претендентов не предлагает неоспоримых исторических или юридических претензий. Старые исторические документы, в которых упоминаются рифы и острова в Южно-Китайском море, вряд ли помогут в разрешении споров на островах Сиша, а острова Наньша в лучшем случае

были описаны в качестве источника опасности для судоходства. Поэтому целью было уведомить моряков об опасностях в этом районе, а не заявить о суверенитете.

Меры, которые могут способствовать решению вопроса об отмене конкурирующих претензий в регионе, были рассмотрены через призму двустороннего и многостороннего сотрудничества. Утверждается, что соглашение о совместной разработке ресурсов и сотрудничестве, хотя и не является новым подходом, в данном случае вполне осуществимо. Оно будет наиболее привлекательным для претендентов, поскольку не требует решения сложного вопроса суверенитета и территориального вопроса, но при этом спор будет несколько разряжен. Несмотря на нежелание государств обсуждать территориальные, юрисдикционные, политические вопросы и вопросы безопасности, существует вполне осязаемая готовность к развитию сотрудничества. Представляется, что данное чрезвычайно важное обстоятельство необходимо использовать и развивать, поскольку государства могут получить национальную выгоду при реализации общих региональных интересов.

Диссертантом были проанализированы три типовых соглашения по освоению ресурсов для того, чтобы выяснить, можно ли заключить упомянутое ранее соглашение, разработав его по образцу этих типовых соглашений. Было сделано предположение, что при заключении соглашения в Южно-Китайском море можно использовать подход, основанный на зонах сотрудничества, подход «чистого листа» и научное сотрудничество. При тенденции уклонения от вопроса о суверенитете это, тем не менее, не будет препятствовать сотрудничеству в разработке ресурсов в Южно-Китайском море в то время, когда данный вопрос находится на рассмотрении. Де-факто, он обеспечит основу для сотрудничества между сторонами и предоставит правительствам-участникам равный доступ с равными правами в управлении ресурсами в регионе, развивая навыки сотрудничества и доверия, что, в свою

очередь, приведет к отношениям сотрудничества между государствами-претендентами в Южно-Китайском море.

На наш взгляд, следует еще раз сделать акцент на том, исключительно значимом моменте, что претензия сторон на суверенитет рассматривается как препятствие для успешного разрешения спора в Южно-Китайском море. Настойчивые споры о том, кто лучше претендует на право владения островами, только углубили конфликт в регионе, поскольку побудили претендентов применять военные средства для улучшения своего положения в районе с точки зрения контроля над навигационными и торговыми путями в Южно-Китайском море, и это послужило поддержкой одностороннего подхода как более решительного и эффективного метода достижения суверенитета. Чрезмерное стремление расширить свои морские полномочия путем получения этими государствами части территории, уточнения собственных морских границ и предоставления концессий или лицензирования проектов в пределах претензий на территорию является примером того, насколько серьезное значение придавалось концепции фактической оккупации заявленной территории. При этом каждый претендент сохраняет военное присутствие – по крайней мере – на одном из островов архипелага. Совершенно очевидно, что такая милитаризация территории вызывает глубокую озабоченность, поскольку может привести к нестабильной атмосфере, способной спровоцировать конфликт, о чем свидетельствуют неоднократные случаи арестов и контр-арестов судов представителями конкурирующих правительств.

Поэтому любая попытка решить спор военным путем, скорее всего, потерпит неудачу. Военные действия означают демонстрацию силы, а не подлинную искренность в решении спорных правовых вопросов мирным и дипломатическим путем. Любая попытка силой захватить уже занятые острова, скорее всего, встретит сопротивление, что было продемонстрировано в прошлых военных стычках в регионе. Поэтому правительства претендентов должны воздерживаться от применения военной силы в рассматриваемом

районе. Более того, они не должны решать пограничные проблемы путем одностороннего принятия национального законодательства, поскольку это имеет тенденцию ужесточать их позицию, что затрудняет для сторон поиск общего и консолидированного решения.

Как было отмечено диссертантом, Конвенция по морскому праву 1982 г. может послужить основой для решения споров по делимитации морских пространств, поскольку она предоставляет «основной язык для разрешения конфликтов», к сожалению, на наш взгляд, в действительности этого не произошло. Думается, что такую ситуацию вполне возможно можно объяснить недостаточной ясностью некоторых положений указанной Конвенции. Например, исходя из смысла ее ст. 221, неясно, отвечают ли (с точки зрения определения островов) районы Наньша и острова Сиша требованиям для образования территориального моря более 12 морских миль, или же эти островки могут по праву считаться островами или скалами, от которых зависит право государств на образование территориальных вод, исключительной экономической зоны или континентального шельфа. Если на данный вопрос будет дан четкий ответ, то это будет знаменовать собой серьезный шаг на пути к положительному решению спора по Южно-Китайскому морю. Однако это вовсе не означает, что Конвенция 1982 г. неприменима в данном случае. Безусловно, международное морское право имеет свои ограничения (пределы) для того, чтобы быть основой для обеспечения механизма и рамок в целях разрешения спора, но в тоже время, однако оно может служить и отправной точкой в рассматриваемом процессе.

Несмотря на тревожные сценарии и учитывая тот факт, что региональные усилия по разрешению споров о суверенитете в Южно-Китайском море не увенчались успехом, были предприняты многосторонние попытки достичь урегулирования всех конкурирующих претензий на Южно-Китайское море при помощи изучения альтернативных подходов к разрешению их противоречивых претензий. Сами государства осознавали опасность того, что такой конфликт может нарушить международное

сотрудничество и помешать использованию морских ресурсов. Это понимание отражено в соглашении между прибрежными государствами, известном как «Декларация АСЕАН в Маниле в июле 1992 г.», обязывающем государства изучить области сотрудничества в Южно-Китайском море, сотрудничества для взаимной выгоды, разрешения спора мирными средствами путем диалога и переговоров, неприменения силы для разрешения территориальных и юрисдикционных споров и осуществления самоограничения. В связи с изложенным, вполне уместно добавить, что отправной точкой для переговоров является принятие претендентами статус-кво.

В частности, по нашему мнению, семинары, инициированные Индонезией в качестве важной меры укрепления доверия и превентивной дипломатии, в конечном итоге должны привести к заключению соглашения о совместном сотрудничестве. Дело в том, что переговоры на таких семинарах придали политике и позициям государств транспарентность и позволили определить проблемные области, по которым различные государства смогут сотрудничать. Все это свидетельствует о том, что государства восприимчивы к возможности урегулирования их конфликтующих претензий на региональном уровне.

Представляется, что все заинтересованные государства должны быть менее чувствительны к обсуждению концепции национального суверенитета, поскольку «все больше и больше вопросов национальных интересов становятся региональными по своему значению, например, экологические вопросы, внутривополитические вопросы и даже валютно-финансовые вопросы»³³⁸. Прибрежные государства должны быть открытыми для обсуждения таких вопросов в будущем, и они обязаны сделать все возможное для скорейшего урегулирования собственных сухопутных и морских юрисдикционных границ, а также уважать согласованные границы, если таковые будут установлены в среднесрочной перспективе.

³³⁸ Fawcett L., Hurrell A. The Growing Significance of Regionalism in World Politics // International Affairs. 1996. Vol. 72, Issue 3. P. 427-446.

Целесообразно особо отметить, что ситуация остается пессимистичной для государств, которым предстоит пройти процесс урегулирования конфликта. Значительные опасения оправданы и в вопросах региональной безопасности, хотя, на наш взгляд, начала «горячей» войны ожидать не стоит. Но в то же время не следует сбрасывать со счетов и предстоящее усиление пессимизма, особенно в связи с загрязнением морской среды и чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов в регионе. Даже в неоспоримых водах трудно патрулировать рыболовные участки и предотвращать незаконный промысел. В спорных водах, таких как Южно-Китайское море, это становится практически невозможным. Однако осознание опасности для окружающей среды может заставить государства объединиться. Данный серьезный фактор, в принципе, может стать добротной основой для регионального сотрудничества и, в сущности, будет первым шагом к урегулированию и разрешению конфликтов, что, в свою очередь, является надлежащим поводом для *осторожного* оптимизма.

В частности, несколько мер, имеющих реальный характер, могут способствовать прозрачности и, следовательно, укреплению доверия между заинтересованными правительствами в деле о Южно-Китайском море. Например, страны-претенденты могут рассмотреть возможность предоставления официальных и неофициальных заверений о сдерживании применения военной силы в регионе. Если такие официальные заявления будут сделаны правительствами в прессе или на международных встречах, это обеспечит общественность самим фактом политических деклараций, и правительству будет сложнее отказаться от этих обязательств.

Правительственные чиновники должны признавать и уважать национальные чувства, возникающие в связи с военным развертыванием в регионе. Хотя некоторые претенденты могут не признавать законность претензий других правительств в регионе, они должны уважать чувства, возникающие в связи с такими претензиями. Об этом следует помнить,

особенно когда речь идет о двух наиболее непримиримых антагонистах среди спорящих сторон.

Помимо этого, правительствам необходимо прекратить дальнейшую оккупацию и аннексию территории на островах Спратли. Захват и оккупация новых островков мало способствует укреплению стратегической позиции правительства в рассматриваемом регионе. Дело в том, что названные острова незначительны как стратегические форпосты и не представляют собой ценности относительно своих природных ресурсов. Более того, новые оккупации усиливают подозрительность и недоверие к тому, что данное правительство не проявляет должной гибкости в отношении будущих дипломатических переговоров. Представляется разумным, что правительство государства-претендента должно принять статус-кво в качестве отправной точки для подобных переговоров.

Военная деятельность подразумевает демонстрацию силы, а не подлинную искренность в решении спорных правовых вопросов мирным и дипломатическим путем. Правительство, имеющее претензии, может сдерживать усилия по расширению военной деятельности в регионе. Морские военные маневры должны проводиться исключительно с предварительным уведомлением правительств других стран или для принятия дружественных мер в случае проведения военных учений в регионе при помощи прямой связи и консультаций с другими заинтересованными правительствами.

Необходимо разработать и скоординировать общий набор операционных процедур для военно-морских и военно-воздушных сил заинтересованных правительств в спорном регионе. Это «стандартизированное руководство по проведению операций» снизит напряженность за счет уменьшения вероятности несчастных случаев и минимизации ситуаций, которые могут спровоцировать военный конфликт в регионе. Межправительственное сотрудничество между представителями национальных вооруженных сил может также способствовать пониманию

национальных интересов, чувствительности и приоритетов своих коллег из вооруженных сил в рассматриваемом регионе.

Наконец, можно использовать средства и механизмы для улучшения контактов и связи (например, более четкие «горячие линии» связи между государствами и «горячие линии» между главнокомандующими военно-морских сил) между правительствами материков и их местными военными командирами на островах, оккупирующих острова в Южно-Китайском море, для того, чтобы уменьшить реальную возможность недопонимания и некорректного восприятия политики и намерений других правительств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**I. ДОКУМЕНТЫ****1) Международные договоры**

1. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.)
2. Конвенции по защите природной морской среды района Балтийского моря 1992 г. // Сборник рекомендаций Хельсинской комиссии: справ.-метод. пособие. – СПб., 2001. – С. 19–66.
3. Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. // Сборник нормативных документов по вопросам охраны окружающей среды. – Минск, 1997. – Вып. 16, ч. 1. – С. 85–119.
4. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. // Собрание законодательства Российской Федерации N 48, 26.11.2001.
5. Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 24.11.2016, N 0001201611240015.
6. Конвенция о предотвращении загрязнения Средиземного моря (Барселона, 2–16 февраля 1976 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901731000> (дата обращения 18.05.2022)
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (подписана в Монтего-Бэй 10 декабря 1982 г., вступила в действие 16 ноября 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 48.
8. Конвенция по охране Всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г., вступила в силу для СССР 12 января 1989 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения 21.05.2022)

9. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. (Лондон, 29 декабря 1972 г.) // Международное экологическое право в документах / сост. Т. Гусейнов. – Баку, 2007. – С. 893.
10. Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими. (Лондон, 13 февраля 2004 г., вступила в силу 8 сентября 2017 г.) – СПб.: ЦНИИ МФ, 2005. – 78 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902152089> (дата обращения 15.05.2022)
11. Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими (Лондон, 13 февраля 2004 г., вступила в силу 8 сентября 2017 г.). – СПб.: ЦНИИ МФ, 2005. – 78 с.
12. Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью (принята 12 мая 1954 г. в Лондоне) // Международное экологическое право в документах / сост. Т. Гусейнов. – Баку, 2007. – С. 917.
13. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов от 2 ноября 1973 г. (измененная Протоколом 1978 г. (MARPOL 73/78) (с изменениями на 26 сентября 1997 г.)) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=173 (дата обращения 19.05.2022)
14. Протокол к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ) (Лондон, 17 февраля 1978 г.) // Международное экологическое право в документах / сост. Т. Гусейнов. – Баку, 2007. – С. 862.
15. RIO Declaration on Environment and Development, in Report of the United Nations Conference on Environment and Development, UN Doc.A/CONF.151/26 (Vol.I), 12 August 1992, Annex I.
16. The Convention for the Protection and Development of the Wider Caribbean Region – The Cartagena Convention 1983 [Электронный ресурс] // Режим

доступа:

http://unctad.org/meetings/en/Presentation/LInniss_UNEP_JAMWorkshop_p07_en.pdf (дата обращения 16.05.2022)

17. The United Nations Convention on the Law of the Sea/Montego Bay, 10 December 1982 // United Nations International organization. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения 19.05.2022)

2) Документы международных организаций

18. Стратегическая концепция НАТО 2022 года (Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г). Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 10.10.2022 г.).
19. ASEAN Declaration on Heritage Parks 2003. ASEAN Declaration on Heritage Parks and Reserves 1984. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://chm.aseanbiodiversity.org/index.php?option=com_wrapper&view=wrapper&Itemid=110¤t=110 (дата обращения 20.10.2021)
20. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/125380#:~:text=This%20Declaration%20concluded%20between%20ASEAN,and%20prosperity%20in%20the%20region> (дата обращения 07.06.2022).
21. Guidelines For The Implementation Of The Declaration Of Conduct On The South China Sea 2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/10/2011-DOC-Guidelines.pdf> (дата обращения 07.06.2022)
22. International Hydrographic Organization «Limits Of Oceans And Seas» (Special Publication N° 28) 3'd EDITION 1953. [Электронный ресурс] //

- Режим доступа: <https://epic.awi.de/id/eprint/29772/1/ИНО1953a.pdf> (дата обращения 20.10.2021)
23. International seabed authority [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.isa.org.jm/mining-code> (дата обращения 02.07.2022).
 24. International seabed authority [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ran-s3.s3.amazonaws.com/isa.org.jm/s3fs-public/files/documents/isba-19lrc-8_0.pdf (дата обращения 02.07.2022)
 25. Letter dated 4 February 2019 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of the Dominican Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General, UNSC, 7 February 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2019_113.pdf (дата обращения 21.06.2022).
 26. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения 21.06.2022).
 27. Security Council Holds First-Ever Debate on Impact of Climate Change on Peace, Security, Hearing over 50 Speakers, UN, 17 April 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2007/sc9000.doc.htm> (дата обращения 21.06.2022).
 28. United Nations Conference on Environment and Development (UNCED), Earth Summit [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/milestones/unced> (дата обращения 21.06.2022).
 29. UNSC 6587th Meeting, 20 July 2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_6587.pdf (дата обращения 21.06.2022).

30. UNSC 8307th Meeting, 11 July 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_8307.pdf (дата обращения 21.06.2022).

3) ЛИТЕРАТУРА

а) Специальная литература, учебники, монографии

31. Бекашев Д. К. Понятие и основные принципы международно-правового управления рыболовством / Д. К. Бекашев // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 203–207.
32. Бекашев К. А. Мировое рыболовство: вопросы международного сотрудничества / К. А. Бекашев, В. Д. Сапронов. – М.: Агропромиздат, 1990. – 228 с.
33. Бекашев К. А. ФАО и правовые вопросы охраны живых ресурсов открытого моря / К. А. Бекашев. – М.: Пищевая пром-сть, 1976. – 185 с.
34. Валеев Р. М. Контроль в современном международном праве / Р. М. Валеев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 300 с.; 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003. – 220 с.
35. Валеев Р. М. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. – М.: Статут, 2010. – 624 с.
36. Валеев Р. М. Международный контроль / Р. М. Валеев; отв. ред. Г. И. Курдюков. – Казань: [Б. и.], 1998. – 176 с.
37. Валеев Р. М. Понятие международного контроля в международно-правовой литературе / Р. М. Валеев // Советский ежегодник международного права, 1980. – М., 1981. – С. 283–289.
38. Валиуллина К. Б. Актуальные международно-правовые проблемы обеспечения защиты и сохранения Мирового океана / К. Б. Валиуллина // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. – Тольятти, 2017. – Т. 2. – С. 329.
39. Валиуллина К. Б. Международно-правовое регулирование и контроль в сфере внедрения чужеродных водных организмов и патогенов в

- результате сброса судовой балластной воды / К. Б. Валиуллина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 2. – С. 545–553.
40. Вылегжанин А. Н. Биоразнообразие морской среды и международное право / А. Н. Вылегжанин // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 69–81.
41. Вылегжанин А. Н. К вопросу о применении международно-правовых норм о морских живых ресурсах / А. Н. Вылегжанин // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2002. – № 2. – С. 110–119.
42. Канаев Е.А. Международный арбитраж по проблеме Южно-Китайского моря и морские территориальные споры в Северо-Восточной Азии / Е.А. Канаев, Бэ Бумки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – Москва: ИВ РАН, 2016. – С. 11–23.
43. Копылов М. Н. Экологическое районирование в международном и внутригосударственном праве: учеб. пособие / М. Н. Копылов, С. А. Мохаммад. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 115 с.
44. Копылов С. М. Наличие специальных принципов как обязательное условие оформления международного экологического права в самостоятельную отрасль международного права / С. М. Копылов // Правозащитник. – 2015. – № 4. – С. 6.
45. Копылов С. М. Принцип предосторожности: от зарождения до современного состояния / С. М. Копылов // Актуальные проблемы современного международного права. – М., 2015. – Ч. 2. – С. 416–421.
46. Локшин Г.М. АСЕАН и Территориальные споры в Южно-Китайском море / Г. М. Локшин. -М.: ИДВ РАН, 2016. С. 20.
47. Фомичева Е. А. Трудности консенсуса по ЮКМ (пример Лаоса, Камбоджи, Таиланда) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. — № 32. — С. 85.
48. “Treasures in South China Sea”, China Economic Weekly, Issue 12, 2012.

49. Bill Hayton, *The South China Sea: The Struggle for Power in Asia*, New Haven, London, Yale University Press, 2014, 298 pp.
50. Brian D. Lepard, *Customary International Law: A New Theory with Practical Applications*, Cambridge University Press, December 2009 ; ZHENG Bing, LI Pei-Nan, “The Origin of International Laws: International Customs and Treaties”, *Global Law Review*, Issue 1, 1986.
51. Chinese Arctic and Antarctic Administration in State Oceanic Administration Investigation and evaluation of mineral resources in Antarctica Ocean Press, Beijing (2016), pp. 1–369.
52. Dolven, et. Al, “Chinese Land Reclamation in the South China Sea: Implications and Policy Options”, US Congressional Research Service Report, 18 June 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sgp.fas.org/crs/row/R44072.pdf> (дата обращения 21.06.2022) Klein N. *Dispute Settlement in the UN Convention on the Law of the Sea / N. Klein.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 420 p.
53. Eugene C. LAFOND, “South China Sea” [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/South-China-Sea> (дата обращения 20.10.2021)
54. George Galdorisi, “The South China Sea: The World’s Most Important Body of Water?” 2014.
55. Harriet Moynihan, *China’s Evolving Approach to International Dispute Settlement* // Chatham House (London, 29 March 2017). Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-03-29-chinas-evolving-approach-international-dispute-settlement-moynihan-final.pdf> (дата обращения: 10.10.2022 г.).
56. Johnson S. P. *Environmental Regulation: An International View. European Economic Community / S. P. Johnson* // *Chem. Sov. Rev.* – 1976. – Vol. 5, № 4. – P. 448.

57. Johnston D. M. Regional approaches to the protection and conservation of the marine environment / D. M. Johnston, L. M. G. Enomoto // The environmental law of the sea. – Gland, Switzerland, 1981. – 419 p.
58. Kaufman, GG., Krueger, TH., Hunter, WC. (1999) The Asian Financial Crisis: Origins, Implications and Solutions. Springer. ISBN 0-7923-8472-5.
59. Leszek Buszynski, “The South China Sea: Oil, Maritime Claims, and U.S.-China Strategic Rivalry” (2012) 35 The Washington Quarterly p. 152.
60. M. Zhai, F. Wu, R. Hu, S. Jiang, W. Li, R. Wang, D. Wang, T. Qi, K. Qin, H. Wen Critical metal mineral resources: current research status and scientific issues Bull. Natl. Nat. Sci. Foundat. China, 33 (2) (2019), pp. 106–111.
61. Malgosia FITZMAURICE, David M. ONG, and Panos MERKOURIS, eds., Research Handbook on International Environmental Law. Northampton: Edward Elgar, 2010. P. 418.
62. Mark J. Valencia, Jon M. van Dyke, and Noel A. Ludwig. Sharing the Resources of the South China Sea.
63. Matashichi O. The day the sun rose in the west: Bikini, the Lucky Dragon, and I / O. Matashichi; Translated by R. H. Minear. – Honolulu: University of Hawai Press, 2011. – 165 c. Matz N. Marine biological resources some reflections on concepts for the protection and sustainable use of biological resources in the deep sea / N. Matz // Non-state actors and International law. – 2002. – № 3. – P. 279–300.
64. Maybourn R. The work of the IP working group on the burning of oil / R. Maybourn // Journal of Institute Petroleum. – 1971. – № 57. – P. 12–16.
65. Nicholson M. The environmental revolution: a guide for the new masters of the world / M. Nicholson. –New York: McGraw-Hill, 1970. – 366 p.
66. Oppengeim L. Mezdunarodnoe pravo. M., 1949, t.1. S. 36.
67. Pilpel N. The occurrence and fate of oil on the sea / N. Pilpel // Fairplay International Shipping Journal. – 1967. – № 4398.
68. QU Bo, “On the Application of UNCLOS in China”, Public Administration & Law, Issue 1, 2009.

69. Rajni Nayanthara GAMAGE, “Blue Economy in Southeast Asia: Oceans as the New Frontier of Economic Development” 2016.
70. Robert D. Kaplan. *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific* Paperback – January 6, 2015.
71. SEAFDEC, 2006. *Supplementary Guidelines on Co-management using Group User Rights, Fisheries Statistics, Indicators and Fisheries Refugia*. Southeast Asian Fisheries Development Center, Bangkok, Thailand. 84pp.
72. TAN Bo-Ping, *A Study on China's Laws and Rules concerning Marine Resource Protection*, People's University of China, Ph. D. Dissertation, 2007.
73. Tønnesson, Stein (2005). «Locating the South China Sea». In Kratoska, Paul H.; Raben, Remco; Nordholt, Henk Schulte (eds.). *Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space*. Singapore University Press. p. 204.
74. VALENCIA (Mark J.), “Oil and Gas Potential, Overlapping Claims, and Political Relations” in George Kent and mark J. Valencia (eds.), *Marine Policy in Southeast Asia*, University of California Press, Berkeley, 1985, p.159.
75. Valiullina K. B. State cooperation in matters of ensuring protection and preservation of the World Ocean / K. B. Valiullina, A. R. Khodzhiyev // *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. – 2016. – Special Edition. – P. 2461–2466.
76. Valiullina K. B. The International Law of the World Ocean Protection from Oil Pollution / K. B. Valiullina, A. I. Abdullin // *Helix / The Scientific Explorer*. – 2017. – Vol. 8, № 1. – P. 2954–2957.
77. Valiullina K. B. The principle of protection and preservation of marine environment, as the basis for ensuring the protection of the Oceans from pollution / K. B. Valiullina, D. H. Vallev // *INDO American Journal of Pharmaceutical Sciences IAJPS*. – 2017. – Vol. 4, № 10. – P. 3743–3747.
78. Waldichuk M. *International Approach to the Marine Pollution Problem* / M. Waldichuk // *Ocean Management*. – 1973. – Vol. 1, № 3. – P. 211–261.

79. Y. Zhang Sub-molten salt Technology—Cleaner production and efficient resource utilization Chemical Industry Press, Beijing (2016), pp. 1–523.
80. Yoshifumi Tanaka. The South China Sea arbitration: Environmental obligations under the Law of the Sea Convention. 2018.
81. Zhen Feng WANG, Zhi Peng SUN, Ji Tian ZHU, Ming Gang GUO, and Ru Feng JIANG, “Natural Gas Geological Characteristics and Great Discovery of Large Gas Fields in Deep-Water Area of the Western South China Sea” 2015 p. 497. D. KAPLAN, “The South China Sea is the Future of Conflict” 2011 p. 80.

4) Диссертации и авторефераты диссертации

82. Аббаслы Гурбан Аббас оглы. Международно-правовые проблемы разграничения морских пространств: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Аббаслы Гурбан Аббас оглы. – М.: МГИМО, 2008.
83. Ли Сын Мин. Экологическая составляющая концепции устойчивого развития: Международно-правовые аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Ли Сын Мин. – М.: МГИМО, 2004.
84. Марчуков В.Д. Проблема архипелага Спратли в Южно-Китайском море и перспективы ее урегулирования: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Марчуков В.Д. – М.: ДА МИД России, 2002.
85. Мелькин М.С. Международно-правовой статус ассоциации государств Юго-Восточной Азии АСЕАН: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Мелькин М.С. – М.: РУДН, 2012.
86. Нархова Е.И. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-китайские отношения: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Нархова Е.И. – М.: МГИМО, 2020.
87. Нгуен Куанг Тьен. Международно-правовая защита окружающей среды в рамках ассоциации государств Юго-Восточной Азии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Нгуен Куанг Тьен. – М.: РУДН, 2013.

88. Нгуен Нгок Ань. Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в регионе Юго-Восточной Азии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Нгуен Нгок Ань. – М.: РУДН, 2014.
89. Саксина Т.Г. Арбитражное урегулирование межгосударственных морских споров: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Саксина Т.Г. – М.: МГИМО, 2007.
90. Чан Чыонг Тхюи. Территориальные проблемы в Южно-Китайском море: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Чан Чыонг Тхюи. – М.: РУДН, 2006.

4) ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ

а) Материалы интернет

91. На пресс-конференции Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова 24 сентября 2022 г. по итогам 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН было отдельно отмечено, что «Южно-Китайское море станет следующей линией обороны НАТО». Подробнее см.: <https://youtu.be/Yv2FU-rA6Ro> (дата обращения: 10.10.2022 г.).
92. ЦИ Цзянь-Гуо, заместитель начальника генерального штаба НОАК, прямо заявил, что Китай оставит сложные территориальные споры следующему поколению. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.chinanews.com/mil/2013/06-03/4883514.shtml> (дата обращения 03.06.2022)
93. Сайт Правительства Китая. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2017/05/06/content_281475647322841.htm (дата обращения 02.07.2022).
94. “Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of Southeast Asia, United States Geological Survey. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.eia.gov/international/overview/world> (дата обращения 20.10.2021)
95. Journal of Tropical Oceanography. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journal15.magtechjournal.com/Jwk3_rdhxb/EN/1009-5470/home.shtml (дата обращения 02.07.2022).

96. Nature. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02242-y> (дата обращения 02.07.2022).
97. South China sea institute of oceanology. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://english.scsio.cas.cn/> (дата обращения 02.07.2022)
98. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). Режим доступа: <https://pca-cpa.org/ru/cases/7/> (дата обращения: 10.10.2022 г.).
99. THE UNEP/GEF SOUTH CHINA SEA PROJECT. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.unepscs.org/Project_Background.html (дата обращения 20.10.2021)
100. WWF Cite. Coral Triangle. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.worldwildlife.org/places/coral-triangle> (дата обращения 20.10.2021)